

АНТИТЕРА

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

NOVA

№ 3(30)
2022

ЖУРНАЛ «ЛИТERRA NOVA» — ТЕРРИТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

*Литературно-публицистическое сетевое издание
с печатью по требованию*

Параметры отбора произведений

1. Любое произведение должно быть интересным (с точки зрения редакции).
2. Редакция имеет право в отказе автору в публикации без объяснения причин.
3. Стихотворные произведения не должны превышать 20000 строк (очень строгое соблюдение нормы обязательно, но желательно).
4. Прозаическое произведение не должно превышать по объему 200000 символов с пробелами.
5. Произведения, размещаемые в номере журнала, должны быть написаны на русском языке.
6. **Произведения принимаются по электронной почте на адрес sandisaba@mail.ru при предоставлении автором:**
 - а) **биографических данных и фотографии;**
 - б) **сведений о публикациях, если есть.**
7. Не принимаются произведения от анонимных авторов. Хотя произведение может быть опубликовано под псевдонимом при обязательном условии, что редколлегия будет знать настоящее имя автора. Не принимаются произведения, содержащие ненормативную лексику, существенно противоречащие литературной политике редакции и пропагандирующие ненависть.
8. Принимаются произведения всех жанров, соответствующих политике журнала: от реалистической до фантастической. Приветствуется разнообразие форм: интервью, эссе, рассказы, зарисовки, повести и романы.
9. Авторы, приславшие свои произведения, автоматически соглашаются на редакторскую правку.
10. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением автора при публикации публицистических произведений.

Формат

Журнал «Литerra Nova» издается форматом Б5 176 x 250 мм, печать цифровая, обложка и восемь страниц — полноцветные, остальные в один цвет, 136 страниц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- **Александр БАЖАНОВ** –
главный редактор sandisaba@mail.ru
- **Александр ЗЕВАЙКИН** –
зам. главного редактора
- **Светлана ТРЕМАСОВА**
- **Алексей МУЗАЛЕВ**
- **Наталья РУЗАНКИНА**
- **Сергей СОЛОНИН**
- **Майя СИДОРОВА**
- **Стас (Степан) НЕСТЕРЮК**

Обложка и иллюстрации

- **Александр ТРЕМАСОВ**

Верстка

- **Владимир КОШКИН**

Издатель

- **Сергей ГОЛОВАНОВ** golovanovcv@mail.ru

Адрес редакции: 430016, г.Саранск, ул.Полежаева, 115-5

Телефоны: 8 (8342) 230171, +79176965448

Е-мейл: sandisaba@mail.ru

Издание напечатано по технологии Print on demand (печать по требованию) по индивидуальному заказу

Литерра Нова ©

ЛИТЭРРА НОВА

ТЕРРИТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-публицистическое сетевое издание
с печатью по требованию

Издается четыре раза в год

12+

3(30) 2022 год
СЕНТЯБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

- 2 ФАНТОМ. Александр ЗЕВАЙКИН. Подарок для внука. *Повесть.*
- 27 ПАМЯТЬ. Анатолий СТОЛЯРОВ. Журналист милостью Божьей. *Очерк.*
- 30 ПАМЯТЬ. Юрий МАКЕЕВ. Журавли. *Поэзия.*
- 36 ПРОЗА XXI ВЕКА. Сергей ВИШНЯКОВ. Только ночь. *Рассказ.*
- 51 ПРОЗА XXI ВЕКА. Сергей РАХМАН. Жажда жизни. *Рассказ.*
- 54 ПРОЗА XXI ВЕКА. Николай ХРИПКОВ. «Милый, я беременна!» *Рассказ.*
- 57 СТРОФЫ. Анна ЗОРИНА. Колыбель уютных снов. *Поэзия.*
- 59 ФАНТОМ. Владимир КОЛАБУХИН. Фортуна Эллы Хейса. Дознание Феррари. *Рассказы.*
- 68 ФАНТОМ. Павел ЛЕЦ. Бессмысленный полет. *Рассказ.*
- 80 СТРОФЫ. Анфиса ТРЕТЬЯКОВА. Ты мне звонишь. *Поэзия.*
- 84 ЛУКОМОРЬЕ. Наталья РУЗАНКИНА. Хозяйка яблони. *Рассказ.*
- 93 ЛУКОМОРЬЕ. Кирилл БАЯНОВ. Мрак. *Рассказ.*
- 108 СТРОФЫ. Олег СКРЫННИК. Триптих. *Поэзия.*
- 112 КЛАССИКА. Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. Время надежд: Ф.М. Достоевский и современность. *Статья.*
- 116 СТРОФЫ. Алексей УДАЛКИН. Метет метель. *Поэзия.*
- 118 РЕЦЕНЗЕНТ. Мари МОСКВА, Валентина ЮРЧЕНКО. Волшебница по имени Ежемила. *Мнение.*
- 121 СТРОФЫ. Вячеслав КОЛЕСОВ. Осеннее детство. *Поэзия.*
- 125 ВОКРУГ СВЕТА. Владимир БУЕВ. Антверпен. *Путевые заметки.*

Александр ЗЕВАЙКИН

Родился в 1965 году в Саранске. Лауреат Литературной премии имени А.Н.Терентьева (1997). Лауреат Литературной премии Главы РМ (2004). Лауреат премии «Рождественская звезда» (2013). Автор книг «Легенда» (1994), «Сборщик кидатей» (2006), «Утро туманное» (2015, Канада), «Малец и море» (2020), «Вторник обитания» (2021). Публиковался в русскоязычном германском журнале «Литературные задворки» (Дюссельдорф, 2014, рассказ «Джон и Тимми»), в израильском русскоязычном журнале «Новый дом» (Кармиэль, 2008, рассказ «Море»). Член Союза писателей России с 2001 года. Член редакционной коллегии интернет-журнала «ЛиТерра Nova».

ПОДАРОК ДЛЯ ВНУКА*

Глава 16 ЮРСКИЕ ТРОПЫ

— Ну что, рискнем? — Лори обвел цепким взглядом всю команду.

— Надо идти, — немного повременив, согласился Джон, — Ждать больше нельзя. Ты как? — обратился он к тестю.

— Да нормально, — храбрился тот. У него подскочила температура, рука распухла и покраснела. Да к тому же бил легкий озноб, так что на него надели две демисезонные куртки и вязаную шапочку с синим помпончиком.

Они откатали люк и прислушались. Было на удивление тихо.

— Перед грозой, — недовольно поморщился Лори.

— Покаркай, — недовольно скривился Питер.

— Мать твою! Уроды! — возопил Лори, когда они вышли в кухню, превращенную по каким-то динозаврьим соображениям, в общественный туалет, — По ходу дела, от этих динозавров произошли свиньи.

Питер усмехнулся:

— Нет, дружище, скорее всего — люди.

Оголец поступил очень мудро: он поставил танк на полпути от дома к фургону. Высунувшись по пояс из башенного люка, он крутил головой непрестанно и по кругу, высматривая неожиданных гостей. Было весьма подозрительно, что летуны куда-то запропастились. Путь до фургона прошли без приключений. Целых тридцать ярдов и без приключений! И уже расселись согласно штатному расписанию, как Лори спохватился:

— А Вилли? Где Вилли?! Где этот долбаный засранец????!!

Чисто американское слово, как нельзя лучше определяющее данного индивидуума.

Все, как есть, стали дружно оглядываться.

— Вон профессор! — первым углядел его Малыш Гамми.

— Этот говнюк никогда не угомонится, — заключил Питер, поморщившись.

Профессор спускался по решетке с балкона, и на его спине красовался объемный армейский рюкзак.

— Он таки украляйцо летуна! — догадался Лори, хотя других версий здесь не проглядывалось.

* Окончание.

– Смотрите налево! – вскрикнул Джон. Оттуда приближалась рассерженная мамаша.

– Сейчас она его сожрет, – выдохнул Питер.

– И правильно сделает! – Лори ударил обеими ладонями по рулю, – Никак не может без гадостей!

Джон выскочил из фургона, дважды выстрелил, но оба раза промахнулся. Попасть в стремительно снижающегося летуна, оказывается, не так уж просто. Не учат этому полицейских. Лишь оказавшись на земле, Вилли обернулся и узрел свою крылатую смерть. Распахнув крокодилю пасть, она стремительно приближалась. Повинуясь инстинкту самосохранения, профессор побежал, как бежит оглашенная курица по проселочной дороге, надеясь обогнать едущий сзади автомобиль. Тупо и прямо. Вдоль стены, прочь от входа, где можно было укрыться. Летун теперь шел вдоль самой земли, и стрелять в него было нельзя, поскольку он находился на одной линии с профессором. С саблей наголо Лори бросился спасать недалёковидного бедолагу.

– Будь здесь! – бросил он через плечо Джону и побежал на помощь мистеру Крайсу, – Стой! Стой! Не беги, – кричал он ему, – За дерево! Встань за дерево!

Но от страха профессор, по-видимому, оглох. Бегун из толстячка Вилли был никакой, даже хуже оглашенной курицы, не удивительно, что летун его быстро догнал и уже нацелил на него страшные когти. Но судьба-насмешница на такой быстрый исход спектакля была не согласна и подкинула на дорожку грабли, о которые Вилли споткнулся в самый подходящий момент. По инерции смерть пролетела над жертвой, обдав ее прохладным ветерком. Теперь ей надо было развернуться для повторной атаки. Это дало Лори возможность подтянуться поближе к профессору, и когда летун во второй раз обрушился на него, Лори, как заправский рыцарь из древней легенды, рубанул чудовище саблей по крылу. Тонкая кость хрустнула, крыло сложилось, и летун, ткнувшись в стену дома, рухнул наземь, к самым ногам профессора.

– Чего ждешь? Бежим! – крикнул Лори.

Профессор вздрогнул, словно очнулся от наваждения и припустился за спасителем. Не успели они пробежать и десяти ярдов, как Лори услышал сдавленный крик профессора и глухое утробное урчание. Лори оглянулся и остолбенел: профессор лежал на пузе, лицо его имело меловой оттенок, глаза – выпучены, рот открыт, но нем. Над ним стоял бегун и, вцепившись в рюкзак, трепал его, очевидно приняв за горб жертвы. Лори вскинул пистолет, но тут же сверху на шею динозавра упала черная мохнатая тень... «Оголец!» – удивился Лори. Универсальный боевой

крыс отработанным приемом обезглавил хищника, и тому стало совсем не до Вилли. Он пронзительно заверещал, закрутил головой и затоптался на месте, чудом не наступив на профессора.

– Вилли, беги! – крикнул Лори. Огольца подгонять не пришлось, он сам отлетел на пять ярдов, подбежал к Лори и застыл у левой ноги, как наддресированная собака. Вилли, все еще бледный вскоре присоединился к ним.

– В фургон, профессор, быстрее в фургон, пока не подоспели его дружки.

А ящер все крутился, как ошпаренный, и попасть в его голову было очень сложно. Тогда Лори разрядил в его тело всю обойму, догнал профессора, и, ухватив за рукав, вынудил бежать быстрее. Захлопнув за профессором дверь пассажирского отсека, Джон запрыгнул в кабину и Лори тронул фургончик.

– Да, профессор, Сара из тебя никудышная, – не сдержался от комментариев Лори.

– Да, грации, не хватает, – согласился Питер.

– И ума, – едко добавил Лемур.

– Вы про какую Сару говорите? – любопытствовал шериф.

– Про Сару Хардинг.

– Она из нашего городка? Что-то я не слышал такую фамилию.

– Нет, она из 1997 года. Парк Юрского периода. Вторая серия.

– А вот яйца они догадались украсть только в третьем фильме, – усмехнулся Лемур.

– Да разве за нашим Вилли угонишься?! – ничуть не кривя душой, удивился Питер, – На предмет пакостей он первостатейный малый. Таких еще поискать надо. Спасибо хоть бы сказал ребятам.

– Спасибо, джентльмены. Я ваш должник, – еще слабо ворочая языком, промямлил Вилли.

– Разумеется, – заверил его Лори, – по окончании миссии и итоги подведем.

Фургончик оказался очень удобным, поделенным на три отсека: собственно, кабину, пассажирское отделение, с двумя трехместными диванчиками и столиком между ними, и довольно вместительным грузовым помещением. Между собой они были разделены половинчатыми перегородками.

– Хорошо хоть бензина полный бак, – удовлетворенно отметил Лори, ознакомившись с приборной доской.

В грузовом отсеке они обнаружили несколько ящиков с тушенкой и минеральной водой.

– По ходу дела, они магазин грабнули, – выдвинул свою версию Лемур.

– Да, – согласился Питер, – Тушенка явно не армейская.

– Это не сложно будет установить, – вставил веское слово шериф.

– А сколько унисолы могут протянуть без еды? – поинтересовался Питер у друга.

– Тридцать лет, это точно, – не моргнув глазом отозвался Лори.

– Ты смеешься?

– Нет. Ты не хуже меня знаешь, когда их законсервировали.

– Вот именно, что законсервировали. Их заморозили, да к тому же у них была система жизнеобеспечения. А в обычных, полевых условиях? Я имею ввиду наших, которые сидят в бочке.

– Думаю, без воды им хуже, чем без еды.

– Надо скинуть им по три ящика и того и другого, – предложил Питер, – Обидно будет, если они умрут с голода. Все-таки... – он выразительно посмотрел на друга и тот все понял.

– Давай, только быстро, – согласился Джон.

Лори повернул фургончик к нефтяному складу. На пару с Джоном они открыли люк цистерны и сбросили туда три ящика по пятнадцать банок арizonской тушенки в каждом и три упаковки по шесть полторашекмонтановской минералки. Внутри цистерны было подозрительно тихо.

– Похоже, мы опоздали, – неопределенным голосом отметил Джон. И было непонятно, то ли сказал он с досадой, а то ли с облегчением.

– Потом проверим. Надо торопиться, пока зверюшки из леса не заявились, – Лори захлопнул заднюю дверь, – Погнались.

– Вилли, какая крейсерская скорость у вашего танка? Оголец за нами угонится?

– На этом фургоне вы за ним не угонитесь.

– Мне главное, что бы он не отстал.

Больше всего профессор удивился, что его не сильно ругали. Он и сам сидел тише напуганной мышки, случайно влетевшей в комнату с пятью котами, но потом вдруг оживился:

– Джентльмены, у меня к вам деловое предложение, поскольку мы теперь на колесах и под прикрытием танка, я предлагаю подняться до метеостанции и забрать мой компьютер, на котором хранятся ценные разработки. Даю пятнадцать тысяч. По пять тысяч на человека.

– А Малыш? Он тоже рискует, – праведно возмутился Броуди Старший.

– Хорошо, даю двадцать, – на удивление быстро согласился профессор.

Но тут вмешался Лори:

– Этот вопрос не обсуждается: нам необходимо срочно доставить моего лучшего друга в клинику.

– Но тут всего десять минут в оба конца, – взялся конючить профессор.

Это очень не понравилось шерифу, он поморщился и твердым официальным тоном объявил:

– За эти десять минут может случиться все, что угодно. Мы можем застрять на час, а то и на

три. Я не намерен рисковать жизнью любимого тестя и вам этого не позволю.

– Сорок! Я даю сорок тысяч! – чуть не плача взмолился профессор, но шериф был непреклонен, поскольку состояние родственника вызывало у него серьезные опасения.

– Лори, мы едем в ближайший госпиталь и как можно скорее.

– Мне за бочку бурбона сто пятьдесят тысяч давали, – поморщился Лори, – на кону жизнь моего друга, а ты тут торги устроил. В другой раз Вилли, в другой раз. Впрочем, если хочешь, я могу тебя высадить, пока далеко не отъехали. Добежишь до станции, забаррикадируешься, а ФБР-овцы потом тебя спасут.

– Автомат дадите?

– Могу дать раритетную саблю, не больше.

Мистер Крайс застонал, как раненный буйвол, закрыл глаза и погрузился в свои мысли.

А шериф, будучи все-таки человеком душевным, решил немного оправдаться перед профессором:

– Вот если бы у нас не было раненого, и был цел мой джип, мы бы, конечно, доехали до станции. Больно уж там тропинка неважная, на таком фургоне трудно будет проехать. Извините, профессор.

– Не стоит он оправданий, – поморщился Лори, – это его крысы сожрали твой джип.

Шериф промолчал, он полностью переключился на осмотр, проплывающей за окном территории, Питер сидел, закрыв глаза, его здорово донимала раненная рука, а Малыш Гамми пересматривал бой среднего бегуна с мелкими.

Выйдя за ворота, Лори прибавил газку, удачно вошел в поворот и тут же, не успев ни затормозить, ни свернуть, фургончик с глухим шлепком влетел в огромную, пяти футов высотой кучу свежего помета. Она была такая большая, что автомобиль в ней увяз.

– Офигеть! – в первую секунду Лори даже растерялся.

– Что это? – удивился Джон.

– Гуано для удобрения, – отозвался Лори, уже сообразив, в чем дело.

– Я думал, такое только в кино бывает, – покачал головой шериф.

– Добро пожаловать на кордон юрского периода. Когда-нибудь и про нас кино снимут.

Лори включил заднюю скорость, и на малых оборотах выбрался из гигантской лепешки. Они объехали кучу, а за вторым поворотом, который проходили с особой тщательностью и на малой скорости, увидели стадо рогатых динозавров.

– А вот и виновники, – отметил вслух Лори, – Малыш, снимай динозавров. Да, тут шибко не разгонишься, – продолжал ворчать Лемур, старательно объезжая по обочине вторую, третью,

пятую кучу, – Ни какой культуры, даже с дороги сойти не желают! Это же издевательство! Ты только посмотри!

Идущий впереди динозавр заложил еще одну «мину».

– Да и обогнать их не получится, – посетовал Питер, поскольку вдоль дороги шла глубокая канава.

– А может посигналить? – предложил Джон.

– Это не овцы: махнет хвостом, и пол крыши – нету.

– Надеюсь, они не столь агрессивны, – с робкой надеждой заметил шериф.

– Если только они не напуганы, – тяжело вздохнув, подал голос Питер, – страх, как правило, провоцирует агрессию.

Лори посмотрел в зеркало заднего вида. Танк, как и договаривались, был в пятнадцати ярдах. Это придавало путешественникам весомую долю уверенности.

Слева была живописная дубовая роща, справа – пологий склон, поросший густой высокой травой и редкими кустами черемухи. Дорога эта была третьего значения, и потому – совсем узкая: двум легковушкам только разминуться. А динозавры были широкие, и можно даже сказать – негабаритные, поскольку с обеих сторон у них торчали роговые пластины по три, а то и по четыре фута, на длинном же, и массивном хвосте, вихляющим из стороны в сторону, красовались не менее внушительные рога, так что один такой хвост в движении перекрывал всю дорогу. «Рогохвосты чистокровные», – подумалось Лори. По всем приметам асфальтовое шоссе им очень понравилось, поскольку шли они гуськом, где в шеренге по одному, а где и парами и сворачивать на зеленую травку не собирались.

– Так мы за ними весь день плестись будем, – недовольно буркнул Лори, – сквозь такое стадо не протиснешься, и, как назло, не объедешь.

– Они что, тоже в город направляются? – поинтересовался шериф.

– Спроси у них, – парировал Лори. Тащиться за динозаврами ему не нравилось. Хотя они и большие, а ходят медленно. И потому Лори пребывал не в самом хорошем расположении духа. И тут, словно услышав его мысли, два последних динозавра свернули к одинокой яблоне, по-видимому, привлеченные яркими спелыми плодами. Правая обочина освободилась, и Лори решил рискнуть. Обошел одного хвосторога, второго: вроде ничего, тихо. Стегозавры на цирковой фургончик реагировали совершенно спокойно. До тех самых пор, пока из дубравы нелегкая не принесла, ой, как не вовремя, ну просто огромного бегуна с гребнем на спине и длинной крокодилей мордой. Он не просто выскочил, а

заорал, как оглашенный, желая показать свою крутизну.

– Ни дна тебе, ни покрывки! – в отчаянии простонал Лори Дан.

Тут-то стегозавры и проснулись. Стадо развернулось на девяносто градусов. Огромный шип ударил в лобовое стекло, выдавил его и, зацепившись за правую стойку, с легкостью развернул фургончик, едва не столкнув в канаву. Тут же бедный автомобильчик потряс второй удар и в грузовой отсек, пробив железную обшивку, как бумажный лист, заглянул огромный хвостовой рог. Фургончик конвульсивно дернулся, и как не жал Лори на тормоза, все-таки сполз в канаву, уткнувшись носом в земляной откос.

– Без паники! – воскликнул Лори, – Всем оставаться на местах! Мы под прикрытием!

Но все и так оставались на месте, поскольку были просто ошарашены случившимся и еще не сумели оценить сложившуюся обстановку.

Стегозавры, все как один, от мала до велика, ломанулись в ту степь, то бишь, прерию, но убежать от такого монстра было просто невозможно. Он в два прыжка, по крайней мере, так показалось Лори, настиг самого мелкого и жалобно бляющего стегозаврика, и уже разверз свою ужасающую пасть, намереваясь отхватить ему голову, как сразу со всех сторон послышался странный звук «а-о-ум-м-м», и туша монстра разлетелась на мелкие кусочки. Только голова осталась по какой-то удивительной причине целой и невредимой. Ее отсекли исполинским мечом, и она шмякнулась на землю, туда, где только что стоял ее хозяин. От удивления маленький стегозавр даже бляеть перестал, а старшие остановились, в изумлении высматривая исчезнувшего врага.

– Вакуумная пушка, – наконец-то подал голос Вилли.

– Как-то не по-товарищески получилось, – не сдержался и Питер, – он нам дорогу расчистил, а мы его в благодарность уконтрапушили.

– Нет, пусть уж как есть, – не согласился с ним шериф, – он бы запросто вскрыл наш фургончик, как консервную банку.

– Согласен, – высказал свое мнение Лори, – с коровами, хоть они нам всю дорогу и заминировали, мне все-таки спокойнее, чем с тиграми.

Он завел двигатель, включил заднюю скорость и попытался вывести фургон обратно на дорогу, но не получилось.

– Мы застряли, – сообщил он товарищам.

– Дальше пойдем пешком? – подал робкий голос Малыш Гамми.

– Нет, – успокоил его Лори, убирая из кабины остатки лобового стекла, – Попросим Огольца, и он нас вытащит.

– А трос у нас есть? – как бы между прочим поинтересовался шериф.

– У танка есть лебедка, – не замедлил ответить ему Вилли.

– Вот и прекрасно. Джон, займи мое место, а я объясню Огольцу ситуацию. Надеюсь, мою дверь не заклинило, а то придется через окно лезть.

Но тут фургончик вздрогнул и сам собой стал пятиться, выбираясь на дорогу. Лори посмотрел в зеркало и одобрительно кивнул:

– Молодец парень. Мои мысли читает. Ну что, поедем с ветерком?

– А у нас есть выбор?

– Выбора нет. Пассажирам принять лежачее положение, что бы в уши не надуло, поскольку погода предвидится ветреная.

Глава 17 ДОКТОР ЛАРА

После третьего поворота, а дорога попалась извилистая, они увидели летящий навстречу красный спортивный автомобиль. Лори поспешно замигал фарами, и, высунув руку в окно, принялся усиленно махать, затем совсем остановился и выскочил из кабины. Спортивный автомобиль неизвестной шерифу марки остановился буквально в одном футе от ног Лори. Из машины вышла хоть и не молодая, но очень эффектная женщина с фигурой голливудской дивы.

Лори начал первым:

– Здравствуй, дорогая! Ты, как нельзя, кстати. У Питера небольшая проблема с рукой, посмотри, пожалуйста.

Лара не стала задавать лишних вопросов, поскольку битый, богато унавоженный фургончик и потрепанный вид самого Лори говорили о многом.

– Где он?

– В фургоне.

Увидев руку Питера, она поморщилась.

– Надо срочно в клинику. Пересядьте в мою машину.

– Я поеду с друзьями, – попытался возразить Питер, но женщина жестко обрезала:

– Здесь команду я! Вопрос стоит о вашей жизни и счет идет на секунды. Быстрее, – она развернулась и скорым шагом направилась к машине. На заднем сиденье у нее всегда был чемоданчик экстренной помощи.

– Дружище, мы обязаны подчиниться. Поверь мне, она лучший врач штата, если не всей Америки.

Пока Питер выбирался из фургона, Лара уже приготовила два шприца и тут же уколола его в предплечье сквозь рубашку.

– Я поеду побыстрее, а вы – как сможете. Но поторапливайтесь, медицинская помощь нужна всем без исключения.

Лори кивнул.

– Хорошо.

– Чуть не забыла самого главного: ты случайно не захватил мой ноутбук? Я за ним как раз ехала. Он мне очень нужен.

– Конечно, захватил, дорогая. Малыш Гамми за ним присматривает. Я планировал заглянуть к тебе на чашечку кофе.

– Сначала – процедуры, а кофе – после анализов.

– Пит, мальчик, будь добр, принеси ноутбук, – попросил Лори.

Лара села в машину, пристегнула Питера и, мягко развернув машину, вдавила педаль газа. У больного даже в глазах потемнело от перегрузки.

Самое удивительное, что буквально через пять минут Питеру довольно ощутимо полегчало, и он даже попытался улыбнуться.

Женщина коснулась автомагнитолы и кабину наполнила старая аудиозапись на русском языке.

– Как вы относитесь к творчеству Аркадия Северного?

– Длинно, нудно и скучно.

– Что, прямо так и относитесь?

– Нет. Поет он так. Можно послушать одну-две песни, но не больше.

– А мой папа был от него без ума.

– Моему папе он тоже нравился, но мне ближе более разносторонние авторы, а не одноплановые исполнители.

Женщина улыбнулась.

– Ну надо же, какой вы привереда.

– Да какой уж есть, – и тут его словно током ударило, а сознание обожгло невероятной догадкой, – А у вас нет случайно дяди в Азове?

– Да, есть. И зовут его Николай Иванович. И тетя Настя в Оброчном тоже есть, – после этих слов она так внимательно посмотрела на него, что сердце у Питера остановилось.

– На дороге, – онемевшим языком прошептал Броуди, поскольку они летели сто пятьдесят миль в час, – на дороге смотрите.

Лара кивнула и на чистейшем русском продолжила:

– Ну, давай, рассказывай, что у вас там стряслось?

Питер слегка замялся, соображая, как бы поаккуратнее соврать.

– У нас с Лори нет друг от друга секретов, – уловив его извилистые сомнения, предупреждающим тоном заявила женщина.

Питер подумал, подумал и выложил все, как есть. Но больше всего его удивило то, что Лара не удивилась. Она восприняла появление динозавров так же спокойно, как эпидемию ветрянки. И унисолы тоже не вызвали у нее никакой реакции.

– Война миров, – пояснила свое спокойствие Лара.

– Каких миров? – не понял Питер.

– Боятся динозавров не стоит. Они проживут не больше недели. Наши бациллы их просто сожрут. Как марсиан у Герберта.

– А их бациллы в ответ нас не сожрут?

– Вот этот вопрос меня и занимает большее всего. Но самое срочное и важное на текущий момент – ваша рука. И не смотри на меня так, Лори это может не понравится, – заметила Лара.

– Я знаю только один город, где рождаются такие красивые девочки.

– Да, – кивнула Лара, – я из Воронежа. Была здесь на стажировке после института, да так и осталась. Вышла замуж, родила дочку, открыла клинику, – пауза, – А вот три года назад – овдовела. Насмешка судьбы. Я думала, что такое только в фильмах бывает. Крокодил съел моего мужа. Он был биолог с мировым именем. И вот из очередной экспедиции не вернулся. Хороший он был человек, только уж больно рискованный. Не мог без экстрима. Но видно лимит везения кончился.

Питер решил повернуть печальную тему, хотя его сильно подмывало похвастаться, что их с Лори чуть не сожрали динозавры и гигантские реликтовые скорпионы. А если уж быть предельно честным, то реальной опасности со стороны юрских монстров подвергался лишь Малыш Гамми.

– Но я могу тобой хотя бы полюбоваться? Без всякого умысла. Красивая женщина – лучшая анестезия. Обо всем забываешь.

– Красивая, – хмыкнула Лара, – ты опоздал лет на двадцать.

– Нет. Красота не уходит, она идет в ногу с нами. И меняется, так же, как и мы. И остается, так же, как и мы, в вечной молодости.

Лара взглянула ему в глаза и ничего не сказала.

– Кстати, Лори не стоит ревновать. Красивая жена у меня есть, красивая дочка есть и даже красивая внучка имеется. А теперь еще и красивая сестренка появилась.

– Вот даже как?!

– Ну да! Если вы с Лори поженитесь. Он же мне как брат, стало быть, ты будешь сестрой. Да еще и племянница будет. Я надеюсь, она в маму пошла.

– И в маму и в папу. У него бабушка из Одессы. Да, Ольга у нас удалась на славу.

– Она с тобой?

– Нет, она сейчас в Воронеже.

– Вот как!

– Пишет диссертацию по русской культуре. Она помешана на всем русском. Так что вы подружитесь. Будет о чем поговорить.

– Я рад. А Лори обязательно хвост накручу.

– За что?

– Ведь даже словом о тебе не обмолвился.

– Вот как раз и хотел сегодня нас познакомиться. А про тебя он мне много рассказывал. Ты, действительно, для него самый близкий человек.

– После тебя, – Питер подумал и добавил, – И Ольги. Красивое имя. И ласковое.

– В честь бабушки, моей матери, – уточнила Лара, – А меня на самом деле Ларисой Вячеславовной зовут, но все друзья Ивановной кличут, как стюардессу из «Мимино». Помнишь?

– Да-а-а, такую Ларису нельзя не хотеть.

– Тихо, тихо, не увлекайся. Я тебе только сестра. Не забыл?

– А я чего? Я ничего. Я излагаю по факту. Спасибо графу Орлову.

– Это ты про Воронеж?

– Да. Не скучаешь?

– Я каждый год регулярно летаю. У меня там родни много. А маму сюда хочу забрать. Ей одной уже тяжело.

– Да, – согласился Питер, – Так оно лучше будет. А таки свадьба когда?

– Боже ж мой! Я тебя умоляю! Какая свадьба?! – на одесский манер затянула Лара, – Мы не в Голливуде. Вот Ольга вернется и соберем вечеринку, – она не на долго замолчала, – Да, здорово тебя разнесло. Я так полагаю, что вместе с динозаврами к нам немеряно меловых вирусов провалось. Надо ждать неопознанных эпидемий.

– Если честно, то меня другие последствия больше волнуют, – признался Питер.

– Боевые динозавры?

– Да.

– Может быть. Вполне может быть, – согласилась Лара. – У нас сейчас проблема поважнее: спасти руку. Хотите вы этого, или нет, но всех вас я запру на две недели в изоляторе. На карантин. Ради вас, и ради ваших близких. Даже ради безопасности всей планеты. Понимаешь?

– Да что ж тут непонятного? Раз попали в такую переделку, то идти придется до финиша. И еще... ты не могли бы ехать чуточку помедленнее?

– Ах, не беспокойся. Я неофициальная чемпионка Америки по автоспорту.

– Знаешь, что я тебе скажу, девочка? У тебя есть дочь, у тебя есть мать, у тебя есть Лори, и куча дядюшек и тетушек в придачу...

– И что?

– Не испытывай лимит везения. Я не хочу, чтобы мой брат овдовел ни свет ни заря. Ты нам очень нужна.

– В качестве доктора? – улыбнулась Лора.

– Во всех качествах без исключения.

Глава 18
ЗА СЕРЖАНТОМ

Лори проводил взглядом улетевшую машину подруги, и уже собрался включить зажигания, но...

– Она превышает скорость, – заметил шериф.

Лори удивленно посмотрел на него и довольно жестко ответил:

– На кону жизнь моего друга и твоего тестя. Можешь меня лишит права, но сейчас я займусь тем же. Я выжму из этого сарайчика на колесах все, на что он способен.

– Да что же я не понимаю, что ли, – слегка обиженно буркнул Джон, и, стараясь придать голосу светскую беспечность, все-таки поинтересовался, – А она всегда так ездит?

– Нет, – соврал Лори, – только когда нам требуется скорая медицинская помощь.

– Я похлопочу, чтобы ей выдали служебную мигалку, – вдруг заявил шериф, – А что у нее за автомобиль? Я раньше не видел таких моделей.

– Это эксклюзивный «Москвич» ручной сборки.

– «Москвич»? – удивился Джон, – Но я не слышал о такой марке. Но по скорости он не уступит ни «мустангу», ни «комаре».

– Все дело в том, что эта женщина – доктор из России. И нет ничего удивительного, что при переезде она прихватила с собой некоторые личные вещи, – и тут Лори заметил в зеркале заднего вида, что Оголец мигает фарами.

– Что-то случилось, – сообщил он Джону и вышел из машины.

Оголец тоже выскочил из танка, он был чем-то взволнован. Его хвост постоянно скручивался в кольцо и тут же выпрямлялся.

– Что случилось?

Оголец сошел на обочину и написал пальцем на песке:

– Сержант в клетке.

– Ты его запер?

Пятым кивнул.

– Нам надо вернуться?

Опять утвердительный знак головой.

– Да, без еды и таблеток он долго не протянет, – согласился Лемур, – Теперь, когда Питер в надежных руках, я думаю, мы можем посвятить Сержанту двадцать минут нашего времени.

Он посмотрел в непривычные глаза старого друга, и тот в ответ одобрительно кивнул.

– Строй прежний: ты нас прикрываешь.

Оголец поднес выпрямленные пальцы к виску, как бы сказав этим жестом:

– Да, сэр!

И одним прыжком с места преодолел четыре ярда до танка.

– Неплохо, – качнул головой Лори, – А я вот Лемур, но у меня так не получается.

– Что случилось? – осведомился шериф.

– Мы возвращаемся, – не глядя на собеседника ответил Лори.

– За компьютером? – в один голос воскликнули шериф и Вилли.

– За Сержантом, – удовлетворил их любопытство Лемур.

– За Сержантом?! – теперь удивился один профессор.

– Да. Пятым запер его в клетке.

– Ну и пусть поддыхает там с голода, – поморщился Вилли, – это отработанный материал.

Лори обернулся и внимательно посмотрел на него:

– Ты хочешь, чтобы готовый материал попал к федералам? В клетках достаточно воды и сухого корма. Едва ли он успеет умереть до их прихода.

– Ой, – спохватился профессор, – тогда нам надо торопиться, и компьютер заодно прихватим.

– Да уж, конечно, не оставим, – кивнул Лори, решив про себя, что и профессору его возвращать не стоит.

Они развернулись и устремились обратно. В небе кружили летуны, дорогу то и дело пересекали мелкие бегуны, в лесу кто-то ревел, но Лори, самому себе на удивление, уже практически не реагировал на чешуйчатых пришельцев, словно они были здесь испокон века. Ловко обошел одного рогатого слева, второго – справа, довольно удачно увернулся от шипастого хвоста, тот лишь чиркнул по крыше.

– Ты как будто всю жизнь среди них гоняешь, – не сдержал удивления шериф.

– Да, было дело, – усмехнулся Лори.

– Когда же успел? – шериф направил на Лори испытующий взгляд, – Ты что, в «Юрском парке» снимался?

– Нет, в прошлой жизни. Я был таким же мелким, – Лори кивнул в сторону трехфутового динозаврика, перебегающего им дорогу, – И приходилось немало шустрить, чтобы не попасть в желудок зверюге побольше.

Шериф усмехнулся, оценив шутку Лемура:

– Да, ведь все мы произошли от динозавров: и люди, и звери, и птицы.

Лори внимательно посмотрел на него:

– Сдается мне, Джон, что по воскресеньям ты в церковь не ходишь.

– Я материалист, да... – он помедлил, – да в общем, и некогда, хотя, иногда и хочется зайти.

Но церковная тема развития не получила, поскольку на пути случился затор: два рогача бодались, стоя поперек дороги.

– Вот бараны! Места им другого не нашлось, – от досады Лори ударил обеими ладонями по

рулю и принялся высматривать хоть малейшую лазейку, но крутые откосы холмов вплотную подошли к дороге, только водоотводная канава разделяла их.

– Может попросим Огольца расчистить дорогу? Стрельнет разок, и... – предложил шериф.

– Жалко, – посетовал Лори и вдруг спохватился, – Пит, – он обернулся в салон, – Посмотри в ящиках под сиденьями, там должны быть ракетницы или хотя бы петарды.

– У меня в рюкзачке есть ракетница. Дедушка мне дал, а...

– Одной маловато будет. А загляни-ка под диван, там еще быть должны.

– Ой, да, есть. Тут их много!

– Дай-ка мне пару штук, может, удастся спугнуть этих рогатых бегемотов.

– А если они с испуга в нашу сторону ломанутся? – выдвинул возможный вариант развития ближайших событий шериф.

Лори включил заднюю скорость и поравнялся с танком. Оголец тут же вынырнул из люка.

– Мы хотим пугнуть их ракетницами, но если хоть один ломанется в нашу сторону, стреляй из минус-пушки не раздумывая, иначе он закатает нас в асфальт.

Оголец утвердительно кивнул и скрылся в танке.

Лори протянул одну ракетницу шерифу.

– Постарайся попасть в голову. Твой – левый, мой – правый.

– А почему не наоборот? – удивился шериф.

– Потом объясню, – отмахнулся Лори, – Конечно, это не винтовка и прицелиться сложно, но мы постараемся, не так ли?

– Постараемся, – согласился шериф.

– Тогда – пали.

Шериф выстрелил первым, Лори – вторым.

Ошарашенные потоком искр «бараны» отшатнулись назад и одновременно повернулись в сторону фургона.

– Оба. Как по команде, – насторожился шериф, надеясь на противоположную реакцию со стороны монстров.

– Стреляйте! Стреляйте еще! – крикнул Пит и сунул взрослым еще по одной ракетнице и выстрелил сам. И вовремя. Рогатые бегемоты уже сделали пару шагов на сближение с верной смертью. Но сразу три ракетницы, шипя и сверкая, заставили их задуматься. Они нехотя развернулись, и бок о бок, как старые друзья, побрели прочь.

– Ну вот, мы их и помирили, – усмехнулся Лори.

– Да, здорово, – согласился Пит, – они же совсем не злые, зачем их убивать?

Лори завел двигатель и потихоньку тронулся за «баранами». Они, идя рядышком, по-прежнему перекрывали дорогу. Но теперь хотя бы двига-

лись в нужном направлении. Вскоре косогоры расступились и шериф пустил еще одну ракетницу по боку правого рогатика. Это возымело должное действие: он повернул влево, навалился на брата и тот был вынужден сойти с дороги.

– Ну, вот и порядочек, – удовлетворенно отметил Лори и прибавил газку.

– Откуда ты узнал, что в ящике есть ракетницы? – спросил его Джон.

Лори усмехнулся:

– Ватсон, это же элементарно! Фургончик-то цирковой!

– Какой Ватсон? – по новой озадачился шериф.

– Ты что, и Шерлока Холмса не знаешь? – в свою очередь удивился Лори.

– Ах да! – спохватился Джон и хлопнул себя ладонью по колену, – Совсем из головы вылетело. Ты знаешь, я поражаюсь твоему самообладанию и способности шутить в критической ситуации.

– Это защитная реакция, – пояснил Лори.

Наконец-то они добрались до кордона и остановились у западных ворот, дабы оценить обстановку. На первый взгляд все было тихо: крылатые динозавры летали, как им и положено, рогатые щипали травку, а труп среднего бегуна терзали койоты.

– Это они зря, – заметил Лори.

– Ты о чем? – спросил шериф, натренированным взглядом прошупывая окрестности.

– О койотах. Скорее всего, они подхватят юрскую дизентерию.

– Зато наедятся досыта.

– И, скорее всего, в последний раз, – возразил Лори, – Не заметил ничего подозрительного?

– Нет, все, как обычно, – ответил Джон.

Лори пристально посмотрел на него и улыбнулся:

– Ну вот, а ты говоришь про чувство юмора.

– Я говорю про последние сутки. Больших бегунов не видно, а маленькие на фургон не нападают. Вон, смотрите, что там?

Все дружно повернулись в указанную сторону. Через двор кордона мелкий бегун гнал лисичку. И уже почти ухватил за пушистый хвост, но та в последний момент успела нырнуть в трубу, где Оголец прятал Малыша Гамми.

– Надеюсь, она выберется, – прошептал мальчик.

– Конечно, выберется, – подбодрил его Лори, отметив, что вся команда на стороне родных животных, пусть даже таких шкодливых, как лисы и койоты, – ты выбрался, и она выберется.

– А интересно, сколько их в наш лес перебежало? – в задумчивости изрек Джон.

– Я думаю – много. Новая, никем не освоенная территория всегда выглядит заманчиво.

– Хорошо хоть портал закрылся.

– А не факт, что он был один, – не разделил его оптимизма Лемур.

– Ты это серьезно?

– Вполне.

Шериф повернулся к Вилли:

– Профессор, что вы скажите по этому поводу? Возможны еще порталы?

– Я не специалист по временным провалам. Но почему бы и нет? В нашей жизни все возможно, и мы не перестаем в этом убеждаться.

– Спасибо, профессор, вы нас сильно успокоили, – скривился Джон, – Хотя какая разница, сколько порталов, ехать-то надо. Тропинка уж больно неподходящая для нашего лимузина, да пешком не пойдешь.

– Да, тут не увильнуть и не разъехаться. Если какой-нибудь диплодок поперет в лобовую, то Оголец не сможет за нас заступиться, поскольку мы перекрываем ему линию поражения.

– Так давай пустим его вперед, – предложил шериф.

– Ладно, поехали, мы и так много времени потеряли. Все будет нормально, – он выжал сцепление и врубил первую скорость, – и запаситесь на всякий случай ракетницами.

Джон повернулся к пассажирскому отсеку:

– Пит, там еще остались ракетницы?

– Полно!

– Подай мне три штучки, нет, лучше пять.

– Ага.

Лори и не подозревал, что на тропинке, по которой он ходил сотни раз, столько колдобин, промоин и вредных пеньков, от ложной скромности прячущихся в высокой траве и низких кустах. Именно на них четыре раза налетал бедный цирковой фургончик, так что бампер его выглядел теперь довольно плачевно. Слишком маленькие колесики довольно внушительного фургона не были рассчитаны на лесные прогулки, так что путешественники чувствовали каждый корень, выползший посмотреть на мир солнечный, да и себя, неказистого, заодно показать. Лори то и дело морщился, а Джон недовольно качал головой: из-за такого вот особо толстого корня они угодили правым передним колесом в промоину и, как говорится, «сели на брюхо». Огольцу пришлось рисковать жизнью, цепляя трос лебедки. Он уже накинул петлю на крюк, как откуда-то не возьмись, точнее, из-за ближайших деревьев выскочил мелкий бегун. Огольца спасла мгновенная реакция и мощные задние лапы: он пулей взлетел на крышу фургона. Лори и Джон переглянулись.

– Летун? – прошептал шериф, доставая из кобуры своего безотказного «Питона».

Лори прислушался и качнул головой, но так же тихо ответил:

– Скорее всего, это Оголец. Слышишь, четыре лапы, – однако, тоже снял пистолет с предо-

хранителя, поскольку саблей в кабине размахивать несподручно.

Оголец тем временем провел рекогносцировку местности. Маленький бегун не мог достать его и потому сердито верещал. Это мало волновало Пятого, он уже прикидывал расстояние до танка. По его расчетам без промежуточной посадки ничего не получалось. Если он сейчас махнет на двенадцать футов, то там еще шесть останется. «Надо было подъехать поближе, с досадой подумал Оголец, – Хотя подъезжать ближе тоже не желательно: громоздкий фургон закрывает широкий сектор обзора и в случае выстрела можно случайно зацепить его».

Пока Оголец раздумывал и примерялся, на зов бегуна явились два собрата и словно специально встали у танка, именно там, где он рассчитывал приземлиться. «Придется подождать», – решил Пятый и отправился на совет к друзьям.

– С мелкими бегунами что делать будем? – поинтересовался Джон.

– Высовываться нам не желательно. Если сунутся – стреляем, – высказал свою точку зрения Лори.

– А может, ракетницей пугнем?

– Лучше с крыши из автомата стрельнуть, – предложил Лори, – выбраться через люк и...

– Так там летуны. Видишь их сколько.

– Плохо, что они нас от танка отрезали, – недовольно поморщился Лори.

– Думаю, это не на долго. Сейчас мы их немного пугнем, и они разбегутся.

– Это не зайцы, они выстрелов не боятся.

– Тем хуже для них.

– Смотри, там еще двое.

– Вижу.

Тут по крыше кабины постучали и несколько секунд спустя из-за верхней границы оконного проема показалась морда Огольца.

– Заходи, братишка, – пригласил его Лори, – Бегуны помешали зацепиться?

Пятый кивнул и легким плавным движением перетек в кабину.

– Они нас обходят, – сообщил Джон, глядя в правое зеркало заднего вида.

– Вижу, – ответил Лори и протянул Огольцу ПММ – еще не разучился пользоваться?

– Мне думается, они нас учуяли. Смотри, как осторожно крадутся, и верещать перестали.

– Приготовились. Замерли. Пассажиры, – Лори обратился к профессору и Питу, – сидите тихо и не жужжите. Джон, закрываем окна.

– А лобовое?

– А лобовое будем оборонять.

– Дайте мне автомат, – в который раз взмолился Вилли, – я боюсь.

– Психически неуравновешенным людям оружие давать категорически противопоказано,

– вставил свое слово страж порядка, – И вообще, бери пример с мальчика. Пит, ты ведь не боишься?

– Немного. Но я креплюсь.

– Молодец. И вы, профессор, крепитесь.

– Да я... – возмутился было Вилли, но Лори его перебил:

– Всё, тихо, молчи, если жить хочешь.

Защитники фургона в напряжении замерли.

– Вилли, что ты там делаешь, паршивец? – возмущенно прошептал Лемур, заглянув в центральное зеркало заднего вида.

– Успокоительное принимаю, – ответил тот, прихлебывая виски из горлышка.

– Вилли, откуда ты взял бутылку? У тебя же ее не было!

– Из-под сиденья. Я петарды искал, а нашел это...

Лори сосредоточенно сдвинул брови.

– А там еще есть?

– Целый ящик.

– Молодцы, клоуны. Дай-ка мне пару штук. Мальш, а ты найди пустую баклажку из-под воды.

– Что ты собрался делать? – недоумевал Джон, – Думаю, не самое удачное время экспериментировать с виски.

– Напротив, – возразил Лемур. Он открыл одну бутылку, понюхал, отхлебнул и выплюнул через лобовое окно.

– Профессор, как вы можете пить эту гадость?! Это дешевая бурда для бомжей.

– Знаете, выбор в нашем баре не слишком богатый, – на удивление спокойно отреагировал Вилли. По всей видимости, это неважное пойловсе-таки укрепило его нервы.

– Если вы напьетесь, то не сможете убежать от динозавров, и они вас съедят, – не удержался от дисциплинарной реплики шериф.

– Я не напиваюсь, – заверил его профессор, – три глотка для тонуса никому не повредят.

Лори проколол шилом в пластиковой крышке небольшое отверстие, заполнил баклажку содержимым двух бутылок и закрыл ее.

– Джон, если к нам заглянет бегун, дай мне две секунды, не стреляй сразу.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Вот как раз и посмотрим. Мой уже на подходе. Замерли.

Бегуны долго подбирались к фургону. Их пугало все в этом сооружении: размер, форма, запахи. Но были там и другие запахи: теплые, вкусные, и они-то манили сильнее страха. Вот первый бегун поравнялся с кабиной, заглянул в выбитое окно, и только было разявил пасть, чтобы гаркнуть, подзывая корешей, как вонючая обжигающая струя дешевого виски ударила в самую глотку. От неожиданности он даже забыл,

как дышать надо, поскольку огненная вода попала в дыхательное горло. Он скоканул в сторону, старательно мотая головой, закашлялся, зачихался, совсем как человек. Наконец-то, придя в себя, он предупреждающе заверещал. Бегуны отступили от фургона, но совсем уходить не стали, соображая, как бы половчее разобраться с этим зловредным зверем.

И тут в ста футах кусты и молодые деревья затрещали, и на тропу вышел средний бегун.

– У нас еще один гость, – прошептал Джон, хотя все уже заметили грозного хищника, – Туго нам без танка придется.

– Сидите тихо, может, пройдет мимо.

Самое интересное, что бегун стоял на ногах весьма неуверенно, покачиваясь из стороны в сторону, а большая голова клонилась то налево, то направо.

– Похоже, он пьяный, – отметил Джон.

Заметив среднего бегуна, мелкие в нерешительности остановились. Он тоже их увидел. Издав неуверенный, и очевидно, по его понятиям, грозный рык, пошатываясь, он побрел вниз по тропе, как раз к фургону.

– Что делать будем? – осведомился Джон.

– Сидеть. Сидеть и не дышать.

Мелкие бегуны на мгновение замерли, переглянулись и затем бросились врассыпную. Средний же метнулся вправо, желая перехватить ускользающую добычу, но лапа его соскользнула в канаву, и он, ломая кусты, и опять же, молодые деревья, рухнул набок. Теперь из груди его вырвался не грозный рык, а скорее – болезненный стон.

– Смотри, – заметил Джон, – он встать не может. Неужели, действительно, пьян?

– Скорее всего, съел кого-то не того, – высказал свое мнение Лори, – Посмотри, мелких поблизости не видно?

– Не видно. Я думаю, он нагнал на них достаточно страха.

– Да, – задумчиво произнес Лори, – бежать будут до самой Канады.

– Возможно, и до Канады, – согласился шериф, – А мы что делать будем?

– А мы едем на станцию, – ответил Лори и обратился к старому другу, – Твой выход, старина.

Оголец кивнул, вернул пистолет Лори и выскользнул из окна обратно на крышу. Через минуту фургон вздрогнул, подался назад, и колесо вышло из промоины.

Лори опустил стекло и махнул рукой. Пятый выскочил из танка, отцепил трос и в два прыжка вернулся на место.

– Едем дальше, – объявил Лемур, – как вы там, пассажиры?

– Нормально, – бодро отозвался Пит, – А он, что, действительно пьяный?

– Едва ли. Скорее всего, мухоморов объелся.
– Бедняга, встать не может, – посочувствовал бегуну Малыш Гамми.

– Да, – согласился Джон, – тут нам повезло.

По телу бегуна пробегали судороги, и он совершенно не обращал внимания ни на фургон, ни на танк. Даже головы поднять не мог.

– Хорошо хоть в канаву свалился. А если бы на тропу? Мы бы с ним не разъехались, – заметил Джон, – И что вы мне не говорите, но я считаю, что мы везучики.

Глава 19 МЕТЕОСТАНЦИЯ

Остаток пути они проехали так же медленно, но без приключений. Лори остановил фургон за двадцать ярдов до места назначения, чтобы была возможность осмотреться. Перед крыльцом станции была довольно большая и ровная поляна.

– Тут и развернуться можно, – удовлетворенно заметил Джон, и тут же подал дельное предложение, – лучше всего подъехать задом прямо к двери.

– Да, – согласился Лемур, – так действительно удобнее будет. Через задние двери и выйдем. Вилли, подай-ка мне еще пару бутылочек. А ты, малыш, подай мне ту красную занавесочку, что отделяет салон от кузова. Вот и хорошо, вот и ладненько.

Лори постелил занавеску по низу выбитого окна и душевно полил вонючим пойлом. На выразительный взгляд шерифа он ответил примерно так:

– А это что бы гости к нам не забрались, пока мы по станции гулять будем.

Из второй бутылки он дополнил баклажку и протянул Вилли.

– Вот твое оружие. Убойный вискомет. Он уже прошел боевое испытание и принят нашей армией на вооружение. Но помни, виски только для динозавров.

– Дядя Джон, а можно и мне вискомет? – загорелся мальчик.

Джон взглянул на Лори.

– А почему бы и нет? – одобрил тот, – Лишний ствол лишним не будет. Технологию изготовления ты видел.

Лори подогнал фургон вплотную к крыльцу, выждал, пока шериф изготовит второй вискомет и улыбнулся:

– Ну что, пойдём?

– Пойдем, – кивнул Джон, запихивая за пояс пистолет Стечкина, поступив при этом крайне не патриотично, чем вызвал ироничную улыбку Лори.

– Подождите, подождите, – спохватился Малыш Гамми, – Давайте возьмем несколько ракетниц, вдруг пригодятся.

– Парень дело говорит, – одобрил Джон, – Устрашающий фактор нам не помешает. У тебя в рюкзаке место есть?

– Конечно.

– Положи несколько штук.

– Сколько поместится? – уточнил мальчик.

– Да. С таким арсеналом мы устроим брадильский карнавал.

На первый взгляд со стороны фасада, станция казалась нетронутой: дверь на месте, все окна целы. Но бегуны могли забраться и с другой стороны. Выбить окно несложно. И устроить засаду. Хотя, кого они собирались ждать? Из любопытства? Гадать можно бесконечно. Надо войти и проверить.

– Вилли, ты ключ не потерял?

– Нет, со мной такого еще не случилось. Я держу ключи на привязи.

– Из-за рассеянности?

– Забывчивость – отличительная черта гениев, – без ложной скромности заявил профессор.

Лори улыбнулся:

– У гениев много отличительных черт. Хватит болтать, открывай скорее, пока гости не явились.

Внутри было тихо. Заперев дверь, они с минуты стояли неподвижно, прислушиваясь, но никаких звуков обнаружить не удалось. Да и мебель вся стояла по местам, стало быть, бегуны сюда еще не забрались.

– Ну что, пойдём за Сержантом? – предложил Лори, – Я первый. По сторонам смотреть и слушать зорче прежнего. Оружие держать наготове.

У клеток их ждал очередной сюрприз: два прутка были аккуратно срезаны автогеном, узник, разумеется, исчез.

Лори посмотрел на Пятого, тот лишь развел руками.

– Профессор, только не говори мне, что твои подопечные силой мысли могут плавить металл.

– Нет, не скажу. У Сержанта всегда был при себе портативный аппарат для резки металла. Чуть больше спичечного коробка. Запас небольшой, но два прутка как раз хватит срезать, – профессор растерянно оглядывался, щуря близорукие глаза, словно все еще надеясь отыскать беглеца.

– А это что? Смотрите, он раскурочил центрифугу. Зачем? А это что? Кастрюля? А это? – он поднял с пола половину цилиндра из светлого металла. – Это же титановый барабан. Зачем он его разрезал?

Тут Оголец взял половину кастрюли за ручку и приложил к своей спине.

– Наш приятель сделал себе титановый бронжилет. Я тебя правильно понял? – догадался Лори, – Заодно он действует как экран и отражает все сигналы. Поэтому мы и не можем его найти.

Оголец утвердительно кивнул.

– А он не так глуп... – в растерянности прошептал пресловутый гений.

– Ну и где мы его теперь искать будем? – задал риторический вопрос Джон.

– А не надо его искать. Бегуны его в лесу сыщут. Убежал, так пусть на себя и пеняет.

– Да, в лесу его найти будет крайне сложно, – добавил оптимизма Джон.

– Если он сам этого не захочет, вернее, будет сказать – невозможно.

– Идем за компьютером, – деловито заключил быстро сориентировавшийся Вилли, – не зря же ехали.

На втором этаже их поджидал еще один сюрприз, более впечатляющий, чем на первом, особенно для Вилли. Бедняга просто остолбенел, окаменел, потом издал классический вопль умирающего патриота:

– О нет! Только не это!

– Чисто по тексту сработал, – удовлетворенно отметил Лори. Поскольку Питера не было, его реплики по сценарию перешли к другу.

Компьютер, за которым они, кстати, тоже приехали, валялся на полу весь развороченный, порванные провода торчали в разные стороны, словно жилы растерзанного волками ягненка. Винчестера в компьютере не было. Его вырвали «с корнем», не потрудившись снять разъемы, а просто перекусили провода. С профессором приключилась чистейшая истерика:

– Всё! Всё пропало! Это твоих грязных лап дело! – накинулся он на Огольца, на что тот энергично замотал головой.

– Так оно и получается, что зря ехали, – глубокомысленно изрек шериф, – Зря жизнями рисковали.

Лори положил ладонь на плечо профессора:

– Заткнись, Вилли, и послушай меня, иначе мне придется применить для твоего успокоения вискомет.

– Да, да, вискомет! – вдруг обрадовался профессор, он отвернул пробку и сделал три больших глотка.

– Мне осталось только выпить до бесчувствия, упасть здесь и пусть меня динозавры съедят. Мне незачем жить!

Лори отнял у него баклажку и передал шерифу, затем развернул профессора лицом к себе, взял обеими руками за плечи и довольно ощути-мо встряхнул его.

– Если бы Пятый взял винчестер, то мы бы не поехали сюда за одним Сержантом. Ты меня

слышишь? Пятый знаком с техникой. Он бы снял разъемы и не стал подвергать сложную технику столь грубой обработке. Это проделки Сержанта.

Вилли наморщил лоб, стараясь собрать мысли в кучу.

– Да, да, конечно Сержант. Ну не динозавры же, – и вдруг он воспрянул духом, – Флэшка! Все ищите флешку! Она в зеленом чехольчике. Кто первым найдет, тому пятьдесят тысяч!

– Заманчивое предложение, – усмехнулся Джон. В компании Лори он начал потихоньку проникаться чувствами иронии, сарказма и юмора.

– Надеюсь, у него не хватило ума утащить и флешку, – Вилли принялся методично прошаривать ящики стола.

– Профессор, где вы ее обычно хранили, – постарался сузить географию поиска Джон.

– Да где угодно.

– Стало быть, привязывать флешку в ваших правилах не было?

– Нет, не было. Она всегда была здесь, на столе, или в столе.

Джон, Малыш Гамми и Вилли занялись поиском цифрового накопителя, а Лори... что-то не давало ему покоя. Смутное, уже забытое чувство тревоги просыпалось где-то в бесконечных задворках, закоулках его широкой души. Да не может такого быть! Столько лет прошло! Как не старался Лори отогнать это гнетущее состояние, так оно напротив, становилось все навязчивее, росло и холодило спину. Да, это Бульдог. Так его прозвали ребята, ибо он неустанно хвастался своим премиальным кольцом «Бульдог». А еще больше он любил следить за ребятами. Но с Лори у него этот фокус никогда не получался, поскольку шестым чувством Лемур сразу определял злобный взгляд сержанта. Да, тогда Льюис Хант действительно был сержантом внутренней охраны, призванной следить за порядком на базе. И он следил. Рвался, старался, выслуживался изо всех сил. Надо же, какое совпадение! Нет, Лори ошибиться не мог. Это чувство злобного взгляда в спину он запомнил навсегда.

Малыш Гамми стоял у стола и методично перебирал папки с бумагами, ворохом наваленные тут же. Он раскрывал каждую папку и заглядывал внутрь. Его мама тоже однажды потеряла флешку, и нашлась она именно в папке с бумагами. Так что...

– Малыш, посмотри, что там под столом валяется, случайно не пятьдесят тысяч баксов? – как можно спокойнее произнес Лемур.

Мальчик тут же нырнул под стол, и как нельзя вовремя. Здоровенная крыса брякнулась на ворох папок и по инерции проехала по столу. Лори со всего маха рубанул ее саблей, но титановый панцирь достойно выдержал натиск. Крыса сердито и хрипло рывкнула, будто прокашлялась, пере-

летела на подоконник, и высадила со всего маха стекло, тут же оказавшись на балконе. И только теперь, вдогонку, Джон решился выстрелить. Но попасть в такую быструю и верткую тварь даже шерифу не удалось. Он распахнул дверь и выскочил на балкон, но Сержант был уже у самого леса, еще миг и его длинный хвост исчез в кустах.

– Ушел, поганец, – в сердцах выругался шериф, вглядываясь в кусты, но тут его обдало сильным ветром и что-то большое бесформенное возникло перед глазами, а перила, за которые он все еще держался левой рукой, вздрогнули, и непонятно что так же быстро пропало. Джон посмотрел вниз и только тут понял, что подвергся атаке летуна, но Оголец защитил его, предприняв контратаку. Распластанный летун лежал на земле, слабо взмахивая крыльями, а Пятый вгрызлся в его горло до тех пор, пока голова не отвалилась совсем. А со стороны кордона по тропинке поднималась пятерка мелких бегунов, очевидно, тех самых, что осаждали их фургон. Заметив возню на земле, они оживились и прибавили шага.

– Что у вас тут случилось? – поинтересовался Лори, – Оголец выскочил, как ошпаренный.

– Он спас меня от летуна, – пояснил Джон, – А это, я думаю, старые знакомые идут по нашему следу.

– Да, скорее всего, они, – согласился Лори, – Оголец, возвращаясь на балкон, бегуны приближаются.

Оголец поднялся на задние лапы, осмотрелся, присели в один прыжок очутился на перилах балкона. Джон только головой покачал.

– Ты в порядке? – задал дежурный вопрос Лори.

Оголец кивнул. Он действительно был цел и невредим, вот только порядком вымазался в крови летуна.

– Тебе надо продезинфицироваться, – решил Лори, – Джон, дай-ка сюда вискомет.

Приняв от шерифа баклажку, Лори свернул пробку и протянул Огольцу.

– Прополощи рот. Глотать не обязательно.

Уловив запах дешевого пойла, Оголец поморщился.

– Тебе надо продезинфицировать рот, а то, не ровен час, подхватишь юрскую дизентерию. А у нас от нее лекарств еще нет. Задержи дыхание...

Пятый понимающе кивнул, для страховки обхватил хвостом столбушок, поддерживающий крышу, вздохнул поглубже и мужественно прополоскал и рот, и горло, как это делают больные ангиной люди. Скривился невероятно, мотнул головой, и по всему его крепкому телу пробежала судорога.

– Ты прав, братишка, – кивнул Лори, – виски, действительно, дерьмовский.

Бегуны, настороженно оглядываясь, приблизились к обезглавленному летуну, окружили его и немного выждали, не объявится ли добытчик предъявлять свои права на дичь. Но никто не появился. Тогда вожак первым ухватил лакомый кусочек.

– Пойдем в дом, – напомнил Джон, – нельзя ребят одних надолго оставлять.

– Ура-а-а!!! – раздался радостный вопль профессора.

Все трое переглянулись.

– Ну вот, Сержанта упустили, зато флэшку нашли. Теперь можно спокойно выбираться отсюда, – подвел итоги шериф.

– Да, – согласился Лори, – надо только Огольца отмыть. Мы быстренько на первый этаж в душевую кабину. Пять минут, не больше, так что подождите пожалуйста. Джон, присмотри за ребятами.

– Хорошо, только не задерживайтесь, а то я буду волноваться.

– Ты помнишь сержанта Льюиса Ханта? – спросил Лори Пятого, когда они вышли за дверь.

Тот утвердительно кивнул.

– Это его ты запер в клетке.

Оголец остановился и вопросительно посмотрел на Лори, требуя объяснений.

– Ты же знаешь, что он всегда следил за нами. Так вот, я почувствовал его взгляд. Его ни с чем не спутаешь.

Оголец закрыл глаза, сосредоточенно сдвинул брови, концентрируя память, потом утвердительно кивнул, и они пошли в душевую.

– Хорошо хоть мы генератор запустили, вода теперь есть, а вот шампунь я тебе не предлагаю, может случится непредвиденная реакция, – обратился Лори к старому другу, – Прополощись получше, а я пока окрестности проверю.

Лори обошел несколько комнат, но ничего примечательного не нашел. Лишь в последней, короткой и узкой, с маленьким окном у самого потолка, был большой деревянный люк с боковыми петлями и массивным, уже подернутым ржавчиной, кольцом, исполняющим роль ручки. Лемур приподнял довольно тяжелую крышку, привалил к стене и заглянул в глубокий продуктовый погреб, которым уже давно не пользовались. Там было темно и... кто-то там был. Из темноты довольно отчетливо доносилось постукивание, пощелкивание и потрескивание. «Каракатицы, мать иху! – словно током обожгло сознание. Лори быстро захлопнул люк, – Да что же они, прямо изпод земли появляются? Дело принимает скверный оборот». Никакого запора на люке не было и это очень огорчило Лори. По счастью в углу стояли несколько ящиков с кафельной плиткой. Лемур переместил их на крышку люка и поспешил в душевую.

– Ты как тут? – осведомился он у Пятого.

Тот поднял большой палец вверх.

– А у меня плохие новости: в подвале – каракатицы и скорпионы, нам надо поскорее уходить.

Оголец одобрительно кивнул. Как показалось Лори водные процедуры пошли ему на пользу. Он заметно повеселел и вроде как улыбался.

Они уже прошли мимо зала, где находились клетки хвостатых бойцов, как Пятый вдруг остановился, стал крутить головой и принимаясь, потом подошел к высокому трехстворчатому шкафу с антресолюю, удачно и гармонично вписанному в неглубокую нишу между двух кабинетов, покрутил головой, открыл одну дверку, вторую, потом – третью. Весь шкаф был заполнен папками с документами, да иначе и быть не могло, поскольку на центральной дверце антресоли висела полу оторванная бумажка с надписью «Архив». Пятый на секунду замер, что-то рассматривая на потолке, и вдруг сиганул на самый верх.

– Что-нибудь случилось? – поинтересовался Лори.

Оголец ничего не ответил, но через пару секунд оттуда свесилась его длинная черная рука, словно крысу за хвост она держала за провод раскачивающийся... винчестер.

Лори принял его, и Оголец совершенно бесшумно стек со шкафа на пол. Лори не переставал удивляться его мягким, практически неуловимым и в то же время стремительным движениям. Взвешивая на ладони винчестер, Лори задумчиво произнес:

– Федералы без труда бы нашли его. Но я так думаю, что и Вилли его отдавать не стоит. Что ты на это скажешь?

Оголец одобрительно кивнул.

Продолжить рассуждения им не позволил посторонний звук: кто-то царапал дверь с той стороны.

– Это каракатицы. В левом крыле второй ход в подвал, и они им воспользовались. А нам надо поспешить.

Лори пожалел, что на станции нет таких крепких дверей, как в его доме, а с другой стороны их здесь ничего не держит: фургон у подъезда.

– Как там у вас, без происшествий обошлось? – поинтересовался шериф.

– Без происшествий у нас уже давно ничего не обходится, – без особого оптимизма отозвался Лемур, – подвал забит каракатицами. С минуты на минуту они займут первый этаж и пожалуют к нам.

– Так с твоих слов получается, что на первый этаж нам лучше не соваться?

– Именно так. Нам и здесь засиживаться не следует. В этом доме – бумажные двери, их кошка с легкостью проломит, не то, что бронированный

монстр. Уходим через балкон на крышу фургона, и через люк – внутрь. Идем.

– Идем, – согласился шериф, опасливо поглядывая на дверь, – Малыш, будь ко мне поближе.

– Первым пойдешь ты, Оголец. Прежде всего проверь, нет ли кого в салоне. Шериф, ты следи за небом, а бегунов мы сейчас пуганем ракетницами. Приготовились, пли!

Дружный залп шипящего искристого огня заставил бегунов отступить от фургона.

– Оголец, пошел.

Пятый махнул сразу на кабину, через окно проник внутрь, через минуту вынырнул обратно и махнул рукой.

– Малыш, пошел.

– Ага.

– И вы, профессор, следом. Вспоминайте молодость, если она у вас была.

– Была, была, а как же, – бодро ответил профессор. На удивление проворно они оба нырнули в люк, благо стол располагался как раз под ним и облегчал задачу до минимума.

Три летуна сидели на гребне двускатной крыши и довольно равнодушно наблюдали за возней непонятных существ. По всей видимости, они были сытыми, и потому суетится без лишней надобности не желали.

Четвертого летуна уже давно доели бегуны, хотя что там было есть? Кожа да кости.

Лори и Джон так же без проблем добрались до своих мест в кабине фургона.

– Ну что, поехали? – осведомился Лори.

– Да уж поехали скорее, – подал голос профессор.

– Каракатиц нам уж точно ждать не стоит, – поддержал его Джон.

– А мне бы хотелось посмотреть, как на них бегуны отреагируют, когда они во двор выспятся. Может, отъедем к лесу и посмотрим?

– Нет уж, хватит, – категорично заявил шериф, – хватит с нас приключений, не будем ждать лишних.

– Тогда вискометына изготовку, а то бегуны уже подбираются. Вперед! – Лори завел двигатель, и фургончик направился к танку: надо было доставить Огольца.

Он легко перескочил на своего боевого коня, махнул лапой и исчез внутри.

– Не того бойца ты в танкисты определил, профессор, – заметил Лори.

– Да кто их там разберет, – отмахнулся Вилли.

– Так всегда бывает, когда не своим делом занимаешься. Ну что, ребята, прорываемся к дому? Кто знает молитвы, читайте, чтобы не попадались нам на дороге ни большие и ни маленькие динозавры, и чтобы приехали мы на место живыми и здоровыми. Аминь.

Глава 20
ДОРОГА

По всей видимости, творилась молитва все-рвез и от чистого сердца, ибо первый участок пути проехали они без проблем и приключений. Мелкие бегуны, держась на некотором расстоянии, проводили их до хорошей дороги и отстали, рогатые бегемоты щипали травку на лужайке, а летуны, как жаворонки, порхали в голубом небе, не обращая на фургончик никакого внимания. Одним словом – сплошная идиллия. Через две мили все дружно отметили полное отсутствие гостей юрского парка.

– Похоже, сюда они еще не добрались. А это кто на мосту? Симпсоны?! Я узнаю их пикап.

– Вот только их для полного счастья не хватало. Как в мультфильме, – поморщился шериф, – Иногда мне кажется, что Питер прав.

– Питер безбрежно и много раз прав. Мы кочем по сценариям Голливуда. По всей видимости, они решили меня проведать. Иногда Гомер выбирается ко мне со всем семейством, – без особой радости сообщил спутникам Лори и добавил, – чтобы мне жизнь медом не казалась, – потом еще выдержал паузу, – Ты знаешь, но мне кажется, что время не властно над стариной Гомером.

– Меня больше удивляет, что дети его не растут, – поддержал его Джон, – И скорее всего, они нашли там что-то интересное.

– Только живой динозавр может так обрадовать младших Симпсонов.

– Судя по восторженной физиономии Барта, так оно и есть, – недовольно поморщился шериф.

– Ребята, – Лори повернулся к пассажирскому отсеку, – можно выйти и размять ноги, только далеко не отходите: возможны летуны, бегуны, прыгуны и...

– Плавуны, – добавил Джон, – смотри, Лори, мы не ошиблись. Пойдем, глянем, такого мы еще не видели. Да, и сделайте вид, что не узнали Симпсонов, они уже устали от славы и не любят слишком пристального внимания.

– А кто такие – Симпсоны? – Малыш Гамми был настолько непосредственен в своем вопросе, что Лори облегченно вздохнул:

– Уже хорошо.

– Дядя Лори, здравствуйте! – первой к ним подлетела озадаченная Лиза. – Нам надо срочно организовать сбор подписей в защиту доисторических животных и создания в вашем округе заповедника Юрского периода.

Барт, перевесившись через перила, старательно разбрасывал чипсы, но их сносило ветром.

Он обернулся на приветствие Лори и тут же задал каверзный вопрос:

– А динозавры едят чипсы?

– Они просто не знают, что это такое.

– Я хочу их угостить, но у меня ничего не получается.

– Ты их отравишь! – праведно возмутилась Лиза.

– Будь осторожен, Барт, не свались с моста, – проявила материнскую заботу Мардж.

– У меня такое ощущение, что вы попали в аварию, – высказал Гомер свое мнение, пожимая руки Лори и его товарищам. – Представляешь, дружище, у меня получилось прекрасное воскресное видео. Будет что вспомнить. Как ты думаешь, старина, они сбежали из цирка или зоопарка?

– И много ты уже отснял? – поинтересовался Джон.

– Минут двадцать.

– На твоём месте я бы поторопился.

– Куда и зачем? В такой веселой компании я не был со дня последнего хеллуина. Смотрите, еще один вынырнул.

– Самые значимые каналы выложат за твой фильм огромные деньги. Ведь ты первый очевидец.

– Ты знаешь, старина, однажды я понял, что деньги не самое основное в жизни, – вдруг заявил Гомер, – У меня красавица жена, милые детки, – тут он выразительно посмотрел на сыночка, – они наполняют мою жизнь смыслом. А еще есть прекрасные друзья...

– Да, деньги – навоз, – согласился Лори, – сегодня нет, а завтра – воз. И тебе представился такой случай. Или ты уже простился с мечтой о семейном фургончике с грилем?

– Семейный фургончик? – встрепенулся Гомер.

– Да, за первое видео с живым динозавром ты получишь гонорар, очень большой гонорар, даже огромный! – закручивал пружину Лемур.

– Так, дети, срочно возвращаемся в город!

– Ну, папа!

– Но, папа!

– Чмок-чмок! – этот звук произвела Мэгги, поскольку за тридцать лет говорить так и не научилась.

– Тебе – скоростной велосипед, – Гомер ткнул пальцем в сына, а тебе... – он перевел взгляд на Лизу, – все, что захочешь. Только надо поторопиться, а то вон тот мальчик с камерой нас обгонит.

Да, малыш Гамми тоже решил снять плавающих динозавров.

Лори наклонился к уху Симпсона Старшего:

– Торопись, старина, а мальчика мы придержим.

– И еще, дружище, – вступил в разговор Джон, – передай от меня записку шерифу Даске-

ту. Ты же знаешь шерифа Даскета? Он поможет тебе с продвижением твоего фильма.

– Разумеется! Кто же не знает старину Даскета?! Конечно передам. Дети – по местам! Прощу тебя, дорогая! Вперед! К нашей мечте!

И они уехали. Без шума, гама и суеты.

– Как-то не по сценарию, – задумчиво произнес Лори, глядя вслед розового седана.

– Нам тоже надо торопиться, – заметил Джон, – пока округ не оцепили.

– Да, – кивнул Лори, – поехали.

Пит с неохотой оторвался от съёмки редких животных и отправился на место, профессор не заставил себя упрашивать. А Лори подошел к Огольцу, восседающему на столбушке перил, и смотревшемуся довольно величественно и живописно.

– Ну что, старина, проводишь нас до клиники?

Оголец утвердительно кивнул.

Лори достал из кармана винчестер, покрутил в руках и вопросительно посмотрел на старого друга:

– И что с ним делать?

Оголец пожал плечами.

Лори разжал руку, и винчестер полетел в реку.

– Так будет лучше.

Оголец лишь прикрыл глаза в знак одобрения.

– Экипаж – по местам, – уже громко скомандовал Лори.

Он уселся за руль боевого фургончика, включил скорость, отпустил сцепление и поддал газку. И уже съехали они с моста и прокатились с полсотни ярдов, как взгляд его упал на зеркало заднего вида. Лори остановил фургончик и на вопросительный взгляд шерифа качнул головой:

– Нет, шериф, все у нас строго по сценарию, – включил заднюю скорость и, ничего не объясняя, вернул фургончик на мост.

Барт сидел на уступе быка и при помощи спиннинга пытался поймать динозавра. В качестве наживки он использовал голубую бейсболку отца.

– Барт, старина, – как можно мягче поинтересовался Лори, – ты разве не хочешь скоростной велосипед с широкими шипастыми шинами?

К возвращению взрослых мальчик отнесся совершенно спокойно.

– Если я поймаю живого динозавра, то смогу купить не только велосипед, но и самолет.

– Едва ли он клюнет на кепку, – заметил шериф.

– Но чипсы у меня кончились, – мальчик в досаде развел руками, – у вас случайно не завялялось кусочка колбаски?

– Барт, ты сам как приманка. На тебя они клюнут охотнее, чем на поношенную бейсболку. Кстати, а ты знаешь, как выглядит смерть?

– Это скелет с косой, – мальчик изрек расхожее и затертое определение.

– Нет, твоя смерть с крыльями и огромным клювом. Посмотри вперед.

Над рекой летели три летуна. Были они на удивление большие и летели прямо к мосту.

– Руку, быстро! – скомандовал Лори.

Тут следует признаться, что Барт парень толковый и расторопный, особенно когда прижмет. Он сам пулей влетел в фургон.

Джон поднял пистолет, но Лори его остановил:

– Джон, не трать понапрасну патроны, мы успеем убраться с их дороги.

– Всем привет! – дружелюбно заявил Барт, перелезая из кабины в пассажирский отсек, – Меня зовут Барт Симпсон. А кто-нибудь видел раньше живых динозавров?

– Молодой человек, они вымерли шестьдесят миллионов лет назад, – авторитетно заявил профессор, и мальчик сразу потерял к нему интерес.

– А ты видел? – Барт обратился к Питу.

– Да, – ответил Пит, – один из них чуть не съел меня. Я, кстати, Питер Броуди Младший.

– Здорово! – воскликнул Симпсон-младший, пожимая протянутую руку, но тут же осекся и уточнил, – Я имею в виду здорово, что тебе удалось выкрутиться. Расскажешь?

– Да, – кивнул Пит, – я тоже так думаю. Там, на кордоне, было много динозавров. И летающих, и бегающих, и хищных, и травоядных. А вот водоплавающих я увидел только тут.

– Летающих я тоже видел, – довольно сообщил Барт, стараясь снять отцовскую бейсболку с крючка.

– Что-то не торопятся они его спохватываться, – заметил шериф, всматриваясь в ленту пустой дороги.

– Вот теперь все по сценарию, – улыбнулся Лори, – И как знамение счастливого финала – Гомер на горизонте.

Передав непутевого сына счастливым родителям, Лори взял курс на клинику Лары, а шериф решил вернуться к прерванному разговору:

– Так ты говоришь, что женщина, которую мы встретили – врач из России?

И Лори, почему-то, вдруг взвился:

– Ты хочешь знать, не шпионка ли она?! Я отвечаю тебе утвердительно. Да, шпионка. И об этом все знают. Я даже скажу тебе больше, я – шпион, и твой тесть – шпион, и Малыш Гамми – шпион, и он, – Лори указал на летящего по небу крылатого динозавра – тоже шпион. Последние разработки: самолет-разведчик, замаскированный под ди-

нозавра. Летает себе спокойненько над нашими полями и фотографирует наших сверхсекретных коров.

– Да ты что взъелся-то?! – опешил шериф, – Уж и спросить нельзя, – он резко повернул разговор в сторону парящего динозавра, – Далековато он забрался. Будет ребятам работенка. Хорошо хоть портал закрылся.

– У них там, в небе, другие расстояния, – примирительно согласился Лори, – Будешь своим звонить, не забудь про унисолов сказать.

– Здесь надо ФБР подключать и армию.

Лори скривился:

– Затаскают нас по любовным свиданиям.

– Куда ж деваться? Необходимые процедуры.

– Я думаю, после контакта с доисторическими формами жизни, нам не мешает пару недель отлежаться в карантине.

Шериф внимательно посмотрел на собеседника и выдал совершенно несвойственное американским шерифам предложение. Да к тому же на ломанном русском:

– Красиво излагаешь, сын пустельги и сорокопуга.

Лори мотнул головой:

– Это не твоя фраза.

– Не моя, – согласился Джон, – Моего тестя, но она мне очень понравилась, хотя я не понимаю ее смысла. А ты ведь тоже говоришь по-русски?

– Конечно, ведь я же шпион, – кивнул Лори.

– Нет, я серьезно...

Лори сокрушенно вздохнул:

– Скажи, шериф, чего тебе не хватает по жизни?

Джон задумался, а через минуту довольно уверенно ответил:

– У меня все есть.

– И у меня все есть. Понимаешь, нам нечего делить с русскими. Мы маленькие люди, всего лишь жертвы большой политики.

– Вот сейчас я думаю, что ты действительно шпион.

– Не забудь сказать об этом ФБР-овцам.

– Лори, если я коп, это еще не значит, что я плохой. Почему ты так враждебно ко мне настроен?

– Я не настроен. И ты парень хороший. Просто я сильно нервничаю. Из-за Питера, из-за всех нас, из-за своего дома.

– А что с домом? Когда мы уезжали, он был цел.

– В свете последних событий мой кордон отойдет в зону особых интересов государства.

Шериф внимательно посмотрел на него и кивнул:

– Скорее всего, так оно и будет.

– Больно уж дом у меня хороший был. С винным погребом. Премиальный бурбон, эксклю-

зивный виски, – Лори махнул рукой, – да все не перечесать. Да и вообще... привык я уже.

– Эй, ты куда повернул?! В город – налево, – спохватился шериф.

– В клинику. Мы едем в клинику Лары. На доскональное обследование и двухнедельный карантин. Мы все – потенциальные разносчики неизвестной доисторической заразы. И в целях государственной безопасности я принял решение изолировать нас до полного выяснения обстоятельств. А в городе мы всех перезаражаем. Ты не согласен, шериф? Безопасность населения – твоя основная функция.

– Согласен, – немного подумав, кивнул шериф, – Едем в клинику. Надеюсь, телефон там есть. Мне ведь надо сделать несколько звонков.

– Нам всем надо сделать несколько звонков. А телефоны там есть, так что не беспокойся.

– Пока что плохо получается, – признался Джон, – динозавры на моей территории.

– Пусть у ФБР-овцев голова болит, а мне надоело строить из себя героя. Приедут Малдер и Скалли и наведут порядок.

– Они уже на пенсии.

– Ну, тогда – Крепкий Орешек. Или, какие там у нас еще герои имеются? Человек-паук, Человек-муравей, Женщина-оса, Женщина-кошка, Железный человек, Капитан Америка, да всех разве упомнишь?! Чего-чего, а героев у нас хватает. Так пусть они и поработают.

Шериф понимал, что Лори просто необходимо проболтаться. Такое бывает с людьми в стрессовой ситуации. К тому же, он совершенно прав: пусть госбезопасность занимается столь глобальными проблемами. А он сделал все возможное: вывел отряд с минимальными потерями – только одно ранение. К тому же обезврежена банда унисолов. Тут шериф даже ощутил некоторое удовлетворение от проделанной работы и настроение его заметно улучшилось, тем более, что динозавров вокруг уже не было.

– Откуда твой друг так хорошо знает русский? И даже преподает в нашей школе этот язык.

Лори бросил быстрый взгляд на собеседника.

– Я тебя не обманул. Мы действительно шпионы. И нас готовили для заброса в Советский Союз. Но потом ситуация кардинально изменилась, послали мексиканцев, которые сыграли роль туркменских беженцев. А без языка, сам понимаешь, шпиону, ну никак нельзя. По акценту сразу выловить могут. Ну и чтобы совсем не забыть, мы для прикола иногда общаемся с ним на русском.

– И вы не боитесь мне об этом говорить?! – неподдельно удивился шериф.

– А чего мне бояться?! Наш спектакль прошел с большим успехом. Сам губернатор вручил

нам диплом за первое место. И даже денежное вознаграждение было. Не ахти какое, но обмыть успех хватило.

– Спектакль?! – растерянным шепотом уточнил Джон.

– А вы чего подумали? – усмехнулся Лори, – Ваш предшественник, старина Билл, играл шефа ЦРУ. Кстати, у Питера должна быть видеозапись этого спектакля. Не профессиональная, но довольно сносная. Большой Майкл снимал. Вы должны его знать.

Это была идея режиссера. Поскольку мы оба неплохо владеем русским языком, он доверил нам почетные роли главных злодеев – красных шпионов. И когда мы встречались на конспиративной явочной квартире, то говорили исключительно на своем языке. В зале никто ничего не понимал, кроме отдельных созвучных слов, а режиссер считал, что именно так и должно быть. Шпионы должны оставаться до самого финала главной тайной спектакля, и, соответственно, о чем они шепчутся, каждый зритель должен додумывать по уровню способности своего интеллекта. Фишка, кстати, удалась. После спектакля чуть ли не на каждом перекрестке шли горячие споры, и каждый отстаивал свою позицию, на голубом глазу пересказывая наши диалоги. Сколько зрителей – столько и версий. А режиссер останавливался возле каждой компании и посмеивался: он-то знал всю текстовку. Вот так мы и прослыли шпионами.

– Да, – обескуражено улыбнулся шериф, – с вами не соскучишься. А Питер никогда не говорил мне, что играл в спектаклях.

– Да это так, единичный случай. Можно сказать – экспромт. Сыграли – и забыли.

– Оказывается, я многого не знаю, – довольно глубоко погрузившись в свои мысли, изрек Джон.

Лори остался доволен произведенным впечатлением, но все же решил немного утешить беднягу:

– Поверь мне на слово – не ты один.

– Ладно, – взгляд шерифа немного оживился, – А меня научите?

– Предупреждаю сразу: язык очень сложный, заслуженно входит в десятку самых сложных языков мира.

– Да ладно?! – не поверил шериф.

– Научим. Чего ж не научить? Твой племянник, кстати, тоже пытается балякать по-русски. Но ленится. По крайней мере, мне так дедушка его говорил.

Некоторое время ехали молча.

– Русский язык намного глубже и свободнее нашего. Он, как океан – безбрежен. В нем очень много слов, которые нельзя перевести на другой язык, и нельзя объяснить иностранцу.

– А ты знаешь такие слова?

– Конечно. Нас очень хорошо учили русские профессора. Но одних слов мало. Необходим русский образ мышления. А это – запредельная высота. Как Эверест. Покорить ее могут лишь единицы.

– Ты меня заинтриговал. Я хочу побольше узнать о русских.

– В клинику, куда мы едем, практически весь персонал состоит из русских. У тебя будет возможность попрактиковаться.

– Надо же, я не знал, что у нас есть такая клиника.

Лори улыбнулся.

– Знаешь, Джон, я повторюсь, хоть это и не в моих правилах: ты еще многого не знаешь. Но спасибо тебе большое, ты приподнял мне настроение.

После минутного молчания, Лори продолжил:

– Да, шериф, не сердись, что я вспылел. Просто Лара моя любимая женщина, и все, что с ней связано я воспринимаю очень обостренно, – глаза его подернулись мечтательной дымкой, губы тронула легкая улыбка, и он сказал совсем тихо, – Представляешь, я влюбился, как в первый раз.

Шериф кивнул и тактично ответил:

– Я рад за тебя.

Лес уже стал отступать от дороги, неравномерно, то вправо, то – влево, оставляя все больше пространства под кустарник, и вдруг... нет, не средний бегун и даже не мелкий, а всадник на белом коне пересек им дорогу и скрылся в поредевшей дубраве. Все произошло так стремительно, что Лори даже не успел подать звуковой сигнал.

– Прогулки по сегодняшнему лесу не сулит ничего хорошего, – посетовал шериф, – а мы не успели предупредить парня. Это может плохо кончиться.

– Это не парень, – вдруг подал голос Малыш Гамми.

– А кто же?! – удивился шериф.

– Уж не девственница ли на единороге? – выдвинул свою версию Лемур, – Джон, ты не заметил, у него рог на лбу есть?

– Это Катя, – прояснил все вопросы Малыш.

– Катя?! – удивился Джон, – И ты думаешь у нее одной белая лошадь?

– Это не лошадь, – возразил мальчик, – это жеребец Тайфун. Дядюшка Сэм Джеллпси сказал, что никогда не видел такого огромного жеребца. А уж он-то понимает в этом деле. Он всю жизнь занимался лошадьми и ради выставок и скачек объездил чуть ли не весь мир.

– Да Катя и сама не маленькая, – шериф обнаружил давно известный факт, поэтому спорить с ним никто не стал.

– Я успел ее сфотографировать. Вот, смотрите.

Пит увеличил изображение на мониторе фотоаппарата и протянул дяде. Шерифа заставил задуматься тот, обычный на первый взгляд факт, что девочка была одета в пятнистый камуфляж вплоть до бейсболки, которую профессионалы называют «жакеткой». «Уж не в партизаны ли подались девочки?» – подумал он про себя, но тут же отменил эту мысль, как не реальную.

– Я все время следил за прибрежными кустами: а вдруг кто выскочит, вот она и выскочила. Я успел...

– Час от часу не легче, – шериф с силой ударил ладонью по правому колену. – В лесу догнать ее мы не сможем.

– А где Настя? Почему-то нет Насти, – вдруг заволновался Пит.

– А почему ты решил, что должна быть Настя? – шериф обернулся и внимательно посмотрел на мальчика.

– Они всегда ходят вместе. Их никто никогда не видел поодиночке.

– А у нее тоже есть лошадь? – поинтересовался Лори.

– Да. Рыжий жеребец Грин.

– И такой же огромный?

– Да. Но почему нет Насти? – продолжал волноваться Пит.

– Может она проскочила вперед, и мы ее просто не увидели, – Лори попытался успокоить мальчика.

– Из поликлиники мы сейчас же свяжемся с родителями Кати и все узнаем, – шериф тоже сказал свое слово, хотя разделял тревогу мальчика, поскольку тоже не помнил случая, когда встречал одну девочку без другой.

– Единственная надежда, что динозавры еще не добрались до этих мест, и она благополучно вернется домой.

– Мы встретили ее, когда только выезжали из города, – вспомнил Броуди Младший

– Она тоже была на белом коне? – поинтересовался Лори.

– Нет, они с Настей возвращались с утренней пробежки от озера.

– Это знак, – глубокомысленно произнес Лори.

– Какой? – поинтересовался Джон.

– Не знаю. Надо спросить Питера. Он у нас специалист по случайным встречам.

Лори сделал правый поворот. Узкая асфальтовая дорога вела в глубину леса.

– А это что?! – удивился шериф.

– А это мы уже приехали.

Грузовичок остановился около серебристых ворот. Вправо и влево уходил высокий забор. На

столбах Джон заметил видеокамеры, поглядывающие из стороны в сторону. Лори посигналил, и они стали ждать хозяев.

Пару минут шериф покрутил головой, но, не увидев ничего, кроме леса и забора, вдруг решил вернуться к ранее прерванному разговору:

– Пока ждем, ты можешь привести мне хотя бы один пример из русского языка? Мне жутко интересно.

«Самое время заняться изучением иностранного языка, – усмехнулся про себя Лори, – Это точно на нервной почве».

– Да, конечно, начнем с самого простого. Например: «утренник» в русском языке означает мероприятие, «дневник» – книга, «вечерник» – человек, а «ночник» – осветительный прибор. Постарайся запомнить.

Тут ворота отъехали в сторону и навстречу им вышли два человека в костюмах химико-бактериологической защиты.

– К нашей встрече они подготовились основательно, – отметил шериф, – Послушай, а ночник, это по нашему – бра, такой маленький светильничек, который включают на ночь в спальнях, что бы дети спать не боялись?

– Совершенно верно, – кивнул Лори, и тронул машину.

ЭПИЛОГ

Кордон Лори Дана. Золотая осень. Второй месяц на исходе. Но погода по удивительному летняя, деревья еще не потеряли свой теплый багряно-золотой наряд, а небо – без единого облачка. Шериф Джон жарит шашлыки, Малыш Гамми тренируется в стрельбе из сложного лука. У него уже кое-что получается. У мальчика есть четкая цель: произвести впечатление на Катю. Питер Старший и Лори гуляют по дороге, ведущей в город. У них своя задача: поговорить и встретить дорогу гостью.

– Ты знаешь, а мой внук Пит до кончиков ногтей уверен, что это реалити-шоу мы организовали специально для него. Переход компьютерной игры в реальный мир. Представляешь? Он в восторге и очень благодарен нам обоим.

Лори неопределенно пожал плечами.

– Ну и пусть. Может, так оно и лучше. Игра, так игра.

– Я очень рад, что кордон остался твоим. Золотое место, – Питер довольно улыбнулся, обводя зачарованным взглядом окрестные красоты.

– А уж как я-то рад! Ты даже представить себе не можешь! Они не только все трупы убрали, не только весь помет подчистили, но и полы на первом этаже перестелили, подвал весь вычистили, но самое удивительное, что бункер мой так и не нашли. Мне же присвоили очередное звание,

удвоили жалование, и теперь я еще должен следить за аппаратурой, которой они буквально забили всю метеостанцию.

– А я курить бросил, – поделился радостной новостью Питер, – представляешь, совсем не тянет. С тех самых пор, как мы попали в клинику Лары.

– Представляю, – кивнул Лори, – поэтому у тебя и виски потемнели.

– Не только. У меня четыре новых зуба выросли.

Мистер Дан остановился, повернулся лицом к другу немного помолчал и после чего медленно и очень серьезно произнес:

– С нами что-то происходит.

– С нами? – удивился Питер.

– Да, посмотри на меня повнимательнее. Я никак не могу привыкнуть к своему отражению. С меня лет двадцать уже сползло, и процесс все продолжается. А про зубы... так у меня шесть новых вылезло, – поделился своими новостями Лемур.

– Похоже, мы действительно что-то подцепили. Наш доктор тебе ничего не говорила? – пристально следя за реакцией друга, поставил вопрос ребром Питер.

– Пока нет. Мы с ней с тех пор и не виделись. Она все по конференциям да экспедициям мотается. Вот сейчас приедет и спросим.

– У меня есть только одна версия, и я могу тебе ее поведать.

– Слушаю.

Питер внимательно посмотрел на друга и после некоторой паузы начал излагать фантастическую информацию.

– Мы действительно подцепили очень сильный вирус юрского периода. Я, ты, и Оголец. Мне досталась самая большая доза. Лара не знала, что делать. И тогда я посоветовал ей применить «нулевую» сыворотку. Ее еще не испытывали на людях, но выбора не было.

– А что это за «нулевая» сыворотка? – настоятельно Лемур, – Я о ней ничего не знаю.

– Ее выделили из крови унисолов. Пожалуй, это была основная разработка нашего подземного центра. А сами солдаты – побочный продукт. Но о ней знали единицы. По сути – это лекарство от всех известных и неизвестных болезней.

– И ты знал? – Лори покачал головой: мол, нехорошо так поступать с друзьями.

– Это не мое решение. И ты прекрасно об этом знаешь.

– Ладно, – примирительно улыбнулся Лемур, – главное, что ты вовремя вспомнил.

– Но если бы ты не уговорил шерифа отправить Нормана в клинику к Ларе, то все мои воспоминания не стоили бы и ломаного цента.

– Да, все сложилось как нельзя лучше.

– Да, и Лара твоя – доктор от Бога. Она сделала все как надо. Четко и быстро.

Лори довольно и с затаенной хитринкой улыбнулся, показывая другу, что ему известно много больше, чем дозволено знать простому смертному, но Питер отнесся к этому абсолютно спокойно.

– Да, девочка у меня толковая, если не сказать больше.

– Так вот, я думаю, что сыворотка не только излечивает, но и приводит весь организм в оптимальное состояние. Поэтому и виски почернели, и зубы восстановились.

– Так это же... – Лори сам зажал себе рот ладонью.

– Человечество еще не готово к такому подарку. Да и побочные эффекты могут всплыть в любое время: и через год, и через два. Так что давай закроем эту тему. Пусть все останется между нами, – Питер резко повернул течение разговора, – Как там Пятый что про него слышно?

– Ты знаешь, оказывается, Вили неоднократно засылал его в мой дом. В качестве тренировки. Еще задолго до того знаменательного дня, когда нам посчастливилось встретиться. По заданию своего говняного шефа наш парень брал мои вещи и приносил ему. Я был весьма озадачен пропажей то одного, то другого, но еще больше удивлялся, когда через три дня вещь оказывалась на месте. Потом Оголец случайно наткнулся на нашу фотографию, и, соответственно, узнал меня. Уже во время заварушки осознанно пошел на контакт. Ему было нелегко принять такое решение. Но он поступил мудро и мужественно, а главное – правильно. А сейчас он у Лары в клинике главным диагностом работает. По запаху болезни определяет. Да они вместе приедут, – Лори улыбнулся, – чтобы впечатлительные дамы в обморок не падали, он там собачкой оформлен, – немного помедлил, – послушай, а за Джоном ты ничего странного не приметил?

– Ты имеешь в виду, не начал ли он молодеть как мы? – уточнил Питер.

– Ну да, ты же его почаще видишь.

– Нет, как обычно в таких случаях пишут наши газеты: «Шериф Джон, пресловутый профессор Вилли и Малыш Гамми отделались легким испугом». Так что колоть сыворотку им не было необходимости.

– Еще какие новости есть?

– Есть. Я бы даже сказал – веселые. Из центра пришла шифровка, нам присвоена золотая звезда «Героя Советского Союза».

Питер усмехнулся.

– Что, одна на двоих? И какого Союза? Его уже тридцать лет нет.

– А тридцать лет назад и присвоили. И документы подписали, да заварушка у них там не

ко времени случилась. Так бумаги наши и пролежали не знамо в каком сейфе. А тут, очевидно, исполнительного чинушу поставили, наткнулся он на них и решил дело исправить. Так что награды героев нашли. Всех троих. Огольца – по-смертно.

– Ну, спасибо. Это дело надлежит обмыть.

– Разумеется. А еще нам предложили вернуться. Как ты на это смотришь?

– Ну, уж нет. Я не представляю, какой разумный человек может вернуться в государство, из которого бегут дети главных патриотов, сидящих на самой верхушке власти. Причем, именно сюда, – Питер усмехнулся и покачал головой, – Если только на экскурсию. Здесь от меня больше прока, да и внука воспитывать надо.

– Я тоже так думаю, – Лори немного помедлил, потом все-таки спросил, – А не скучаешь?

– Боюсь, что мы уже другие люди, – Броуди тоже выдержал паузу, – И они. Я не люблю большие города. Вот если бы в глушь выбраться.

– Но в той глуши у нас уже никого не осталось. И уж если совсем ностальгия загрызет, то можно смотаться в Айдахо и побродить по Московским стритам.

Питер пристально посмотрел на друга, пытается определить, серьезен ли тот, или опять иронизирует.

– Так и сделаем. И намного дешевле обойдется.

– Значит, остаемся в этой, – Лори поднял раскрытую ладонь, Питер хлопнул по ней своей пятерней, и каждый в этот момент подумал: «А все-таки здорово, что у меня есть такой друг!».

– Слушай, а я все спросить хочу, как же установка оказалась у тебя? Она же по сути вопроса нас и спасла.

– Чисто случайно. Меня целый месяц обучали работе на ней, и когда пришло время отправлять ее на базу, то все, и машину и установку, дабы не создавать лишней интерес, оформили на меня. В документах она прописана, как установка обработки овец от блох, клещей и других кожных паразитов. Сам посуди, процедура совсем не лишняя, гнать ее пришлось через восемь штатов. И, представляешь, за пять миль до базы вода в радиаторе закипела, масло вытекло, двигатель задымился. Мы с Джеком и решили свернуть на кордон. Я остался при машине, а он отправился пешком на базу, чтобы, значит, утром вернуться с тягачом. Ну, а что случилось утром, ты уже знаешь.

– И что, так никто и не хватился?

– Тело Джека нашли на базе. Посчитали, раз шофер здесь, то и машина должна быть. Много их там осталось в подземных ангарах. Одной больше, одной – меньше, уже неважно. Все списали на самоликвидацию. Представляешь, она и

сейчас стоит в ангаре в полной боевой готовности. Я сам удивился, но федералы ее не тронули. Они вообще обошлись минимальными изъятиями. Даже бочки оставили, только стружку на анализ сняли. Удивительно!

– Согласен. На них не похоже. Возможно, что-то замышляют.

– Посмотрим.

И Питер посмотрел на горизонт.

– Закат сегодня красивый.

– Да, завтра будет хороший день.

– Я знаю, – согласился Питер, зачарованно глядя на нежное розовое солнце, он с горечью в голосе обронил, – Мыслящие твари никогда не будут жить мирно.

– Не надо о грустном: мясо жарится, мой фирменный виски разлит по бутылкам, да к тому же мы молоды, так что впору визжать от восторга и скакать по деревьям за бурундуками... О! А вон и наши ребята едут!

Они дружно замахали руками, приветствуя приближающийся белый джип.

Белый джип незнакомой Питеру модели остановился ярдов за пять, Лара вышла им навстречу и Броуди мысленно воскликнул: «Эге!», поскольку женщина выглядела просто обалденно. А точнее – помолодела на двадцать пять лет.

– Привет, мальчики, как вы тут? Не скучаете? Давайте поговорим на русском: а то мои уши вянут без великого и могучего языка. Я столько времени провела на конференциях! Вы не представляете, как устала от пустой болтологии.

– Не то слово, как скучаем, – следуя ее просьбе ответил Лори по-русски.

– Я тоже. Здравствуй, дорогой.

– Дорогая, у нас к тебе один очень важный вопрос. Все остальное потом.

Женщина понимающе кивнула.

– Я понимаю. Вас беспокоят непривычные процессы. Верно?

– Верно, – утвердительно и дружно кивнули изрядно помолодевшие друзья.

– Питер мне тут кое-что уже рассказал, но я бы хотел услышать и твое мнение, – добавил Лори.

– Спасибо Питеру, подсказал вовремя. Если честно, то я сама не слишком верила, но – это волшебство! На третий день вирусов в крови уже не было. И... сработало. Теперь вы стоите предо мной живы и здоровы, и я счастлива.

– Дорогая, а ты выглядишь сногшибательно!

– От отчаяния, поскольку не слишком верила в новую методику, я решила вколоть сыворотку и себе. Если с вами что-нибудь случится, то пусть тоже будет и со мной, поскольку вся вина на мне.

– Ты слегка преувеличиваешь, дорогая.

– Да, – согласился Питер, – вся вина лежит на вирусах. Меня укусила каракатица, Оголец, скорее всего, заразился, когда откусывал голову летуну, а вот ты?...

– А меня скорпион поранил. Совсем немного клешней по ноге чиркнул. А у него там – шипы, и как оказалось, для вирусов – достаточно. Я значения этому не придал, а вот оказалось...

– Хорошо хоть Малыш не пострадал, – в который раз с облегчением вздохнул Питер.

Женщина улыбнулась, с интересом разглядывая собеседников.

– Я еще до конца не изучила, как эта сыворотка действует, но она приводит весь организм в изначальный идеальный порядок. Нам всем здорово повезло.

– Да, у меня выросли четыре зуба, – решил похвастаться перед дамой Питер, но вдруг спохватился, – А что с нашим Огольцом? Он с тобой?

Лара загадочно улыбнулась, как могут улыбаться лишь молодые, красивые да к тому же еще и умные женщины.

– У меня для вас сюрприз. Отвернитесь и без моей команды не поворачивайтесь. Кругом.

Друзья в недоумении переглянулись, но все-таки подчинились.

Они слышали, как открылась вторая дверь...

– Повернитесь, – прозвучала команда Лары.

Перед ними стоял белобрысый мальчик Ванюшка, только что сошедший с картины Сурикова.

Он указал пальцем на Питера и неумело, как трехлетний мальчик, произнес:

– Ды-мок.

– Господи! – одновременно выдохнули шокированные друзья.

Палец устремился на Лори.

– Ле-мур.

Дикий рев спугнул дюжину задремавших ворон с ближайшего клена, а шериф насторожился и протянул руку за биноклем.

Не скрывая слез радости, они тискались старого друга.

– Жив, жив, братишка!

Лори обернулся к подруге, глаза его блестели от слез:

– Ты – богиня!!!

– Нет, я тут не при чем. Это просто сыворотка. Он еще не совсем восстановился, но процесс идет полным ходом. Думаю, через месяц он станет собой.

Питер подхватил на руки Ванюшку и закружил, благо тот был не больше его внука Малыша Гамми.

– Тридцать лет, братишка, тридцать лет! Через что ты прошел! Пойдем, пойдемте скорее,

там уже все готово, только вас ждали. У нас такой сегодня праздник! Такой праздник!

– Поедемте, – поправила его Лара. – Экипаж – в машину!

– Дорогая, у тебя новая машина? Какая-то странная модель. Эмблема, вроде, знакома, а вот вспомнить никак не могу.

– Эх, вы, патриоты! Это же рашен джип. А модель так и называется: «Патриот».

– УАЗик, что ли? – от удивления Лори даже голос потерял, и у него очень удачно получился заговорческий шепот, как у настоящего шпиона.

Женщина улыбнулась и завела мотор.

– Представь себе.

– Знаете, что я думаю, ребята, – подал голос Питер, – шерифу лучше пока не знать всю правду об обратном превращении Огольца. Начнет докапываться, испортит нам весь праздник. Пусть он будет твоим племянником, приехавшим погостить из России. Пока. А потом видно будет.

– Целиком и полностью согласна, – кивнула женщина, – Тимка, слышишь, ты теперь мой племянник.

– Хо-ро-шо, – вразяжку на русском языке ответил Оголец.

– Если шериф что-нибудь спросит, так и отвечай.

– Я есть Тимка, – подтвердил Ванюшка.

– Да, кстати, а что-нибудь слышно про говнюка Вилли? – поинтересовался Питер.

Лара улыбнулась.

– Он чуть не наложил на себя руки. Еще в клинике. Вместо секретных и дорогих разработок на его флешке оказались мультфильмы про мишек Гамми. Вы даже представить себе не можете, как он орал! Мне пришлось вызвать бригаду охраны и пристегнуть его к кровати, а потом еще три дня колоть успокоительное.

– Мишки Гамми – хорошо, – вдруг подал голос Оголец, – крысы – очень плохо.

Дымок и Лемур устремили на старого друга вопросительные взгляды и одновременно задали один и тот же вопрос:

– Уж не твоя ли это работа, братец?

Оголец ничего не ответил, а только довольно улыбнулся, отчего и без слов все стало понятно.

– Наш хлопец, – просиял Лори, – Узнаю Ванюшку.

– Ну а теперь он где? – Питер решил вернуться к скользкой личности профессора.

– Устроился в клинику Джереми Фореста. Но я предупредила старика, чтобы он держал ухо востро и присматривал за новым работником.

– Надеюсь, он последует твоему совету.

Миссис Белл в который раз очаровательно улыбнулась. Сегодня она все делала очаровательно. Впрочем, как и всегда, но сегодня – особо.

– Это в его интересах, иначе очень легко попасть в веселенькую историю.

– Да уж, – хором согласились друзья, – это у него в крови.

– А как там Норман?

– Прекрасно. Работает медбратом, и у него неплохо получается. С большой охотой учится и даже нашел себе маму.

– Маму?!

– Сестра-хозяйка его усыновила. Мне кажется – он счастлив.

– У нас сегодня день добрых новостей, – отметил Питер, довольно улыбаясь.

– И почаще бы так, – поддержал его Лори.

Припарковав машину, Лара обратилась к мужчинам:

– Ребята, помогите мне с закуской.

Она вышла из машины, открыла дверцу багажника, и на колпаке запасного колеса друзья увидели надпись «PATRIOT». «Да-а-а, – с грустью подумал Броуди Старший, – только истинный патриот России может выказывать свое рвение на американском языке».

– Эге, – удивился Лори, увидев два пластиковых ведра, – уж не мясо ли ты привезла?

– Разумеется, мясо. Мы же на шашлыки приехали.

– Но у нас его девать некуда. Шериф уже второй час жарит на двух мангалах и четырех решетках.

– Оголец растет не по дням, а по часам и ему необходимо усиленное питание. Я кормлю его каждые два часа, как младенца.

– Ладно, – слегка растерянно отозвался Лори, – дров у нас предостаточно, так что с этим проблемы не будет.

Лори взял два ведра, Питер два здоровенных и тяжелых пакета, Лара – два пакета полегче и рюкзачок.

Мальш Гамми и шериф оставили свои занятия и пошли навстречу, чтобы поприветствовать гостей.

– Привет, мальчики, – обворожительно улыбнулась гостя.

– Здравствуйте, товарищ Лара, – на весьма грустном русском поприветствовал ее Джон, а про себя, на чистом американском, отметил: «Удачная пластика. Будто двадцать лет сбросила».

Женщина округлила глаза и вопросительно посмотрела на Лемура.

– Не пугайся, дорогая. Шериф у нас решил изучать русский язык. Чтобы легче было ловить шпионов.

– Я слежу за порядком в своем городке, а отловом шпионов занимается специальная служба, – строго по форме отрапортовал шериф, и сорвал четыре сочных улыбки.

– Хочу сказать, что более прилежного ученика у меня еще не было, – вступился за зятя Питер.

– А где Сплинтер? – разочарованный Малыш даже забыл поздороваться.

– Твой Сплинтер на очень важном спецзадании, и, к сожалению, не смог приехать, но он передает тебе привет и дарит настоящие боевые нунчаки. Вот, держи.

Настоящие, да еще и боевые нунчаки, слегка подсластили огорчение мальчика.

– А это мой племянник Тимофей, – чтобы снять лишние вопросы и домыслы, Лара решила сработать на опережение, – После тяжелой болезни он проходит курс реабилитации в моем центре. Его состояние нуждается в постоянном контроле, поэтому я всегда вожу его с собой.

«Какая мудрая женщина досталась моему другу», – невольно подумал Питер.

– Господа, – на правах хозяина заявил Лори, – я думаю нам надо приступить к нашему празднику вплотную. Прошу вас к столу. Мясо стынет, виски... тоже нас заждался.

– А какой у нас праздник? – уточнил шериф.

– Самый лучший праздник – Праздник Встречи! – не скрывая радости ответил Лемур, глядя на свою избранницу ну очень сильно влюбленными глазами. Каждую минуту он влюблялся все сильнее и сильнее.

– Командуй, дорогой, – Лара так посмотрела на Лори, что тот почувствовал себя восемнадцатилетним мальчиком, впервые встретившим восемнадцатилетнюю девушку посреди безлюдного пляжа.

– Все! – рявкнул Лемур, – Стаканы – в кучу! Пьем за встречу! За дружбу! За нашу непобедимую команду!

Против такого тоста никто возражать не стал.

Мальчикам налили настоящего грушевого сока, остальным – особый выдержанный виски из самого потайного тайника Лори Дана.

Единственная женщина поднесла широкий стакан к губам, тонкие крылышки изящного носика вздрогнули, сделав небольшой плоток, она посмотрела на своего избранника:

– Прекрасный напиток. Знаешь, дорогой, я должна тебе признаться: с каждой минутой я влюбляюсь в тебя все больше и больше.

– А я должен тебе признаться, дорогая, что это взаимно, – ответил Лори, буквально пожирая голодным взором цветущую женщину.

И тут шериф удивил всех, заявив на всю округу:

– А давайте все говорить по-русски!

Дымок и Лемур переглянулись и покачали головами:

– Шериф, мы только по глотку выпили, а тебя уже понесло...

Шериф пропустил иронию мимо ушей.

– Просто я хочу научиться понимать большой бытовой разговор. И ничего больше.

Броуди и Дан еще раз переглянулись, улыбнулись, и Питер сказал зятю:

– Ну смотри, ты сам предложил.

– Тогда зовите меня Ларисой Вячеславовной, – представилась женщина своим настоящим именем.

– Как?! – переспросил шериф, немного растерявшись.

– Лариса Вячеславовна.

– Ла... Вэ... – промямлил Джон, не в силах совладать с новым именем.

– А вот тебе и позывной, – усмехнулся Лори, обнимая подругу. – Лавэ. Одобряешь, Питер?

– Я не против, – кивнул Дымок, – но что скажет сама Лариса Вячеславовна?

– Одобряю, – она подняла стакан, – за новое имя. До дна.

– До дна, – поддержали ее друзья.

Что тут еще скажешь? Праздник удался на славу. А иначе и быть не может, когда встретились такие ребята!

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

Кордон Лори Дана. Золотая осень. Второй месяц на исходе. Но погода на удивление летняя, деревья еще не потеряли свой теплый багряно-золотой наряд, а небо – без единого облачка. Шериф Джон жарит шашлыки, Питер Старший и Лори гуляют по дороге, ведущей в город, дабы нагулять аппетит и поделиться назревшими соображениями, а Лара кормит мальчиков гречневой кашей с тушенными овощами, попутно читая лекцию о пользе здоровой и вкусной пищи. Но мальчики свято верят, что самая полезная и вкусная пища, это мясо, зажаренное шерифом Джоном, потому то и дело они бросают голодные взгляды в его сторону и наиграно оскорбленно вздыхают.

Однако товарищ Лариса Вячеславовна неумолима:

– Пока не съедите кашу, никакого мяса! Если вы хотите вырасти большими и сильными, если вы хотите, чтобы девочки на вас засматривались, то вы должны есть кашу. Иначе так и останетесь карапузами, и все, кому не лень, будут вас обижать.

Речь, предназначенная для трехлетних карапузов, была слегка адаптирована, и это возымело свое действие. Ради одного взгляда Кати Питер

готов был съесть целых две порции каши. Впрочем, с овощами она была достаточно вкусной.

– А все-таки ты везунчик, – как бы между прочим заметил Питер.

– А ты? – поинтересовался Лори.

– А я лишь наполовину, – Броуди Старший выдал строгую улыбку.

– Почему? – не понял его друг.

– Да потому что... эй, смотри-ка, кто там идет?

Лори присмотрелся:

– Это Катя и Настя.

– Не нравится мне это, – Питер сразу стал серьезен.

– Подожди, Катя же тебе всегда нравилась. Она твоя лучшая ученица. О такой внучке ты только мечтать можешь. Не твои ли это слова?

– Была, – грустно вздохнул Броуди Старший, – Перед самым началом учебного года они внезапно уехали, даже не попрощавшись. И вот теперь мне не нравится, как она на нас смотрит.

– Ты видишь, как она на тебя смотрит?! – неподдельно изумился Лори. – У тебя так обострилось зрение?

– Нет. Я чувствую, как она на меня смотрит. И мне это не нравится.

– Да, брат, – пространно произнес Лемур, – похоже, наше дело одними новыми зубами не ограничилось. Ты теперь и мысли на расстоянии читаешь. И чем эта девочка недовольна?

– Это не девочка.

– Мальчик?! – с осторожностью в голосе прошептал Лори.

– Нет.

– А-а-а, ты это имеешь в виду... ну ничего, с пятнадцатилетними девочками это часто случается.

Питер с укоризной посмотрел на друга:

– Не пори чепухи.

– А что тогда? Объясни.

– Я сам еще не знаю. Только на душе у меня беспокойно.

– А может, хватит с нас приключений? Что, еще и с девочками воевать? Тогда я думаю нам лучше вернуться в лагерь, закрыться на втором этаже и приготовиться к обороне.

– Какая оборона?! Это же просто девочки. Я думаю, нам надо пойти навстречу и поговорить с ними.

– Что-то я тебя не понимаю! – весьма праведно возмутился Лори, – То они у тебя – девочки, то – не девочки. И что это там у них? Ракетки для бадминтона? Нет, подожди, у них за спиной... мечи? Или глаза мои меня обманывают.

– Какое оружие?! Это просто девочки, – машинально ответил Питер, но присмотревшись, тихо прошептал, – хотя... очень похоже.

– Подойдем ближе и узнаем, – принял кардинальное решение Лемуур.

– Подожди, а если Катя...– насторожился Питер.

– Русский шпион? – договорил за него друг, и тут же ляпнул первое, что пришло в голову, – Или эльфийка из «Властелина колец».

– Мы уже не можем без чудес. Что, очередной портал открылся? Надо просто подойти поближе и посмотреть на ее уши. Я хотел сказать: поговорить.

– Дела... – только и сказал напоследок Лори, слегка пораженный серьезностью собеседника, и замолчал до самой встречи с Катей.

Катя всегда выделялась среди сверстниц своим ростом, но теперь Питер невольно отметил, что даже Настя посматривала на него сверху вниз и не в образном, а в прямом смысле. «Наверное, от сыворотки я стал меньше», – подумал Броуди Старший. Как и предполагал Лори, над левым плечом у каждой девочки торчала рукоять настоящего боевого меча. Хотя «девочками» назвать их можно было только условно.

– Здравствуй, Катя. Здравствуй, Настя. Куда вы пропали так внезапно? Школа без вас осиротела.

– Здравствуйте, мистер Броуди, здравствуйте, мистер Дан, – ответила Катя. Ее голос был ровным и спокойным. Она смотрела на учителя сверху вниз, поскольку он был ниже ее плеча. Серо-зеленые глаза были темны и серьезны. – Ничего страшного не случилось, просто папе предложили очень выгодный бизнес в соседнем штате, и чтобы его не перехватили конкуренты, пришлось срочно уехать. Я сама жалею, что не успела проститься с ребятами и с вами.

– Здравствуйте, девочки, – в свою очередь поприветствовал их мистер Дан, – Я очень рад видеть вас в добром здравии. Надеюсь, и родители ваши не болеют.

– Спасибо, – не меняя интонации, отозвалась Катя, – С ними все в порядке.

А Настя лишь кивнула в знак приветствия, и молча остановилась позади подружки, сделав два шага в правую сторону.

Кроме изменившегося роста, Питера весьма удивило одеяние девочек. На них были серые свободные куртки, доходящие до середины бедра и весьма похожие на средневековые кольчуги, что рисуют в учебниках истории. Ни карманов, ни застежек, ни швов, ничего на них не было, и колечек металлических тоже не было. Создавалось впечатление, что это одеяние целиком отлито из серого каучука. И брюки на них были того же цвета, из того же материала, и невысокие сапожки – тоже серые, только подошва – черная и металлические застежки освежали монотонную серость. На широких поясах крепились небольшие сумочки и весьма большие кинжалы. За спиной у каждой – походная котомка, именно так, а вовсе не рюкзак, как может показаться с первого взгляда. А у Насти еще и длинный лук, уж точно не меньше шести футов, и множество стрел с пестрым оперением над правым плечом. Все это выглядело весьма странно, и Питер очень надеялся, что вскоре получит объяснения столь необычному карнавалу.

– Так вы случайно не заплутались? Гуляете так далеко от нового дома, да еще в глухих местах, – как можно спокойнее поинтересовался бывший учитель у своих бывших учениц.

– Мы не заблудились, – качнув головой, ответила Катя, – Мы специально пришли к вам.

– У вас ко мне срочное дело?

– Да. У вас есть то, что принадлежит мне, – голос ее был тверд и уверен в своей правоте.

Питер и Лори в недоумении посмотрели друг на друга.

ЖУРНАЛИСТ МИЛОСТЬЮ БОЖЬЕЙ

Вспоминая короткую, но яркую жизнь Юры Макеева, невозможно отойти от сознания, что по совершенно неведомой причине к нему была проявлена крайняя степень несправедливости судьбы. Парнишка с окраин Рязанской области, он рано почувствовал тяготение к волшебству письменной речи, имел отличный взгляд на окружающий мир и мог этот взгляд выразить доступными только ему, но понятными для всех восторженными образами. Наделенный особыми человеческими качествами, он всегда чувствовал себя своим среди своих. Без всякого преувеличения его можно было назвать человеком мира, вкладывая в это понятие совсем иное содержание, чем это принято ныне.

Мне повезло. Повезло тем, что удалось познакомиться с Юрой на самых ранних стадиях, когда и сам он еще находился на этапе становления, однако, с заметным и осознаваемым всеми элементом внутреннего превосходства. Осенью

1974 года студентов филологического факультета направили «на свеклу» в пригородный совхоз, в Луховку. Корнеплоды собирали на большущем поле прямо возле дороги на Кочкурово. Из массы новобранцев выделили бригаду и дали ей спецзадание – заскирдовать заготовленные тюки соломы. Работа тут же закипела, потому что в бригаде собрались хотя и творческие по натуре, но умелые во многом ребята-первокурсники, а руководил ими второкурсник Юрий Макеев. Геометрически правильное сооружение, неподвластное ветрам и другой непогоде, росло на глазах. Во время перерывов велись оживленные дискуссии на литературные темы.

Произошло одно маленькое, но, как сегодня принято говорить, знаковое событие. Одного первокурсника, Ивана Юровского, приехал проведать его отец – заместитель редактора газеты «Советская Мордовия» Иван Васильевич Юровский. Коротко познакомившись со всеми, Иван

Два Поэта – Александр Арапов и Юрий Макеев

Юра Макеев в вагоне Харона

Васильевич осмотрел воздвигнутое соломенное сооружение и, смешно выговаривая слова, произнес: «Прямо пирамида Хеопуса!» Именно так почему-то сказал: не «Хеопса», а «Хеопуса». Внимание всех и было привлечено к этой, скорее всего, намеренно допущенной оговорке. Всех также поразил сам факт посещения отцом своего сына, потому что остальные, в основном уроженцы мест отдаленных, деревенских, и не могли мечтать о такой возможности. Юра же Макеев, как угадывалось, посмотрел на визит Юровского другими глазами. Он, уже прошедший пробу пера, увидел в Юровском в первую очередь не заботливого отца, а известного журналиста, как ориентир, на который надо равняться. Как пирамиду Хеопса.

Осенью того же года Юрий Макеев организовал в Мордовском университете литературный кружок. Сам неосознанно стремящийся к образ-

цам спокойной российской лирики, он и всех остальных участников литературного процесса направлял на этот правильный путь, совершенно незаметно избавляя от свойственного молодости авангардистского выпендрежа. Сам он, будучи зорким наблюдателем человеческой души, берясь за перо и бумагу, понимал степень воздействия, какое оказывает поэзия на чувства людей. Поэтому его словесное волшебство было и выразительным, и заразительным.

Не знаю, для кого как, а для автора этих строк значение Юрия Макеева как значимого поэта современности стало очевидным уже 9 мая 1975 года. Тогда страна праздновала 30-летие Великой Победы. На стадионе «Светотехника» был проведен грандиозный университетский митинг. Ректор вуза Александр Иванович Сухареv, оценивая значение Победы, сравнил ее по масштабу значимости с Великой Октябрьской социалистической революцией. От студенчества дали слово Юрию Макееву. Он прочитал свое ставшее впоследствии известным стихотворение «Обелиски». Как проникновенно, но в то же время патетически рокотали над стадионным словом молодого поэта. Юрий умел не только хорошо писать, но и замечательно озвучивать свои произведения.

Дальше была газетная работа. Без отрыва от учебы Юра влился в газету «Молодой ленинец», которая тогда, в пору редакторства Петра Николаевича Киричека, и без того переживавшая пору расцвета, с его легкой руки прибавила оборотов в популярности и значимости. Он работал много, вдохновенно. Возвращаясь из командировок, обязательно делился воспоминаниями о самых ярких эпизодах и занимательных диалогах, словно заранее обыгрывая «сценарный план» будущей статьи или корреспонденции. А вот работал над написанием статей по ночам, работал на износ. Многократно переделывал написанное, словно стараясь разрушить предубеждение, что газета живет один день. Как результат – звучные, полновесные публикации, пережившие свое время. Кто сомневается в этом, пусть обратится к подшивкам газеты «Молодой ленинец» конца 70-х – начала 80-х и убедится в изяществе слога, а, главное, в преоб-

ладании сути над суетой, главного над второстепенным, умного над глупым.

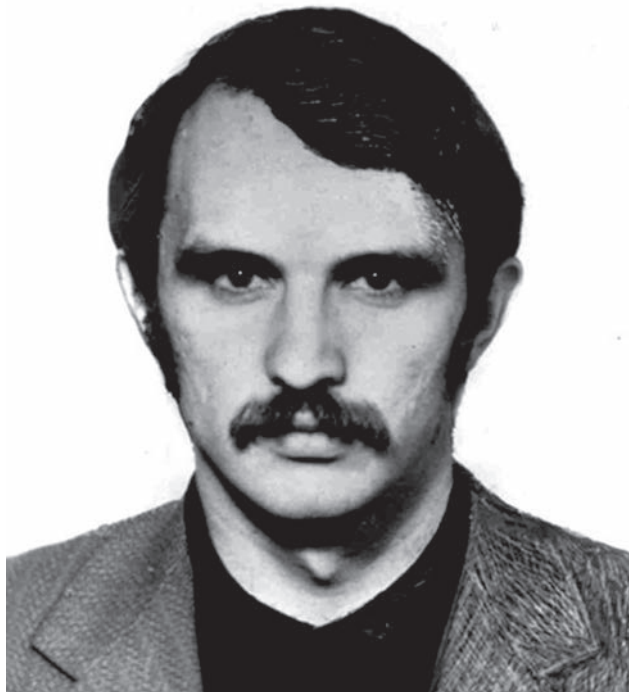
Юрий Макеев был легкий человек. С ним можно было поговорить на любые темы – от политики до спорта, с легкостью можно было доверить личные тайны и получить дельный совет в затруднительных ситуациях. Поражала его творческая и житейская скромность, не показная, как у многих, а природная, прирожденная, что ли. Категорически не любил выделять себя. С ним, повторюсь, было легко работать и жить.

Весной 1982 года Юры не стало. Еще при жизни его я прочитал и запомнил слова какого-то советского поэта: «Я лермонтовский возраст одолел, И пушкинского возраста предел Уж пройден мною...» Кажется, эти слова успел без всякой задней мысли зачитать и Юрию Макееву. Опасения

любого много пишущего человека о своем физическом недолговечии применительно к Юрию Макееву оказались трагически правдоподобными. Он не одолел даже лермонтовского возраста...

Спустя почти четверть века трудно, да и незачем вспоминать мелкие подробности и детали прошедшей противоречивой и трудной жизни. Уходит в прошлое и тень нашего современника, которому несправедливая судьба не дала расправить крылья. Но все чаще, собираясь вместе, мы, бывшие друзья и коллеги Юрия Макеева, приходим к одной мысли: сохрани его судьба, укрепи его сердце, и, закономерно, путь мордовской журналистики оказался бы во многом другим, менее тернистым и драчливым, чем он оказался на самом деле. И это без всякого преувеличения о роли личности в истории.

Анатолий СТОЛЯРОВ

Юрий МАКЕЕВ

Родился в 1955 году на ст. Кустаревка Сасовского района Рязанской области. Окончил факультет журналистики МГУ имени Н.П. Огарева. Работал в редакции саранской молодежной газеты «Молодой ленинец». Печатался в столичной и региональной печати, коллективных поэтических сборниках, его стихи звучали на «Радио России». Лауреат премии комсомола Мордовии. Член Союза журналистов СССР. Умер в 1982 году. Посмертно изданы сборники «Журавли» и «Час России».

ЖУРАВЛИ

ЖУРАВЛИ

Сквозь желтые осенние метели,
Как белые кораблики вдали,
Над спящею деревнею летели
Крикливые большие журавли.
Летели, край родной тревожа криком,
В чужую синь, в тепло чужих земель.
Их провожал тревожным долгим скрипом
Колодезный забытый журавель.

ДИКИЙ ЛУК

А дикий лук был щедр и сладок,
И в тот голодный, трудный год
Он в тишине цветочных грядок
Нам заменял и хлеб, и мед.
Ногами выбелив босыми
Росы холодную золу,
Мы, сироты твои, Россия,
Спешили к травному столу.
Ты не блажила нас обманом
Своей полынной красоты,
Лаская солнечным туманом

Худые наши животы.
Мальчишки траурного братства!
Сквозь гул стальных материков
Мы вечно будем притворяться
В бессонной памяти стихов.
Нам долго будет щедрым хлебом,
Всему судьбой и головой
Тот лук, пропахший вольным небом,
Зеленый, горький, луговой.

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ О КРИТИКЕ

Уж я начальству бок натру,
попляшет у меня как миленький!!» —
На полке в ванной поутру
Мочалка похвалялась мыльнице.

* * *

Он труд любил и проклял лень,
Но все копил на черный день.
Не знал ни отдыха, ни сна...
А умер он средь бела дня...

* * *

Пчелу начальство уважало,
Недаром та имела жало.

КРУГ

Потускнели гитарные струны,
Ты храни их как песню, храни.
Были так безмятежны и юны Отшумевшие кры-
льями дни.
Где вино черт какого разлива
С горьковатым душином сургуча
Открывало простор горделивый
Бесшабашным и пылким речам.
Вкруг студенческой вольной пирушки
Собирались мы в холод и зной
У одной алюминиевой кружки
И горбушки, и песни одной.
Где мешались и Бабель, и Черчилль,
И смешной анекдотный разврат
Где судьбой был еще не очерчен
Круг слепых и жестоких утрат.
Где мы дружно кидались в дорогу,
Штурмовали в быту «Сиваши»,
Не продав еще черту и богу
Разгоревшийся пламень души,
Дупла в душах разъела дремота,
И порою, сойдясь втроем,
Без предчувствия былого полета
Торопливо и буднично пьем.

* * *

Был полк их поднят да тревоге,
Бежал мой дед, и там в дыму
Его выносливые ноги
Снарядом срезало ему.
Лежал мой дед, в глазах дрожали
Разрывов черные огни...
А ноги все вперед бежали,
В атаку взвод вели они.
Не миновали дни тревоги,
И по планете роковой
Все бродят кирзовые ноги
Бессонной памятью живой.

* * *

В полнеба томная заря,
А оживающее солнце
Застыло каплей янтаря
На тонкой нитке горизонта.

И с бубном дятловым в руках
По площадям туманных просек,
Одета в бархат и шелка,
Пустилась в пляс цыганка-осень,

СНЫ

Снится сосулькам живая вода,
Солнце веселое снится,
Чтоб, оживая под панцирем льда,
В речку мятежную влиться.
Снится лесам пробужденье земли,
Шопот листвы на рассвете,
Дали весенние и журавли,
Крыльями рвущие ветер.
Снятся поэтам большие слова,
Бабушкам — добрые боги.
Снится медведице мед, и трава
Снится в медвежьей берлоге.
Светит судьба незнакомой судьбе.
Светится, сонно мигая...
Все засыпает. А что же тебе
Снится, моя дорогая?

НАСТРОЕНИЕ

Люблю лежать
В цветочной тишине,
Там, где трава,
Лицо мое лаская,
Сквозь прах столетний
Корни пропускаю,
Слепым дыханьем
Тянется ко мне.
И я однажды,
Обратясь в траву,
Цветочной мглой
Рассыпавшись по лугу,
Безмолвную твою целую руку,
Тебя своим дыханьем позову.
Откликнешься ль?

ЗВОНКАЯ СИЛА

Днем осенним, багряным и хмурым,
Слышу долгую песню вдали...
Вы Отчизны моей трубадуры,
Чистокровных полей журавли.
О, крылатая звонкая сила!
Как забытая сердцем любовь,

Ты из прежних веков воскресила
 Молодую славянскую кровь.
 Распахнула столетья как врата
 В бражну горницу княжья двора,
 Обернулась стозвоном булата
 И веселой тоской гусятра.
 И почудилось: в сече дубравной
 Я сломался под вражьим мечом,
 И по мне голосит Ярославна
 По-над вдовьим своим калачом.
 И почудилось: в дали литые
 На тревожные вспышки клинков
 Всей России мадонны святые
 Смотрят гордо сквозь сонмы веков.
 Где с железом мешая проклятье,
 Жаркой кровью вспоив ковыли,
 Сыновья их, мужья их и братья
 Гонят ворогов с русской земли.

* * *

*Мать Россия! Тебе мои песни, —
 О, немая, суровая мать!*

А. Б е л ы й

С березовыми тихими погостами,
 О, Русь моя! Жена моя и мать, —
 Твоими журавлями я берестами
 Я вечно буду душу врачевать.
 Не глянцевыми пышными плакатами
 Приходишь ты в сегодняшний мой день,
 А трактами разбитыми, горбатыми,
 С тревогой поутихших деревень.
 Холмами и вечерними ракетами,
 Как крик, как ритуальное пшено,
 И тысячами судьбами разбитыми
 О самодурство, память и вино.
 Тебе огнем грозили и полонами,
 Тебя пытали дикою ордой,
 А ты шумишь проселочными кленами,
 А ты горишь высокою звездой,
 Вслед за какими далями и эрами
 Несешься ты, гуляя и скорбя?..
 Я, словно схимник, иступленно верую
 В далекую и близкую — тебя!

* * *

Как этот клен поникший
 С осенней красной ржой,
 Я буду третий
 Хорошим да чужой.

Я буду друг давнишний,
 Приятель и собрат...
 Я буду третий лишний
 Для всех твоих утрат.
 Пусть судит сам всевышний
 С улыбкой на челе:
 Я был ей самый ближний
 Из лишних на земле.

НОКТЮРН

Снег сошел, расцвели радуницы.
 Время петь и скворцу, и ручью.
 Возвращаются русские птицы
 В полевою отчизну свою.
 Все по-прежнему в вотчине древней.
 Закипает туман в борозде.
 Огоньками сверкают деревни.
 Тонет кладбище в вешней воде.
 Что вас манит сюда издалека?
 О, крылатая звонкая грусть...
 Дым берез? Луговая осока?
 Одинокий рябиновый куст?
 В апельсиновых рощах чужбины,
 Где так призрачна птичья любовь,
 Не хватало нам этой рябины
 С терпкой ягодой, алой, как кровь.
 Вот и мне, когда сердце отгадет
 В вихревой городской суете,
 Так порою ее не хватает —
 Капли крови на тонком листе.
 Снег сошел, расцвели радуницы.
 Ходят лоси на зорьке к ручью.
 Возвращаются русские птицы
 В полевою отчизну свою.

ВДОВЫ ВОЙНЫ

Авдотьи, Марьи, Натальи, Домны...
 В вашем пустынном доме
 Холодно, словно в доте.
 Долю своих биографий
 Вы выбрали сами.
 Выцветшими глазами
 Смотрит она с фотографий.
 Из довоенных рамок
 Молодо и виновато
 Смотрят на вас солдаты —
 Павлы, Петры, Ивановы.

ОБЕЛИСКИ

Обелиска, обелиски...
 Под Москвой, на Украине.
 Сколько здесь родных и близких
 Полегло в свинцовом ливне!
 Сколько радости и света
 Отобрали у России
 Злые, хмурые рассветы
 И неласковые сини!
 Обелиски, обелиски,
 Вы войны прошедшей метки.
 Шел солдат путем неблизким,
 Шел солдат, не верил смерти.
 Может быть, в землянке тесной
 В час короткой передышки
 Он мечтал о мирной песне.
 Он писал жене, сынишке.
 А наутро шел в атаку,
 А наутро полз на приступ.
 И упал за буераком,
 Чтоб остаться обелиском.
 Чтоб над голыми полями
 Под прощальный звон заката
 Рваться вслед за журавлями
 В край, где с фронта ждут солдата.
 Под Одессою и Минском,
 У Смоленска и Варшавы
 Смотрят в небо обелиски,
 Вестники солдатской славы.

РОДИНА

Забить дела,
 прийти издалека.
 Упасть в траву
 и надышаться лугом,
 Попить из голубого ручейка,
 Который с детства
 был мне верным другом.
 Сбежать босым
 в июльские дожди,
 Что пахнут тополями
 и смородиной...
 И чувствовать,
 как ширится в груди
 Великое, святое слово
 Родина.

ПАМЯТЬ

Однажды вновь тебе приснится
 Свинцом плюющих темный дот,

И ты опять пойдешь на фрица
 Сквозь смерть, упрямо стиснув рот.
 И будет кровью дым замешан...
 А утром, после той «войны»,
 Ты с грустью в зеркале заметишь
 Осколок новой седины.

В ДОРОГЕ

Мелькают столбы и деревья,
 Колеса поют в полусне.
 Пропахшие дымом деревни
 В рассветной плывут белизне.
 Стремительны ветры босые,
 А в сердце легко и светло,
 И чудится, будто Россия
 В вагонное смотрит стекло.

* * *

Лопочет дождь в кустах черемух,
 Весенний, острый, молодой,
 И небо в юношеских громах
 Играет мутною водой.
 Старуха крестится в окошко,
 Ребенок плачет на полу,
 И слушает лениво кошка
 Шуршанье капель по стеклу.
 А по селу, пуглив и звонок,
 От неба буйного шальной,
 Несется рыжий жеребенок,
 Пропахший мокрою весной.

РОДИНА

С дождиком отшепчутся деревья,
 Ярмаркой сорочьей стихнет хром,
 И сверкнет с холма вдали деревня
 Шиферным холодным серебром.
 До нее шагать еще немало,
 Сколько раз присядешь на пенек,
 Но душа уже теперь поймала
 Пахнувший драченами дымок.
 Только дым, — но все в душе смешалось
 И роса, и пряный дух земли.
 И поймешь: не так тебе дышалось
 И жилось от родины вдали.
 И почувешь каждой клеткой кожи,
 Что куда б не привели пути,
 Не найти тебе земли дороже,
 И судьбы желанней не найти.

* * *

Чешуинки лунного света,
Спокойная полночь воды...
А где-то сторела комета
Осколком далекой звезды.
Опять загадать не сумею
На этот костер неземной,
Опять ничего не имею
Из сказок, придуманных мной.

БАРДЫ

Кружатся над Таганкой пятаки...
Кусты, как разоренные ломбарды...
Уходят навсегда твои, Россия, барды,
Скуластые крутые мужики.
Ценимые тобой не по чинам,
Они не бронзой маршальской воскресли,
А тем, что кровь и пот, отпущенные нам,
Они вдохнули в собственные песни.
Они чернорабочие твои,
Ни титулов не знали, ни высочеств,
И правом болью спаянной любви
Народом произносятся без отчеств.
На их рабочих грубых пиджаках
Лауреатских знаков нет и следа.
Они не славу нянчили в руках,
А Родину, без пряностей, неслепо.
Над ними не ухожены холмы
Ни мрамором, ни вязью золотою,
Но их аккорды подхватили мы,
А это тоже что-нибудь да стоит.
Кружатся над Таганкой пятаки...
Кусты, как разоренные ломбарды...
Уходят навсегда твои, Россия, барды,
Скуластые крутые мужики.

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

На костылях скрипучих, длинных
Пришел мой дед домой с войны...
Как много с тех времен былинных
Перекипело седины.
Как часто с той поры военной
Мы обращаемся назад,
И тише стало во Вселенной
Без не вернувшихся солдат.
Звенят ли капли дождевые,
Поют сады среди весны,
Мы, суматошные, живые,
С той тишиной обречены.

Знать, оттого в бессмертных списках
Я вижу их — умерших — всех,
Когда звучит над обелиском
Неповторимый детский смех.

О ВОЙНЕ

Война!
Как много в слове этом...
Тревожный сорок первый год.
Встал защищать страну Советов
Советский трудовой народ.
Все, кому впору гимнастерка,
Все на войну: и стар, и млад.
Багрицкий, Павел Коган, «Теркин»...
И много их, таких солдат.
Они не думали о славе
В тот трудный год для всей страны,
И насмерть до конца стояли,
И за Россию умирали
России верные сыны.
И кровью русскою согретая,
И материнских слез полна,
Ты, еще в древности воспетая,
Пылала, русская земля.
Война страшна, война жестока —
И не забудется вовек.
Ведь перенес ты горя много,
Страны советской человек.
Ты шел на бой. Враги дрожали
От вида одного тебя.
А жены с сестрами ковали
Тебе победу у станка.
И в страхе враг бежал на Запад,
И проклинал свою войну.
Ты победил... а почему?
Да потому, что верил свято
В себя, в народ, в свою страну.
Война!
Страшней ее на свете
Нет ничего: разруха, смрад.
Пускай же все на свете дети
Спокойно, войн не зная, спят.

НА РОДИНЕ

Заря простреленною птицей
Упала в поле на крыло.
Не спит души моей столица —
Великорусское село.
Вдали от перекрестков мира
Здесь тоже старт эпохе дан,

И на шальное «Майна!», «Вира!»
Пыхтит послушно старый кран.
Здесь огонек на переезде
Живою звездочкой земли
Бессонно грезит о созвездьях,
Едва мерцающих вдали.
Здесь пристанька, к речной излучке
Припав дощатою щекой,
Под пароходные разлуки
Рыдает свадебной тоской.
И босоногой, росной ранью,
Несясь со свистом да полям,
Тоскует детство мальчуганье
По взрослым гордым кораблям.

ИЗ ПРОШЛОГО

На костыле скрипучем, длинном
Пришла и к нам в село война,
И на подворье тетки Зины
Махоркой кашляла она.
На нас, мальцов, светло глядела,
Степенно речь вела в избе
И иногда протяжно пела
О чьей-то непростой судьбе.
А чаще горестно молчала
В оцепенении живом
И тихо на ветру качала
Пустым холодным рукавом.

Сергей ВИШНЯКОВ

Родился в 1983 году в г.Саранске. Учился на Медицинском факультете МордГУ имени Н.П.Огарева. Писал стихи, печатавшиеся в коллективных сборниках. С 2011 г живет и работает в Москве. Автор двух исторических романов «Пятый крестовый поход», «Тевтобургский лес» и повести «Падение Геркулеса», вышедших в издательстве «Вече».

ТОЛЬКО НОЧЬ

Сергей полз, опираясь одной рукой о стену, а другой о бетонный пол. Густая тьма залепляла глаза, проникала в тяжело дышащий рот, камнем ложась где-то внутри живота. Ноги не слушались. В разбитые колени, словно зубами, впивались неровности бетона. Сергей не слышал позади себя никакого движения, но знал, то, что ударило его по голове, находится рядом, неотступно следует за ним. Безмолвное и огромное, бесшумное и бесконечно злое, поселившееся здесь очень давно, не может и недолжно выпускать того, кто к нему случайно попал. Сергей остановился. Гнетущая тишина давила со всех сторон силой стотонного пресса или это так болела голова? Он не знал. Что-то скользнуло по щеке и навалилось на левый висок. Вперед, скорее! Он упал и не мог подняться...

* * *

Третья струна никак не настраивалась. Звучащие в унисон первые две струны не хотели брать ее в свою дружную компанию. То ли мешал Виктор Цой, громко поющий из магнитолы, что он

уходит и за ним надо закрыть дверь, то ли шум дороги, врывающийся в открытые окна «пятерки». Сергей отложил гитару в сторону.

Катя рядом выставила руку из окна, ловя мощные встречные струи ветра. Одна из них билась в ее черных волнистых волосах то поднимая их, то опуская. Сергей смотрел и не мог налюбоваться. Кроме огня и льющейся воды Сергей с уверенностью мог сказать, что третья вечная стихия, на которую можно смотреть, не уставая – это волосы любимой, колеблемые ветром. По краям дороги среди густых рядов сосен вспыхивало солнце.

Дима за рулем и его девушка Женя тихо о чем-то посмеивались.

Они вчетвером возвращались в детский лагерь, из которого две недели назад уехали со скандалом. Работа вожатыми не всегда проходит гладко. Две подружки – Катя и Женя – наспех собрали педагогический отряд из знакомых ребят, используя рекомендации, которые дали Жене, как университетской активистке. Однако директор лагеря добавила к этим новоявленным вожатым,

своих «бывалых» вожатых из педагогического института. Вот и получилось, что две половинки единого коллектива вожатых лагеря «Алатырь» сработаться не смогли и начались мелкие пакости друг другу, подчас переходившие в открытые склоки. Директор лагеря – в прошлом заслуженная учительница физики с многолетним стажем – всегда вставала на сторону своих вожатых из пединститута.

Конфликт нарастал быстро. Общий язык между собой не нашли Дима и парень из «другой» части педотряда Денис – главный апологет противодействия «новичкам». Денис Сифуков, или «Сифак», как его пренебрежительно за глаза называли Катя, Женя и их друзья, решил откровенно выжить из лагеря своих оппонентов, особенно Диму и Женю. В итоге мужской разборки стало не избежать. Как-то вечером Дима – парень спортивный, горячий, врезал Сифаку по морде, тот ответил, но в последующей короткой потасовке потерпел сокрушительное поражение. Бледный и героический Сифуков обо всем рассказал директрисе. Расквашенный нос и опухшая губа являлись неопровержимыми доказательствами варварского поведения Димы.

Утром его вызвала к себе директриса и сразу заявила, что таких взаимоотношений между вожатыми не допустит, и Дима может собирать свои вещи и отправляться из лагеря домой. Дима отнёсся к этому более-менее спокойно, однако его девушка Женя взорвалась, словно вулкан, узнав о выдворении своего парня, и отправилась к директрисе. Женя сразу заявила, кто виноват в конфликте, и разбираться надо с Сифуковым и его командой. Женя получила предложение последовать за Димой. Директриса обещала быстро найти им замену. За полторы недели, что Дима с Женей работали на старшем отряде, дети их полюбили и пошли просить за своих вожатых, но заслуженная учительница физики с многолетним стажем была неумолима.

Так Дима с Женей и уехали бы одни, если бы не договоренность. На второй день начала сменны, когда выяснилось, что ребята директрисы настроены ко второй части педотряда отрицательно, Женя, Катя и их друзья собрались в одной из вожатских на совет. Было принято единогласное решение, что если кто-то из них будет вынужден покинуть лагерь, то уезжают все. Но выполнять его никто не торопился.

Паша хотел заработать деньги. Люда и Артем очень привязались к своему младшему отряду и наотрез отказались покидать детей. Миша, Оля и Аня считали, что не стоит горячиться и надо снова идти к директрисе.

Катя, лучшая подруга Жени, сразу заявила – она уезжает вместе с ней и Димой. Она посмотрела на Сергея вопрошающе. Под ее взглядом

он не мог долго раздумывать. Это было чертовски непедагогично бросать детей, которые тебя полюбили, слушали с замиранием сердца твои рассказы, с удовольствием обучались игре на гитаре и подходили с просьбой разрешить их мелкие конфликты.

Но Сергей знал – он сможет без Кати. Их чувства, возникшие мягко, свежо, нежно на балконе их вожатской комнаты, когда ветерок свел вместе их вожатские галстуки, а губы сами нашли друг друга, эти чувства должны были пройти первое испытание верностью. Но для Сергея это была не просто любовь. Он сразу понял мучительно-сладкую обреченность. Это чувство было древним, но не ветхим, словно якорь, брошенный гибнущим в бурю судном, остаётся на том самом месте, когда и остов корабля давно превратился в прах, но цепкий якорь, покрывшись ржавчиной и ракушками, верно держится на том самом месте, где его опустили много столетий назад, и даже если его вытащат подводные археологи, он все равно захватит с собой часть дна, в которую навечно врос.

И, конечно же, он уехал с ней. Садясь в такси, Катя вновь посмотрела на него своим изумительным взглядом, полным невыразимой нежности, восхищения и радости, взглядом, горящим как десять тысяч лун.

Покинув «Алатырь» и приехав в город, они не разъехались каждый по своим квартирам. Дима предложил отправиться в его частный дом и там провести ночь, петь песни под гитару, пить пиво. Дом был старый, но в нем веяло теплом и уютom жилища, построенного своими руками для жизни будущих поколений, но люди, в соответствии с временем, перебрались в многоэтажки. Сидя на деревянных табуретах при свете тусклой лампочки на побеленном потолке, ребята разложили на столе хлеб, сыр, колбасу. Пивных бокалов, стаканов не было, чайных кружек оказалось всего две, так что пиво наливали в эти кружки – по одной на каждую пару.

Когда Дима отыскал в кладовке пыльную настольную лампу, чтобы в комнатке стало светлее, но она не загорелась. Сергей увидел лежащий в углу на комодe старый, наполовину использованный отрывной календарь, с желтыми страницами, исписанными рецептами, анекдотами и астрологическими прогнозами, с датами середины 90-х годов.

И когда он взял этот календарь, вспоминая свое детство, Катя прошептала ему на ухо «Я люблю тебя!»

А потом наступила ночь. Дима и Женя легли в соседней, такой же маленькой комнате. В окно мягко тыкался серый мотылек, где-то далеко лаяла собака. Но ни звезды, ни луна не заглядывали в окно – сараи на заднем дворе скрывали их за

своими угловатыми спинами. Августовская ночь была кромешной тьмой, и когда Сергей и Катя смотрели друг на друга – их лица скрывала захватившая комнатку полночь. И казалось, что исчезло и время, и пространство, и все их существо погрузилось в невесомость жарких поцелуев. Вся вселенная мгновенно сузилась до одного единственного любимого человека. Стерлось сознание и память, перепутались судьбы, перемешались эпохи.

Но вот откуда ни возьмись, появилась тревога. Она нарастала. Когда случайно откинув руку, Сергей дотронулся до гитары, прислонённой к кровати, басовая струна издала звук, который показался ему чем-то бесконечно далеким, словно это пещерный человек мастерил себе лук и дернул тетивой, или последним хрипом умирающего в разрушенной крепости Дара римского легионера, которому на горло наступил ликующий перс. О той крепости он, студент исторического факультета, недавно читал. Сергей поднялся. Катя спала рядом. Тишина. Не видно ничего. Он встал с кровати, на ощупь нашел телефон, и при свете экрана достал из гитарного чехла записную книжку, карандаш, и долго с нежностью глядя на силуэт спящей Кати, наконец, написал четверостишие – второе в его новой песне. Она называлась «Только ночь». И начал он писать ее еще в лагере. Песня была грустной, про расставание и смерть, что так не соответствовало счастью, испытываемому Сергеем. Но именно такие строки выходят сами собой, словно их диктовали извне.

За два дня до окончания смены директриса позвонила Жене и сообщила, чтобы она приезжала за зарплатой. Все-таки какие-то деньги за десять дней смены были заработаны. Четверо друзей отправились вместе, хотя был вариант вообще не ездить, а дожидаться, когда бухгалтер детского лагеря вернется в город и сама их рассчитает. Но это скучно. Вернуться в «Алатырь», остановиться рядом с санаторием в лесу в палатках, разжечь костер, позвать своих друзей-вожатых, петь песни под гитару, вспоминать вместе интересные моменты вожатской жизни – как можно от этого отказаться?

Остановив машину за воротами, ребята вышли и тут же встретили Сифукова.

– Все вместе приехали? – сказал он с вызовом. – Идите кто-то один за деньгами.

– Почему один? – удивился Дима.

– Потому, что вход в лагерь посторонним запрещен.

– Это мы, что ли, посторонние, а ты, типа, свой? – буркнул Дима.

– Я пока по-хорошему говорю – не надо сюда заходить, чтобы детей не волновать. У них теперь другие вожатые.

– В смысле – по-хорошему? А что, будет по-плохому? – возмутился Дима, надвигаясь на Сифака. Сифуков отступил, но продолжал свою песню, что только один должен идти к директрисе.

– Одной идти не прикольно! – ответила Женья, тряхнув волосами, упирая руки в бока. – Мы вместе уезжали, вместе и пойдем. Плевать на Сифака. Он нам не указ.

И как бы в опровержение ее слов, перед воротами появился Сифуков с охранником лагеря. Дима, глядя на поступок своего противника, сплюнул. Повисло молчание.

– Я пойду, – сказал Сергей.

Сергей думал погеройствовать перед своей девушкой. Хотя, что может быть тут героического? Ну, пошел за деньгами на четверых, ну встретится с директрисой, что такого? Ему еще раз захотелось пройти по тем дорожкам, среди кленов, где они гуляли с Катей, по коридорам, где они вели своих воспитанников и, может быть, увидеть вожатскую, где они вместе жили.

Однако, как оказалось, это стало настоящим испытанием. Сифуков, всю дорогу не проронивший с Сергеем ни слова, с холодным презрением велел ему сразу подниматься к директрисе. Сергей поднялся. Как раз в коридоре перед кабинетом директора собрались вожатые из пединститута – старые и новые, прибывшие на замену четверым друзьям. Никого из команды Жени и Кати не было.

Вожатые стояли полукругом, заслоня собой входную дверь, и смотрели на прибывшего. Возможно, они надеялись увидеть Женю или Диму – людей, спровоцировавших конфликт, но оказалось, что это Сергей – гитарист, человек спокойный, добрый и совершенно бесконфликтный. Тем не менее, градус ненависти среди студентов пединститута должен был найти свой выход, не важно, кто был перед ними.

– Чо надо? – бросил один из вожатых Сергею, выше его на голову, хотя Сергей сам был высоким.

Сергей на секунду растерялся и огляделся. Все взгляды, как шпаги, скрестились на нем. Девушки-вожатки, глядя на него, прыснули со смеху, кто-то из них надул шарик их жвачки и громко лопнул им. Одна из девушек сделала движение, изображающее игру на гитаре и произнесла «трень-брень, трень-брень». Парни стояли, кто, почесывая щетину, кто, демонстративно поигрывая костяшками пальцев, сложенных в кулак, кто, запустив руки в карманы штанов, звенел ключами.

– Дайте пройти! – сказал Сергей.

– Пройти ему, ха! Ну, иди, что встал?! – слышались голоса сзади.

Перед дверью директора, высоченный вожатый, отодвигаясь, как бы невзначай толкнул Сергея плечом в плечо.

Директриса встретила Сергея спокойно, но холодно. Она отдала деньги, и посетовала, зачем он уехал, ведь он хороший вожатый и его никто не выгонял. Сергей не хотел вдаваться в объяснения о своем поведении, он просто извинился и попрощался, внутренне готовясь к конфликту в коридоре. Однако там его уже никто не ждал, кроме Сифукова, который бдительно следил, чтобы Сергей сразу покинул лагерь, не заходя к своим бывшим воспитанникам.

– Сразу уезжайте! – строго сказал он.

Сергей остановился. Все в нем кипело, злость душила и подступая к горлу, дрожала в голосовых связках.

– Да пошел ты...! – выкрикнул он, ожидая, что Сифуков может напасть на него со спины. – Когда хотим, тогда и уедем!

Сергей повернулся. Сифуков стоял красный от ярости, но с места не двинулся – вокруг дети его отряда играли в догонялки, поэтому он сдержался.

В лесу за территорией лагеря Дима оставил машину, и друзья поставили рядом с ней две палатки. Женя сказала, что она созвонилась с Аней и после отбоя к ним придут их вожатые. Для костра все пошли собирать сухие ветки.

Августовское солнце, двигаясь к вечеру, золотило лес как-то особенно трепетно, нежно выглядывая из-за каждого соснового ствола, к терпкому запаху хвои добавляя нотки грусти и умиротворения. Катя остановилась и, прижавшись к сосне, посмотрела на Сергея. Солнце забралось в ее волосы, в ее взгляд и улыбку. Сергей подошел и поцеловал ее. Хворост выпал из их рук.

– Ты так и не сказал мне, как все прошло? – спросила тихо Катя, когда их губы разомкнулись.

– Да так... Сифуков и все остальные, дай им команду «фас», не оставили бы на мне живого места. Удивительно, откуда такая ненависть? Конечно, мы бросили детей и уехали...

– Мы должны были уехать, мы обещали держаться вместе! – возразила Катя. – Ты жалеешь, что уехал со мной?

– Нет, Катюша, конечно, нет, я ни о чем не жалею. Но по отношению к детям нашего отряда мы поступили плохо, ты ведь это понимаешь?

Катя промолчала и отвела взгляд. Ее большие красивые глаза мгновенно потухли. За те несколько недель, что они были вместе, Сергей заметил, как она не любит критику и всегда остро нуждается в поддержке своих интересов и поступков. Он хотел идти навстречу, но это не всегда получалось, ведь все-таки нельзя поддакивать

во всем. Да, можно промолчать, что-то просто не комментировать, чтобы не обижать близкого человека, но он, будучи прямолинейным, не привык к недомолвкам и уловкам.

Они сидели над оврагом, среди трав и сосен, Катя впереди, Сергей позади нее, обняв. Катя что-то рассказывала о своей учебе в университете, но Сергей никак не мог сосредоточиться на том, что она говорит. Мысли почему-то путались. Сергей никак не мог понять, почему, обнимая любимую, он впервые чувствовал себя неуютно, земля, на которой они сидели, казалась очень холодной, и сам воздух был какой-то старый, измученный, еле державшийся невидимой хваткой за ветки и стволы. А ведь там, несколько десятков шагов назад, где они целовались, такого не было, и лес был приветливым, добрым. Что же изменилось? Он хотел спросить Катю, не чувствует ли она того, что и он, но, судя по ее легкому щебетанию и смешкам, было понятно, что с ней все в порядке.

Сергей крепче обнял Катю. Она рядом, нежная и бесконечно любимая. Вдыхая аромат ее волос, глядя кожу ее щек в легких веснушках, он вдруг остро ощутил, как сейчас он хотел бы умереть вместе с ней, чтобы навсегда остаться в этом мгновении, запечатленном в вечности.

Но Сергей вдруг понял, им никогда не быть вместе. Скоро все закончится. Она бросит его. Исчезнет, как ветер, оставив легкий флер на губах и сердце в руине разрушенной тайфуном пристани. Катя не была его до конца никогда и никогда не будет. В каждом ее самом ласковом, преданном слове или действии скрывалась потаенная жажда свободы от всего и от всех. Она не хотела быть поглощенной его любовью и не могла дать того же. Пытаясь отогнать эти мысли, Сергей спросил:

– Мы ведь никогда не расстанемся?

Катя повернула к нему голову, ничего не ответила и только поцеловала в губы. И он ответил ей страстно, словно приговоренный к казни хватает последний глоток предложенного ему вина. Она промолчала. Значит, это правда. Скоро все-таки конец.

Взяв собранный хворост, они пошли обратно.

Дима, усмехаясь, спросил, чем они занимались, если их так долго не было, а хвороста собрали немного, в то время как он один принес целую гору. Женя вытаскивала из упаковки сосиски и резала хлеб. Пришел Миша и принес оставшуюся после обеда кастрюлю с макаронами и винегретом. Сообщил, что после отбоя обязательно с ними встретится, и что их приезд наделал много шума в лагере. Вожатые из пединститута ходят злые и собираются с нами разобраться. Никто не понимал причины такой агрессии.

А Сергей почувствовал удивительное спокойствие, словно то, что он думал и ощущал у оврага, никогда и не происходило. Наваждение прошло. Катя улыбалась ему, складывая ветки в костер, и все недавние мысли казались просто бредом.

Костер горел. Небольшой, но добрый, он с удовольствием поджаривал сосиски и хлеб, протянутые к нему на веточках, слушал песни, обогрел, приковывал к себе взгляд.

Ребята, сидя вокруг костра полукругом, смеялись и потягивали пиво из пластиковых стаканчиков. Миша и Паша рассказали, как команда Сифукова устанавливала свои порядки в лагере – все мероприятия шли только под их контролем. Но в целом, по словам Паши, это оказались нормальные ребята, с которыми можно найти общий язык и даже дружить. Катя с Женей многозначительно переглянулись.

– Паш, то есть ты с Сифаком теперь «не разлей вода», что ли? – презрительно хмыкнул Дима.

– Нет, я просто говорю, что, если не конфликтовать самому, то и в ответ никто не станет...

– Я понял, ты просто прогнулся.

– Ни под кого я не прогибался, Диман!

– Ну-ну!

– Паш, когда мы вчетвером уехали, эти пединститутские, говорили о нас что-то плохое? – спросила Женя.

– Говорили, – тихо ответил Паша.

– Ладно, давайте не будем! – примирительно предложил Миша. – Но ведь вы же уехали, надо было как-то всем разъяснить, в том числе и детям.

– Супер! – зло бросила Женя и махом осушила стаканчик с пивом. – Уехали мы, но вы-то все тоже обещали, а в итоге вы – молодцы, а мы говно.

– Мы не жалеем, что остались, – сказал Артем. – Отличная смена прошла.

– Поздравляю тебя! – огрызнулась Женя.

– Я сам сегодня пытался всех их успокоить, что ваш приезд не помешает работе лагеря, вы не будете заходить на территорию. Да, те ребята напряжены, но все будет норм. – Продолжал Миша. – Давайте успокоимся! Мы все вас очень рады видеть, классно, что вы приехали. Надо просто наслаждаться компанией и этим вечером.

– Короче, ясно все с тобой! – сказал Дима, поднимаясь и не выпуская из рук открытую бутылку пива.

– Какие тут все добренькие, блин, аж тошно, – поддержала его Женя.

Женя и Дима пошли в сторону оврага.

Катя попросила Сергея, чтобы он спел песню, которую два дня назад, наконец-то, дописал. Ре-

бята в свое время слышали только первый куплет и припев. Все знали, что она посвящена Кате.

Сергей взял гитару. Августовский вечер, превращаясь в ночь, развешивал на небе многотысячный флот звезд. Сполохи костра блестели в глазах Кати всеми разгаданными и еще тающимися тайнами неба и земли, жизни и смерти.

– Песню я назвал «Только ночь».

*Ночь свернулась вся клубком,
листья падают кругом,*

Это дождь увядших снов, он так суров.

Пять бессонниц пауков оплетают сетью дом,

Ты едешь походкой ветра в дар богов.

Ведь когда ты ушла, почернели купола

И потух огонь немеркнувшей звезды.

Небо налилось свинцом, в сердце разорвался гром

Это ты, моя любимая, ты...

Холод плачет у окна, вздох свечей и тишина –

Вот классический сюжет на сотни лет.

Воля без тебя – тюрьма,

кровь черна, как в сердце тьма,

Только образ твой кометы яркой след.

Ведь когда ты ушла, почернели купола

И потух огонь немеркнувшей звезды.

Небо налилось свинцом, в сердце разорвался гром

Это ты, моя любимая, ты...

Крик застыл всего на миг, словно меч,

пробивший щит

Он застыл среди сгоревших облаков.

Окровавленный старик –

мой закат к окну приник,

Он зовет меня к тебе в твой дальний кров.

Ведь когда ты ушла, почернели купола

И потух огонь немеркнувшей звезды.

Небо налилось свинцом, в сердце разорвался гром

Это ты, моя любимая, ты...

Едва он закончил, как почувствовал, что кто-то сзади положил ему руку на плечо. Он обернулся, думая, что это Дима или Женя, но за спиной никого не оказалось. Никто не убегал, не прятался за кустами. Но ощущение прикосновения руки было очень четким. Ребята одобритительно зашумели, Катя поцеловала его в щеку, но Сергей не сразу откликнулся, глядя в охваченный сумерками лес, он чувствовал – прямо перед ним кто-то стоит. Он протянул руку. Только воздух и больше ничего.

– Ты что? – спросила Катя. – За тобой никого нет.

Сергей улыбнулся ей:

– Просто показалось.

Вернулись Дима и Женя. Пришли они разными путями, не вместе. Не глядели друг на друга. Все поняли, что они поссорились. Размолвки у них случались нередко, но быстро проходили.

– Серег, на пару слов! – обратился Дима к другу.

Сергей поднялся, оставил гитару Кате. Они отошли в сторону.

– Что такое? У вас все нормально? – спросил Сергей.

– Да, все путем, немного поспорили... Пиво будешь?

– Я уж выпил немного, пока не хочу. В чем дело-то?

– Серег, ты нормальный парень, на фиг тебя Катюха сдалась? Она у тебя первая девушка что ли, ты так по ней сохнешь?

– Не понял. Ты к чему это?

– Да просто хочу тебя предостеречь. Она с Женькой много лет дружит, поэтому Катюку я тоже давно знаю. Она тебя быстро бросит. Как и всех до тебя бросала.

– В смысле всех?

– Ты думал она с тобой первым встречается? Вон Паша наш. Она с ним мутила, правда, недолго. Он мне, кстати, рассказывал...

– Хватит, я не хочу ничего слышать и знать! Что было, то было! – воскликнул Сергей. – Диман, думаю, тебя не касаются наши с Катей взаимоотношения.

– Да ладно тебе! Я тебе добра хочу. Вернемся в город, бросай ее. Я ее недавно с одним парнем видел...

– Ты врешь! – не верил своим ушам Сергей. – Она не могла. Мы вместе!

– Ну, в тот день она сначала с тобой встретила, а потом я ее с другим на улице встретил. Смысл мне врать? Делай выводы, Серег! Ты сам у нее спроси. О, смотри, пока мы тут с тобой трещим, к ней Паша подсел, может, прошлое вспомнить решил.

– Хватит, Диман, блин, хватит! – проскрипел Сергей, чувствуя, как оголяется каждый нерв в его теле.

– Послушай совета, Серег! Я как лучше хочу.

Диман допил пиво и вернулся к костру, периодически поглядывая на Сергея. Тот стоял уничтоженный, не понимающий до конца, что сейчас произошло. Для чего понадобилось Диману расплескивать ведром всю эту грязь? У них что-то произошло с Женей, и он решил самоутвердиться, успокоиться, растоптав чувства другого человека? Вполне возможно. Сергей знал Диму совсем немного, он познакомился с ним перед самым лагерем. А вот Катю он знал несколько лет. Когда-то они были вместе в одном детском лагере – он вожатым, она – ребенком в старшем

отряде. И про Пашу он знал. Катя сама сказала ему, но ничего серьезного у них не было. Но кто этот парень, про которого сболтнул Диман? Пойти и спросить Катю напрямую? Глупо. Это может оказаться враньем и тогда он сам будет в дурацком положении, но если и правда, то зачем Кате признаваться, если она это уже скрывает?

Сергей ударил кулаком по дереву, не зная, что делать дальше. Он не мог просто так вернуться к костру. Хотя Паша так мило ворковал сейчас с Катей, что на них просто невыносимо было смотреть. Нет, все правда, Дима парень серьезный, зря нести чушь не будет. В этом Сергея убеждали его сегодняшние дневные мысли, возникшие так внезапно, что Катя скоро его бросит. Да вон там, у оврага они сидели вдвоем. Туда же пошли и Дима с Женей и вернулись сами не свои. Черт! Может они там расстались?! Но почему? Все же было прекрасно! И у них с Катей все прекрасно! Что происходит? Вдруг, внезапно на ровном месте разрывы? Так не бывает. Проклятый овраг какой-то! Сергей припомнил, что, когда Дима говорил с ним, его лицо было каким-то странным, отчужденным что ли, а взгляд... Взгляд такой, что даже ночью видишь его. Недобрый блеск. Нет, бред, какая еще мистика?! Когда человек не хочет верить очевидному, включаются отсылки к всякой чертовщине.

– Что с тобой, Серж? – услышал он рядом родной голос.

Катя подошла неслышно и тревожно посмотрела на него.

– Ничего! – резко ответил Сергей.

– Я же вижу, что-то происходит. Скажи мне.

– Диман мне... Он видел, как... Нет, ничего, забудь!

Сергей пытался уйти, не глядеть на Катю. Сердце его сжималось так сильно, что готово было, наверное, перемолоть на атомы кровь, которую перегоняло.

– Подожди, Серез! – Катя остановила его одним прикосновением руки. – Я не знаю, что тебе наговорил Дима, вижу что-то нехорошее. Возможно про меня. Ты не верь. Он какой-то странный. Я люблю тебя! Ты ведь знаешь!

– Да, знаю.

Катя прижалась к нему и не отпускала.

– Я с тобой, я рядом! – прошептала она. – Ты мой.

Сергей стал немного успокаиваться.

Несколько недель назад, когда они только признались друг другу в своих чувствах, ночью они тайком выбрались из лагеря и отправились на речку. Там на старом железном мосту они долго стояли, обнявшись, и как по классике в романтическом рассказе или песне над ними сияли звезды. Миллиарды лет тянули к ним свои руки-лучи из давно потухших и заново рождающихся

галактик. И тот самый вечный спутник любви – Млечный путь сиял, словно только-только пролился из груди богини, как гласит древний миф, и времена Гомера еще далеко впереди, а горы песчаника и гранита спокойно дремлют на горизонте вдали от Нила, не зная, что в будущем станут пирамидой Хеопса. Их любовь несла ощущение первозданности и именно в ней заключалась сила и стихийность, и неиссякаемый источник.

– Женька сказала, здесь рядом есть какой-то бункер. Она зовет туда всех. Пойдем?

Сергей кивнул Кате, еще не очень понимая, о чем она говорит, и они вернулись к костру. Женя говорила, что несколько лет назад, еще будучи школьницей, отдыхала здесь, и с другими детьми тайком выходила за ограду санатория и спускалась в бункер. Там очень атмосферно и классно! На вопрос, откуда здесь взялся бункер, она толком ответить не смогла, но, по слухам, его построили еще в советские времена, когда шла Холодная война с Америкой и все боялись ядерных бомбежек.

Слова «Ядерное оружие», «Холодная война» сразу подогрели интерес ребят. Та эпоха прошла и теперь ее артефакты казались безумно интересными. Взяв фонарики, немного пива в баклажках, проверив, с собой ли сотовые телефоны, вожатые двинулись вслед за Женей. Дима шел рядом с ней. Следов ссоры как ни бывало.

Идти оказалось совсем недалеко – не более ста метров в лес. В основании стены неглубокого овражка, среди зарослей, они увидели слегка приоткрытую железную дверь с вентилем, как в подводных лодках. Свет фонариков поглощала тьма за дверью.

– Страшно? – задорно произнесла Женя.

– Уже штаны намочили! – откликнулся, смеясь, Миша.

Дверь с жутким скрипом поддалась под мощным усилием Димы и открылась полностью.

– Кто самый смелый? – бросил Дима и сам же ответил: – Я самый смелый!

Он вошел внутрь. За ним остальные.

– Сейчас бы прибор как у Охотников за привидениями! – сказал Артем. – Глядишь, поймает кого-нибудь!

За дверью оказался коридор с бетонными стенами и полом, уходящий под углом немного вниз. У Миши под ногой что-то зазвенело. Свет фонарика уловил две смятых жестяных банки из-под пива, неподалеку окурки. Те, кто еще испытывал некую тревожность, сразу успокоились – место уже обжитое.

– Не хотелось бы встретить здесь каких-нибудь бомжей, – произнесла Оля.

– Не бойся! – отозвалась впереди Женя. – Какие в лесу могут быть бомжи рядом с санаторием?

– Ну, мало ли!

– У меня фонарик сдох! – сообщил Дима, возглавлявший их маленький отряд. – Здесь поворот направо. Еще одна дверь. Закрытая.

Миша передал ему свой фонарик.

– Жень, ты ведь была здесь, что там за дверью? – спросила Катя.

– Еще один коридор.

– А потом?

– Там комнаты разные есть.

– И что в них?

– Застывшее время, бетонная крошка, металлолом. Пульт с красной кнопкой нет, насколько я помню! Ха-ха!

Миша и Дима приналегли на вентиль в центре двери и открыли ее. Такого жуткого скрипа ни одному из них не приходилось слышать. Фонарик и свет сотовых телефонов разорвал тьму в следующем коридоре. Ничего нет. Пустой черный коридор.

– Может, не пойдём дальше? – опасалась Аня.

– Почему? – удивилась Женя, и голос ее странно дрогнул. – Если хочешь, вернись к двери, а мы пойдём вперед, правда, ребят?

– Обычно некоторые фильмы вот с этого и начинаются. А потом еще посыпятся фразы «зачем вы это делаете!» – заметил Сергей.

– Ну, иди с Аней, если такой умный, Катя с нами останется.

– Почему ты решаешь за нее?

– Она моя подруга. Ты, что ли, за нее решишь?

Сергей был неприятно удивлен переменой Жени. Он никогда не видел от нее негатива, а тут вдруг – пожалуйста.

– Катя вполне может сама за себя сказать, – проговорил Сергей.

– Идем дальше, – ответила Катя.

– Я тоже с вами, – подтвердила Аня.

– Хватит трещать! Пройдем до конца этот коридор и обратно! – оборвал разговоры Дима и двинулся вперед.

Через десяток метров от коридора в бок отходила комната. В ней стоял тусклый свет. Стены поднимались здесь на два с половиной метра, а потолком служила решетка. Из леса она выглядела бы довольно жутко – среди деревьев и травы ржавые прутья, сложенные в мелкую клетку, под которыми подземелье.

– Я была здесь, – сообщила Женя. – Я с подругами сначала ее в лесу обнаружила, а потом уже узнала, что тут бункер. Сторож в санатории про бункер рассказал, он из местных, с ближайшей деревни. Говорил, что еще его отец лазил сюда. Правда отец его потом с ума сошел и с собой покончил.

– Хватит байки-то травить! – усмехнулся Сергей. – Лагерные страшилки детей малых пугать.

– Не, это не то, Серг. Паренек тот реально мне так сказал. И сам такой грустный был – недавно с отцом его это произошло. Да дело не в стороже. А в том, что сюда давно уж местные лазают, весь металлолом, что здесь нашли – ну столы, шкафы, там разные, еще всякую хрень – все вынесли, сдали на цветмет и пропили. Сторож говорил, тут бункер многоуровневый, и никто не знает, сколько этажей под землей.

Пол этой пустой комнаты был частично присыпан землей, падающей сюда через решетку, кое-где проросла чахлая трава. Посередине комнаты выросло тонкое деревце, тянущее редкие ветки к решетке.

– Уныленько, – произнес Миша. – Больше ничего интересного нет, Жень?

– А что тебе нужно интересного? – огрызнулась Жень. – Клады, как в «Индиане Джонсе»?

– Ты успокойся, я с тобой нормально разговариваю.

– Я тоже!

– Не заметно.

– Ты к девушке моей не прикапывайся! – угрожающе бросил Дима.

– Блин, ты чего? Кто к вам прикапывается? – возмутился Миша. – Я спрашиваю, чего мы здесь торчим, если есть что-то интересное где-то дальше, то пойдете, а нет, так смысл тут стоять? Нам еще всем в лагерь возвращаться надо до полуночи, а то не выспимся.

– А сейчас сколько времени? – спросил сам себя Артем и посмотрел на свой телефон. – Уже половина одиннадцатого. Батарейка почти разряжена. Странно, я же телефон пару часов назад полностью зарядил.

– О, и у меня тоже садится! – воскликнула Люда.

– И у меня, – кивнула Катя.

Сергей присмотрелся к своему мобильнику. То же самое. Но это и понятно, он заряжал телефон рано утром еще в городе, но батарея все равно должна была держать заряд, ведь он телефоном сегодня почти не пользовался. Сергей выключил телефон. Рядом раздались точно такие же звуки выключающихся мобильных.

– Что же это была за комната? Чему она служила? – спросил Паша. – Ощущение такое, словно мы в тюрьме.

Жень повела ребят прочь из этой странной комнаты дальше по черному коридору. Фонариков теперь осталось только два – один у Димы, идущего впереди всех, и у Сергея, замыкавшего цепочку, поэтому ребята, когда шли, держались одной рукой друг за друга.

Жень сразу предупредила, что в этом коридоре надо быть очень осторожными – ведь здесь в полу есть люки в нижние помещения и не известно, хорошо ли они закрыты.

Сергею вовсе не хотелось идти последним, но лезть вперед на глазах у Кати и признаться, что ему не по себе, не хотелось еще больше. Повинуясь древнему страху темноты, он все время оборачивался и светил фонариком назад. Луч терялся в черноте, еле-еле выхватывая унылые бетонные стены.

Вдруг Аня вскрикнула. Все остановились.

– Там... Там пустота! – еле вымолвила Аня. – Я чуть не провалилась.

Оба фонарика пошарили по полу. У стены зиял провал. Черный квадрат, словно аккуратный вход в преисподнюю, жестоко, натуралистично говорил о том, что могло случиться, если бы Аня поставила ногу на пару сантиметров дальше.

– Черт! – воскликнула Жень. – Я помню, здесь всюду были люки, закрытые люки!

Дима внимательно посветил у стены коридора дальше.

– Там еще открытые люки без дверей. – Сказал он с нервным возбуждением. – Свалишься к черту на рога!

– Или прямо на бомбу, – промолвил Артем. – Или чего тут прятали?

– Давайте вернемся? – предложил Паша.

– В ту комнату?

– Нет, Жень, вообще уйдем из бункера к костру.

– Так ведь костер же потушили! – сказал Миша. – Пора бы уже в лагерь возвращаться. Чем раньше, тем лучше.

– Давайте дойдем до конца коридора, – не унималась Жень. – Тут уже немного осталось, насколько я помню.

– А что там должно быть в конце? – спросил Дима.

– Там еще большая комната и из нее другой коридор, но мы только до комнаты дойдем и обратно. Там всякие пульта были, стулья, привинченные к полу, короче, наблюдательный пункт или типа того.

– Ты же говорила, что отсюда все давно вытащили на металлолом?

– Все да не все. Кто идет?

– Какой в этом смысл? – спросил Сергей. – Атмосферу бункера мы уже прочувствовали. Одной комнатой больше, одной меньше, какая разница?

Жень, оттолкнув остальных, вплотную приблизилась к нему и схватила за воротник.

– Страшно, да? – лицо ее было восторженно-насмешливым, и каким-то даже злым. Но вот оно сразу изменилось и стало обычным, Жень отпустила воротник Сергея и упавшим голосом произнесла: – Катя, ты выбрала себе в парни труса.

– И вовсе я не трус! Жень, ты перестань нести чепуху. Я дело говорю – посмотри, как тут опас-

но. А если кто-то упадет и разобьется, мы как его доставать будем? Катюш, что ты думаешь?

Сергей слегка подсветил лицо Кати. Она выглядела усталой и сонной. Он знал, как она любит поспать, а сейчас, наверное, уже скоро ночь.

– Не свети на меня, – попросила она. – Давай уже пройдем и обратно, а то мы много спорим, сейчас бы уже возвращались, если бы не стояли тут.

– Серег, ты на девушку свою посмотри, и с нее пример бери! И остальные тоже, Катюшка здесь храбрее всех, – провозгласила Женя и направила вперёд.

Сергею еще не приходилось видеть Женю такой, и он никак не мог понять из-за чего это. Если бы она боялась по-настоящему, то вряд ли бы пошла в этот бункер. Но, может быть, любопытство пересиливает опасения, а чтобы заглушить страх, лучше находиться в компании и обвинять в панических настроениях кого-то другого?

Строго держась у стены коридора, где люков не было, ребята через минуты две дошли до конца и остановились перед кирпичной стеной.

– Странно! – произнесла Женя. – Когда я здесь была в детстве, этой стены не было. Видимо, ту комнату с пультами перекрыли стеной, чтобы никто уже туда не лазил.

– Прекрасно! – провозгласил Миша. – Теперь назад!

Все стали выдвигаться в противоположном направлении, Дима и Катя с ними, Сергей на секунду задержался и поглядел на Женю. Она гладила кирпичную кладку и казалась очень погруженной в свои мысли. Он видел, что Женя совсем не хочет уходить, словно ее что-то манит идти дальше, но она просто не может.

Ему не хотелось рассуждать на эту тему, и он просто пошел за Катей. Через несколько шагов Женя нагнала их – молчаливая и угрюмая.

– Дверь закрыта! – воскликнул Артем, шедший теперь первым.

– Как закрыта? Ты уверен? – ответили наперебой ребята, остановившись у двери во внутренний коридор.

Дима и Сергей протолкались вперед и направились на дверь. Гладкая тяжелая металлическая дверь оказалась закрыта снаружи, со стороны коридора ее было не открыть.

Дима смачно выругался.

– Кто шел последним, когда мы зашли в коридор? – строго спросил он.

– Я и шел, – отозвался Артем. – Я дверь не закрывал. Да она бы и не закрылась изнутри, ты ведь понимаешь.

– Тогда как это произошло?

– Нас кто-то закрыл! – догадалась Женя.

– Но кто? В лесу кроме нас никого не было. Во всяком случае, мы никого не видели! – заго-

ворили ребята. – Что происходит? Зачем мы вообще сюда поперлись!

– Вожатые из пединститута знали, что вы пошли к нам? – спросил Дима.

– Может, и знали, – отозвался Миша. – Мы пришли после отбоя.

– Значит, проследили и нарочно закрыли! – констатировала Женя. – А вы тут все утверждали, что это нормальные люди и с ними можно сработаться. Ну, как? Они же в первую очередь вас подставили. Утром не явитесь на планерку, к детям, что они скажут директрисе? А? Да вас просто уволят накануне закрытия смены!

– Жень, ты думаешь, нас не откроют до утра? – заволновалась Люда. – А как же мы тут будем – без сна, туалета, да вообще без всего нормального, среди голых бетонных стен и в полной темноте?

– Ну, вряд ли кто-то будет закрывать, чтобы потом по-быстрому открыть!

– Надо кричать, звать на помощь, позвонить, в конце концов!

– Ну, кричи, Люд, давай погромче! Кто тебя здесь услышит? Мы под землей в лесу! Сами проверьте телефоны, у кого не сели, что связи нет.

– Ребята, давайте вернёмся в ту комнату с решеткой на потолке. – Предложил Паша. – Надо попытаться дозвониться. Я полегче остальных. Вы меня поднимите, а я попытаюсь просунуть руку между решеткой, вдруг сеть на уровне земли появится.

Предложение Паши все восприняли с энтузиазмом и быстро вернулись в комнату. Дима пригнулся, Паша встал ему на плечи. Сергей и Миша страховали, держа Пашу за ноги, когда Дима выпрямился.

– Получается руку просунуть? – спросила Аня.

– Получается, да только сети нет, и батарейка садится.

– Все равно надо пытаться, – сказала Женя. – Сядет телефон у одного, возьмем следующий.

– А смысл? Если сети нет, она и не появится! – пробурчал Сергей. – А вот последних зарядок на телефонах лишатся не стоит. У нас всего два фонарика. Батарейки сдохнут и что дальше? Чем светить?

– Ты что, здесь жить собрался? – набросилась на него Женя.

– Нет, но ведь все мы понимаем, что непонятно, когда нас откроют.

– И откроют ли вообще! – мрачно провозгласил Миша.

– Прекращайте панику! – воскликнула Катя. – Нас не могут здесь оставить. Пошутят и откроют.

Паша спустился.

– Мой телефон сел, у Димы тоже. Еще кто-то даст мне телефон, чтобы я снова попробовал?

Ребята промолчали. Женя протянула свой мобильник. Паша вновь взгромоздился на спину Димы, но уже через пару минут спрыгнул вниз и вернул телефон с безжизненным экраном Жене.

– Как быстро тут мобильники разряжаются! Проклятое место какое-то! – промолвил Паша.

– Есть хочется и пить, – пожаловалась Аня.

– Еду мы с собой не взяли, – пожалела Женя. – Но вот есть две баклажки пива. Налетай!

– Надо экономить пиво, это наша единственная жидкость, – подал голос Паша.

– Паш, блин, не начинай эту хрень! – строго прикрикнул на него Дима. – Мы не будем тут долго торчать! Нас откroют!

– Странно, что мы не слышали, как закрывается дверь, – задумчиво произнес Сергей. – Она ведь тяжелая, железная, скрипит, а коридор здесь, ну метров сто, вряд ли больше. Звук был бы слышен, даже если бы мы оказались у той стены, что, как Женя говорит, раньше не было.

– Да вообще все странно, – поддакнул Артем. – Зачем эти бункеры строили? Почему не засыпали потом полностью, здесь ведь дети из лагеря могут оказаться?! Почему люки на нижние этажи открыты?

– Люки металлические, их тоже можно сдать, хоть они и тяжелые, – сказал Миша.

Катя прислонилась спиной к Сергею и заснула. Он сначала тихонько целовал ее волосы, уши, а потом сам стал засыпать. Постепенно разговоры ребят стали тише, и начали вообще прекращаться. Только Паша с тревогой бормотал, что в темноте находиться опасно, неизвестно, что в этом бункере.

Сергею снился его дом, родители, и как к нему приходит Катюша и они все вместе пьют кофе за столом на кухне, и кот Васька прыгает на колени то к нему, то к Кате, прося чего-нибудь вкусенького. Кофе крепкий, ароматный, от него сердце бьется все чаще и чаще. Чаще и чаще... Чаще и чаще... Вдруг запах кофе становится противным, с трупным запахом.

Сергей открыл глаза. Он понял – все вокруг резко изменилось. Что-то произошло, пока он дремал. Что-то металось по этой комнате, нехорошее, стремительное. Или это его мысли, растерянные, разрушенные на слова и буквы? Сергей никак не мог сосредоточиться ни на чем. Слышались какие-то непонятные то ли звуки, то ли крики. А он все сидел и не понимал, как можно двигать руками и ногами, и что надо сделать, чтобы хоть что-то сказать. Глаза, рот, уши, нос забивал этот отвратительный трупный запах.

Наконец, он смог мотнуть головой и сразу пришел в себя. Катя все еще спала. Сергей толкнул ее, она что-то пробормотала и чуть не упала

на пол. Сергей поднял свои руки, казавшиеся такими тяжелыми, будто на них висели на каждой по атомной бомбе. Да, по атомной бомбе – он именно так это чувствовал. Да какие бомбы, что за бред? Он схватил руками Катю и подтянул к себе. Голова ее безжизненно свесилась на бок.

– Катюша, Катюша! Что с тобой? – Сергей не узнал свой голос, он доносился словно издали. – Очнись!

Катя открыла глаза и посмотрела на Сергея. В темноте ее глаза казались огромными и пустыми.

– Что? – еле вымолвила она. – Что происходит, где я?

– Я здесь, Катюш, я здесь! Смотри на меня. Я сейчас найду фонарик!

Он пошарил рядом с собой, обнаружил фонарик и включил его. Свет выхватывал фигуры ребят,двигающихся по комнате. Сергей увидел, что Паша пытается залезть на хилое деревце, выросшее в центре комнаты.

– Спасите меня! Спасите меня! – монотонно повторял Паша, пытаясь обхватить ствол ногами и подтянуться, но каждый раз срывался.

И хоть Паша был худощавым, хилое деревце давно должно было сломаться под его весом, но оно, вопреки всякой логике, стояло крепко. Артем, шатаясь, подошел к деревцу и, вытащив из кармана складной ножик, начал подрезать его у основания.

– Никто не спасется! – не своим голосом хрипел Артем. – Никто! Не пытайся, Паша, нам всем конец.

Сергей направил фонарик рядом с собой. Оля стояла рядом и монотонно ударялась головой о стену, по ее разбитому лбу ручьем текла кровь.

– Оля, что ты делаешь?! – воскликнул он.

Она повернула к нему лицо. Глаза ее были закрыты, а кровь все лилась и лилась, темным пятном расплываясь на ее олимпийке. Сергей потянул Олю вниз и положил на пол. Катя пыталась подняться, но ее шатало.

– Что за херня здесь происходит?! – услышал он отчаянный голос Миши, и направил фонарь в ту сторону, откуда слышался голос.

Миша пытался выхватить нож у Артема, Паша катался по полу, охая и держась за ногу. Люда кашляла громко и дышала тяжело, воздух заходил в ее широко раскрытый рот, словно через маленькую дырочку. Аня, забившись в один из углов комнаты, дрожала всем телом, голова ее моталась из стороны в сторону, наконец, она закричала истошно, утробно, словно и не человек вовсе.

Сергей светил фонариком, пытаясь хоть что-то понять. Что и почему произошло со всеми ними? Сергей догадался по какому-то наитию, что в этом помещении кроме них есть что-то

еще, что заставляет ребят быть такими, какие они сейчас.

Пока Миша боролся с Артемом, Паша почти затих и вытянулся. Сергей подобрался к нему. Только теперь с очень близкого расстояния стало видно, что правая голень Паши расплосована ножом очень сильно, и оттуда хлещет кровь. Сергей не знал, как ему помочь. Он достал из кармана носовой платок, но тут же сразу убрал – им даже не перевязать голень, а остановить кровь вообще невозможно. Он уже подумал разорвать на себе футболку, но все еще лихорадочно шарил по комнате фонариком и тут заметил, что Кати нет.

Сергей вновь посветил фонариком по всей комнате – Кати нигде не было. Люда начала заваливаться назад – ей нечем стало дышать. Аня вдруг моментально затихла, но продолжала дергаться от дрожи. Миша выхватил нож у Артема и отшвырнул его в сторону. Однако сам в тот же момент побежал за ним и, подняв, завладел ножом. Артем, крихтя, поднялся и бросился на него.

Сергей догадался – Катя, наверное, в коридоре. Он пошел в этот черный узкий тоннель. Ему показалось, что он видит ее фигуру невдалеке, и она почему-то наклоняется. И тут за спиной он услышал громкие чмоки и возню. Оглянувшись, Сергей увидел Диму и Женю, они неистово целовались, срывая друг с друга одежду, но их поцелуи больше походили на движения челюстями диких зверей, а глаза, расширенные, горели жутко. Такие глаза были у Димы, когда он говорил Сергею о предательстве Кати.

– Катюша, ты где? Вернись, иди на мой голос!

Сергей обнаружил, что его походка вновь стала твердой, а голова прояснилась. Он рванул вперед, стараясь не напороться на открытые люки с одной из сторон коридора. Он пробежал все расстояние до глухой стены впереди очень быстро. Никого. Катя исчезла.

Крики в комнате усилились, превратившись в вопль боли и отчаяния. Сергею было уже все равно, что там происходит, он понял – Катя могла провалиться в один из открытых люков, ведь больше из коридора никуда не денешься.

Он опустил на колени перед ближайшим к нему люком и посветил в него фонариком. Узкий клинок света сразу же сожрала тьма, не позволяя ему пробраться сколько-нибудь глубоко. Тьма в люке стояла густая, пахнувшая затхлостью и страхом. Сергей позвал Катю, но из-за воплей в комнате, врывающихся в коридор и оглушающих Сергея, он не мог услышать ответ. Он нагнулся вплотную к люку и позвал еще раз, надеясь, что сможет услышать любимый голос. Но тьма стояла безмолвная и абсолютно безразличная к нему.

Сергей, дрожа от страха, просунул в люк руку и посветил фонариком как можно дальше. Свет фонаря не достиг пола и сгинул в лапах тьмы.

Сергей побежал к следующему люку и стал звать Катю там. То же самое. А свет фонаря начал тускнеть и это заставило его еще больше топиться. Следующий люк. Вой в комнате стоял душераздирающий, хотя и состоял из гораздо меньшего количества голосов, чем раньше. Ребята там убивали друг друга, калечили, умирали, или, может быть, все это делало что-то другое, а не они сами?

Сердце Сергея бешено билось – страшно было приближаться к комнате, страшно оставаться на месте и заглядывать в люк, страшно за Катю. Он снова позвал ее, как можно громче. Вдруг ему показалось, что откуда-то из глубины подземелья, в которое вел люк, он услышал знакомый, но очень слабый голос. Конечно, это Катюша. Наверняка она упала и ранена, и потому не может громко говорить. Надо спускаться. Но эта тьма в люке такая пугающая. Для верности он позвал Катю еще раз. И снова ему показалось, что он слышит ее голос. Надо пересилить себя и спускаться. Но как? Прыгать? Неизвестно, какая там высота. И тут он понял, что ведь люки предназначались для того, чтобы в них люди спускались и поднимались, а это возможно только по лестнице. Сергей пошарил светом фонарика по краям люка. Сантиметрах в пятнадцати от края он увидел ржавые железные перекладки. Лестница! Теперь надо заставить себя двинуться во тьму. Очень страшно! Как никогда в жизни. Но там Катя, она ждет его. И все равно страх побеждал. Сергей занес ногу и поставил ее на ступеньку, но боялся сделать следующий шаг.

И тут неожиданно наступила тишина. Подозрительная, не менее пугающая, чем нечеловеческий вой, несшийся оттуда. Послышался хрип, громкий, отчаянный. Кто-то вполз в коридор и стал двигаться в сторону Сергея. Кто-то из ребят. Кто? Зачем? Ползущий человек приближался, и он уже перестал хрипеть, его движения стали сосредоточенными, четкими. Сергей догадался, что если он сейчас же не спустится в подземелье, то ему просто конец.

И он стал спускаться. Сначала несмело, с опаской переставляя ноги по ступеням. Фонарь он зажал зубами и следил за его светом, освещавшим стену за лестницей. Но вот наверху показался тот, кто остался жив в той кошмарной комнате. Сергей почувствовал, что кто-то перекрыл сверху люк и издает отвратительный урчащий звук. На лицо Сергею упала что-то липкое, густое, он поднял голову вверх и в неверном свете фонаря, на одну секунду увидел мужскую голову, но чью понять было уже невозможно – она вся была покрыта кровью и сильно изуродована.

Сергей испугался и ринулся вниз. Ноги соскользнули со ступенек, фонарь выпал изо рта, и Сергей, пытаясь его поймать, отцепил одну руку и тут же рухнул вниз, и потерял сознание.

Сколько пролежал, Сергей не знал. Он поднялся и очутился в полной, самой беспросветной тьме. Тьма стояла безмолвная, мертвая, затхлая, пугающе беззвучная. И когда Сергей пошевелился, его собственный звук сразу испугал его. Он чувствовал сильную боль в ногах и голове. Ощупав себя, облегченно вздохнул – ничего не сломано, не разбито так, чтобы казалось опасным.

Сергей еще приходил в себя, растерянный, испуганный тем, что наверху произошло что-то ужасное, и все ребята мертвы. Или не все? Ведь тот, кто целенаправленно полз к нему был так изуродован, что не мог выжить, и тем не менее, ведь хотел добраться до Сергея. Куда подевалась Катюша, где ее искать, и где вообще он очутился?

И тут Сергей понял, что в этой абсолютной черноте он не один. Что-то или кто-то находился здесь прямо напротив него. Ни одно из органов чувств никак не могло уловить ничего рядом, но он знал это тем самым пресловутым шестым чувством – тьма вокруг живая. Еще надеясь на самообман и в то, что это все-таки Катя, упавшая сюда до него, он негромко позвал ее.

Его собственный голос так испугал Сергея, что волосы встали дыбом. Он боялся пошевеливаться. Вихрь самого острого ужаса охватил его. Вот сейчас некто или нечто дотронется до него, или издаст звук или появятся глаза и клыки или щупальца, или все что угодно!!! Тогда сразу конец! Сердце разорвется, оно уже трещит от ужаса.

Ему показалось, что тьма зашевелилась, в ней появился какой-то очень большой сгусток или глыба чего-то невероятно злого. Это зло, которое исходило от нечто, пронзило все пространство вокруг миллиардами невидимых игл.

Сергей хотел заорать, но открытый рот не издал ни звука. Нет, он определенно закричал, что было сил, но звук поглотила тьма. Она заползла в рот, начала просачиваться в глаза. Удар! Она ударила его по голове. Или это он сам дернулся? Тупая боль в затылке от падения моментально прошла, появилась другая боль – пульсирующая, скрежещущая в том месте, куда сейчас пришелся удар. Тьма вокруг стала такой густой, что ее можно было уже ощутить, как что-то оформленное, но такое ледяное, что сводило пальцы, сковывало губы.

И вдруг этот сгусток злой ледяной тьмы исчез, как будто его и не было вовсе. По-прежнему ничего не было видно, но дышать стало как-то свободно, легко, и ужас, сковавший все тело, начал проходить.

Сергей подумал – это какое-то наваждение, игра разума из-за бессонницы и страха. Но ведь ребята наверху погибли. Почему? Страшно, непонятно. Этот нечеловеческий вой все еще стоял в его ушах. Катя... Где Катюша?

Сергей поскреб по сусекам души в поисках последних крох храбрости и крикнул:

– Катяяя! Ты гдееее????

Он боялся, что звук снова не появится, но, наоборот, он даже подпрыгнул от своего яростного крика. В ответ он ничего не услышал.

Надо двигаться. Но куда? Пошарив по сторонам руками, он обнаружил разбитый вдребезги фонарь. Подумав, что он наверняка упал неподалеку от лестницы, Сергей вытянул руки, надеясь наткнуться на стену или лестницу. Пустота. Он взмахнул руками еще раз. Пустота. На ум пришло – «Черная дыра». Может это и есть она? Ощущение того, что он в лесу, рядом с санаторием «Алатырь», наполненным людьми, и что где-то есть поселки, города, его родители, наконец, да и вся огромная страна – исчезло.

Не существовало ничего кроме черной пустоты вокруг. Сергей пополз назад, думая, что стена все равно где-нибудь да должна быть, а сзади ее найти можно вернее всего. И точно, он уперся в бетонную стену. Она была холодной и сухой.

И вдруг снова появилось это жуткое ощущение воздуха, наполненного трупным запахом. Рядом с ним опять возник сгусток осязаемой тьмы, он рос, давил на голову. Давно пересохшее от страха горло горело огнем.

Сергей полз, опираясь одной рукой о стену, а другой о бетонный пол. Густая тьма залепляла глаза, проникала в тяжело дышащий рот, камнем ложась где-то внутри живота. Ноги не слушались. В разбитые колени, словно зубами, впивались неровности бетона. Сергей не слышал позади себя никакого движения, но знал, то, что ударило его по голове, находится рядом, неотступно следует за ним. Безмолвное и огромное, бесшумное и бесконечное злое, поселившееся здесь очень давно, не может и недолжно выпустить того, кто к нему случайно попал. Сергей остановился. Гнетущая тишина давила со всех сторон силой стотонного пресса или это так болела голова? Он не знал. Что-то скользнуло по щеке и навалилось на левый висок. Вперед, скорее! Он упал и не мог подняться...

Сергей лежал раздавленный, злой мрак заполнил собой все пространство этого подземелья, а может быть и всего мира – понять это уже было невозможно. Слезы отчаяния и обреченности тихо текли по его лицу. И вот он увидел все. Тьма, забравшаяся в его голову, показала ему истину.

Сначала он, словно воочию, предстал перед молодыми учеными в белоснежных халатах, склонившихся перед какими-то расчётами. За

их спинами седой генерал показывал другим военным по карте СССР направления вероятных ударов на нашу страну. Потом появились другие, очень строгие генералы, они короткими резкими словами объясняли что-то ученым. Потом Сергей увидел, как в разных уголках страны строятся бункеры. И самое главное, он увидел этот бункер, когда еще санатория рядом не существовало и в помине. И вот эти ученые в белых халатах заходят в бункер, они крепко запирают за собой двери, за которыми стоит солдат с автоматом. А через некоторое время по подземным коридорам осторожно двигают канистры, увозя их все глубже в подземелье, на самые нижние этажи. Сергей понял, что под ним еще много уровней внизу – там когда-то кипела работа, жили люди.

Тьма показала ему, что бункер предназначался не только для убежища людей во время войны, но и как объект, на котором создавалось и хранилось то, что должно было уничтожить врага, захватившего нашу страну, если бы он смог нас одолеть. Но никто не нападал, шло время, те генералы, что отдавали приказы, умерли, а те ученые либо оказались в психиатрических больницах, либо в эмиграции, либо просто умерли. Созданное оружие признано глупым, слабо действующим и абсолютно бесперспективным. Оно так и осталось лежать в канистрах бункерных подземелий.

Страна менялась, бункеры засыпались, либо растаскивались и забрасывались. Канистры ржавели, но строго хранили свое содержимое, пока оно не начало созревать и выходить наружу сначала через микротрещинки, а потом и полностью разрывая тяжелые канистры. Тьма, заключенная в них, рвалась выполнить то, для чего ее создали. Злой живой мрак, рассеивающийся внезапно, и внезапно же сгущавшийся, принимавший любые формы, ринулся наверх, через заваленные этажи, обрушенные бетонные перегородки. Он слишком долго существовал без своей истинной цели – людей. По задумке ученых, он должен был рассеяться среди врагов нашей Родины, как последнее средство, когда никого, или почти никого бы, из наших уже не осталось в живых, а враг торжествовал бы победу. Тьма, рассеявшись среди врагов, заставляла бы их убивать друг друга, люто ненависть, придумывать изощренные способы убить самих себя и своих близких. Эта тьма, созданная человеческим разумом, сама являлась разумной, изменяемой субстанцией.

Но правильно много десятилетий назад ее признали неэффективным оружием – она не была ни опробована, ни доработана. Поэтому, блуждая по заброшенным комнатам и коридорам бункера, тьма, столкнувшись с первыми людьми, пробравшимися под землю в поисках металлолома

советской эпохи, погружаясь в них, не вызвала немедленных убийств. Люди возвращались домой и жили дальше. Да, они быстро спивались, разрушали семьи, вершили разбой и только иногда кончали жизнь самоубийством. Постепенно тьма приспособилась к людям и продолжала зреть. Больше никто не выходил из бункера тем же человеком, что был раньше. Но с каждым годом любопытных, проникавших в заброшенный бункер, становилось все меньше. Тьма еще не могла покинуть подземелье, где жила, питалась его чернотой и страхом случайно попадавших туда людей. Поэтому она стала просачиваться через бетон в почву, отравляя природу вокруг бункера.

Сергей вдруг снова увидел себя на обрыве оврага, сидящим с Катей. Пчелы гудели, разыскивая и неся нектар, как-то особенно гулко, тяжело, муравьи носились по корявым волнам древесной коры, словно их кто-то жестоко гнал плетью. Это их угнетала тьма. И холод, исходивший из земли жарким августовским днем, тоже обуславливала она. И смешение мыслей, и чувство обреченности отношений и неотвратимости расставания – тоже ее дело. Злая тьма отравила все вокруг бункера.

И только дети могли ей противостоять. Именно поэтому санаторий «Алатырь» каждый год принимал детские лагеря, и ничего не случилось плохого. И все-таки зло адаптировалось и к детям. Женя, побывав в бункере, спустя годы потянула туда и своих друзей. Тьма влекла ее, звала, а когда Женя уже попала в бункер, не отпустила ее. И поведение Димы, спустившимся со своей девушкой в овраг, стало странным именно потому, что в том овраге, прямо под ними находился бункер и тьма просочилась сквозь землю, невидимо проникла в него.

Сергею не стало легче от того, что он понял – Дима откровенно лгал про Катю. Ведь ее не было рядом и что с ней сделало зло, увлекши в подземелье?

Сергей увидел и то, как все произошло с ним и его вожатыми. Сифуков тоже спускался в бункер и после ссоры с Димой вынашивал планы мести. Он проследил за вожатыми, вышедшими после отбоя из лагеря, ждал, затаившись в лесу, а потом закрыл их, завинтив снаружи вентиль на двери. Старая дверь ни разу не скрипнула потому, что ей не позволила скрипеть тьма.

И теперь настало ее черное время. Так долго она ждала настоящих жертв – целой группы людей, для уничтожения которых ее создали. Впервые злая тьма вырвалась из подземелья и показала всю свою сокрушительную силу, атаковав полусонных ребят. А теперь она играла с Сергеем – то появится, то исчезнет, наконец, показывает свою историю. Неужели для того, чтобы

отпустить? Нет, он понимал, ему не выбраться отсюда.

А видения продолжались. В отличие от Алатыря, во многих местах страны она уже давно распространилась среди людей – особенно в главных городах, где бункеры и их содержимое стало достоянием общественности. Никто и не подозревал, что всплески насилия, резкий подъем преступности, теракты, война – все последствия распространения злой тьмы. Она захватывала все больше людских душ и туманила мозг. Но самое страшное было еще впереди.

С каждым годом все больше этого оружия освобождалось из своего заточения. И совсем скоро не останется в стране места, где бы тьма оставалась в глубинах подземелий. И тогда вся страна перейдет на военные рельсы – целью станет не благосостояние народа, а создание все новых мощных разрушительных видов вооружения. Но не для того, чтобы их хранить, а чтобы применить. И, наконец, начнется война. Залпы ракет, тысячи убитых, разрушенные города, разтерзанное мирное население, эпизоды жуткой резни, беженцы, новые залпы ракет, горящая земля...

Тьма показала Сергею все, что было и будет. Он знал, что до тех дней ему не дожить и даже сообщить никому ничего он не сможет. Но надо было разыскать Катю и вопреки тьме, спасти ее. Смирившись со своей судьбой, он словно бы отогнал от себя зло. Оно стало не властно над его движениями, мыслями, эмоциями.

Сергей поднялся и, опираясь на стену, побрел медленно, постоянно окликавая Катю. Вновь появилось ощущение того, что вокруг ничего нет, кроме пустого тёмного подземелья, и никто его не преследует и не следит за ним. Но он знал – это просто игра. Тьма нарочно так делает, чтобы он расслабился, а потом она вновь атакует.

Ему показалось, что он брел очень долго – ощущение времени полностью исчезло. Может быть, прошло всего пара минут, а может и полдня. Пустой длинный коридор и больше ничего.

И тут Сергей наткнулся на нее. Катя лежала прямо перед ним. Он не видел ее, но знал, что это она. Он опустился перед ней на колени, и обнял, не думая, жива она или нет. Он обнял ее, как самое главное сокровище в мире – трепетно, нежно, благоговейно. Теперь уже ничего не было страшно, если она рядом. Все закончится, но он будет не один. Катя пошевелилась, и он услышал ее шепот:

– Я так долго тебя звала... Почему ты не пришел?

– Я пришел, милая, я тебя нашел, и никогда не отпущу.

– Здесь так ужасно, Сережа... Я упала в люк... Мои ноги... С ними что-то не так... Сначала я

чувствовала сильную боль и кричала, но ты не слышал, никто не слышал... Потом я поползла и потеряла сознание.

По лицу Сергея текли слезы. Он потрогал ее ноги и разрыдался неслышно, молча.

– Я люблю тебя! – прошептал он. – Люблю и никогда не покину.

Голос Кати стал почти не слышен. Она потеряла много крови и уходила от него тихо, незаметно.

Ему очень хотелось увидеть ее лицо. Целуя ее глаза, щеки, губы, он ненадолго привел ее в себя. С безумной радостью Сергей вспомнил, что у него есть еще почти севший сотовый телефон. Почти севший, но не до конца, а это значит, что у них будет, может быть, пару минут света и последний взгляд друг на друга. Он достал телефон.

И тут же появилась она. Яростная, хищная тьма, схватила его сзади за шею и начала проникать в уши. Неимоверным усилием воли Сергей подумал, отвечая на призыв тьмы:

– Нет, я лучше убью себя, но Катю не трону, даже не пытайся.

Тьма отпустила его, но не ушла. Она росла прямо за ним, превращаясь в нечто чудовищное, что при свете могло запугать насмерть. Она и хотела этого. Тогда бы она победила. Но Сергей не мог позволить ей одержать над ними победу.

Он расстегнул олимпийку и накрыл ей себя и голову Кати и включил телефон. Одна мигающая полоска. Но в ней была целая жизнь! Они смотрели друг на друга и улыбались, нежно, обреченно и никто не мог им помешать в последний раз сказать слова любви.

Натянутая над их головами олимпийка держалась, ходила ходуном – тьма пыталась ее сорвать и показать себя в своем полном бесконечного ужаса виде. Но их маленький мирок любви – целая вселенная, отгороженная куском ткани от зла, держалась из последних сил. Пока не погас экран.

* * *

Сергей стоял на площади Трокадеро и наводил фотоаппарат на Эйфелеву башню. Свежий ветер налетел, принесся аромат цветущих каштанов. Жена перед ним и трое их детей позировали перед башней. Они улыбались ему. Дети строили смешные рожицы. Два мальчика и девочка были очень похожи на мать. Жена звала его и уже достала селфи-палку, чтобы всей семьей запечатлеться на фоне творения Густава Эйфеля. Дети кричали, что хотят поскорее подняться на башню. Сергей подошел к ним, поцеловал жену, погладил по головам детей.

Нет, это была не Катя. Другая красивая, любимая, очень хорошая девушка, ставшая матерью

его детей, с которой он объездил полмира, и впереди ждали годы счастья и благополучия.

* * *

Сергей открыл глаза. Вокруг абсолютная чернота. Катя лежала в его объятиях без чувств. Он поднял голову и увидел над собой темно-серый проем. Это выход из подземелья. Люк, через который упала Катя, а может быть и другой такой же открытый люк. Наверное, уже утро и потому он видит этот люк, в коридор наверху проникают отблески света через решетчатый потолок комнаты.

Что же это было за видение с Эйфелевой башней? Это его будущее. Если сейчас он начнет выбираться отсюда. Но один, без Кати, ее не вытаскать. Все будет прекрасно – там вдалеке, он проживет долгую жизнь, женится и осуществит все свои мечты. Конечно, сначала надо разобратся в милиции, что произошло в бункере, но он знал, он окажется не причем, хотя в его объяснения по поводу старого советского оружия в виде живой тьмы никто не поверит и все спешут на нервное расстройство. В конечном итоге жизнь победит и останутся лишь воспоминания, но и они постепенно поблекнут, хоть и кажется, что такое не забывается. Когда человек счастлив, плохое не вспоминается.

Тьма готова его отпустить, надо только бросить здесь Катю и спастись одному.

Сергей слабо, вымученно улыбнулся в ответ, и стал поднимать свою девушку. Без нее не было ни будущего, ни жизни.

Долгий мучительный подъем. Долгое мучительное блуждание по коридору и выход наружу, стараясь не смотреть на изуродованные тела ребят. Дверь оказалась открытой – наверное, Сифуков одумался и вернулся. Сергей нес Катю на руках из последних сил.

Ночь стояла в лесу. Неужели он выбирался так долго, что наступил и прошел еще целый день?

Страшный бункер остался позади. Ночь стояла свежая, теплая. Вдалеке среди деревьев виднелся костер, слышались голоса, и кто-то пел под гитару. Сергей так устал, что мало что соображал и не разбирал доносившиеся до него слова. Но там были живые люди. Спасение!

Превозмогая боль и страшную усталость, он двинулся к костру, еле-еле передвигая ноги.

– Катюша, мы спасены! – сказал он ей, не веря собственным словам, так все вокруг казалось призрачно, после того, что пришлось пережить.

Сергей положил Катю под деревом и сказал ей, что больше не может ее нести. И сейчас он пойдет к костру, попросит помощи и вернется.

Слова песни показались очень знакомыми, хотя из-за тумана в голове он никак не мог понять, чья это песня.

*...Ведь когда ты ушла, почернели купола
И потух огонь немеркнувшей звезды.
Небо налилось свинцом, в сердце разорвался гром
Это ты, моя любимая, ты...*

Это же его песня! Кто поет ее? Костер все ближе. Там сидят ребята. Их лица в сполохах огня кажутся очень знакомыми. Сергей подошел почти вплотную и положил руку на плечо гитариста, певшего песню. Тот обернулся, и Сергей увидел самого себя. Рядом с ними сидела Катя.

– Ты что? – спросила Катя – За тобой никого нет.

Сергей улыбнулся ей.

– Просто показалось.

Сергей РАХМАН

Родился в 1958 году в г. Ташкент. Окончил Ташкентский Политехнический институт. Автор целого ряда успешных рационализаторских предложений. В 1991 году репатрировался в Израиль. Лонг-лист международного литературного конкурса Большой Финал 2016/2017 годы в двух номинациях (рассказы). Живет в России и Израиле.

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Никто ничего не может сказать заранее, никто толком не знает, что с ним произойдёт. Жизнь – это то, что происходит с тобой, пока ты строишь планы на будущее. Ты пытаешься построить что-то вроде карточного домика, ищешь лучшее место для каждой карты, каждой ступени, а потом вдруг происходят непредвиденные события и карточный домик разваливается.

Вот и она, студентка третьего курса медицинского института, совершенно здоровая раньше, оказалась на больничной койке. Сколько времени она проработала в этой больнице? Кажется всего два месяца или, может, два с половиной. А потом внезапно появились сразу все характерные симптомы вируса – затруднённое дыхание, кашель и почти полная потеря обоняния. Возможно, что этого и следовало ожидать, поскольку одноразовые средства индивидуальной защиты здесь, исходя из придуманной больничным начальством или навязанной ему сверху экономии, никто не выкидывает в мусор. Их просто стирают в стиральной машине,

как обычное грязное бельё, совершенно не заботясь о том, что при такой обработке микробы или бактерии полностью не погибают. Чтобы их, микробов, надёжно убить, нужно хотя бы хорошенько прокипятить всю эту чёртову защитную экипировку в автоклавах. Так, по крайней мере, делали совсем недавно.

В нескольких сотнях метров от здания больницы проходит узкоколейка, а где-то рядом находится железнодорожная станция или переезд, поэтому часто слышны короткие или протяжно-заунывные гудки локомотивов и мерный, длящийся примерно полминуты, шум проходящего состава. Пассажирские поезда везут куда-то по делам относительно здоровых и в меру счастливых людей, а в товарняках бензин, солянку или что-то другое. Там, под лёгкий перестук тормозных башмаков или колёс на рельсовых стыках, жизнь идёт своим чередом, слегка, может быть, замедлившись из-за кризиса, но и останавливаться вроде не собирается. А вот в её жизни, кажется, случилась трагедия, произошёл облом.

Как это всё получилось? Всё вроде было хорошо или почти хорошо, а потом началась эта треклятая эпидемия, которую толком никто в мире не умеет лечить, и всё закрутилось-завертелось вверх тормашками. Отцу и матери урезали зарплату чуть ли не вдвое, а за учёбу в институте ведь как-то надо платить. И тогда она, Алла, соблазнилась хорошими заработками, сама стала бойцом передового отряда в борьбе с Коронай – так на медицинском сленге называется эта ужасная зараза. Уже два месяца или даже больше она фланирует по палатам инфекционной больницы № 2 в этом ужасном одеянии, чем-то похожим то ли на костюм инопланетянина из фантастических сериалов, то ли на костюм обычного земного космонавта. Выслушивает внимательно и терпеливо жалобы больных, изучает показания приборов и рентгеновские снимки. А ведь ей самой уже тогда было плохо; ходишь по двенадцать-четырнадцать часов в памперсах, поскольку даже на сброс отходов собственного пищеварения в предусмотренном для этого месте времени не дают, его просто нет. Ко всему ещё вся потная, на лице и по всему телу кожа раздражена, нервы раскалены до температуры лавы действующего вулкана.

Нет ничего хуже, чем ходить по этим палатам, где отовсюду на тебя смотрит сама Смерть. Она везде – в просящих, иногда даже умоляющих глазах пациентов, в однообразной голубовато-холодной белизне стен, потолков, казённых простыней и полотенец. Страх смерти вездесущ, он вокруг, но его никто не видит. Ужас смерти даже в аэрозоле, которым в больнице опрыскивают все палаты и коридоры. Считается, что этот умный аэрозоль якобы убивает вирус, но это пока не проверено на практике. Ты похожа на путника, заплутавшего в заснеженной местности, еле-еле передвигающего ничего не чувствующие обмороженные ноги, пронизывающий ветер вперемежку со снегом бьёт тебе в лицо, ты не соображаешь, куда тебе идти и откуда может придти хоть какая-то помощь. И практически ежедневно в каждой палате хаотично меняются обитатели; кого-то выписывают домой то ли на самоизлечение, то ли на самоликвидацию, а кого-то прямоком в больничный морг. Все пациенты хотят жить, хотят жить и старые, и молодые; каждый смотрит на тебя с надеждой и верой, как на Создателя. А тебе пока нечего им предложить – у тебя нет ни сильнодействующих лекарств, пригодных именно против этого типа вируса, ни волшебной вакцины.

– А я ведь совсем молодая, я ещё толком-то и не жила, – чуть слышно бормочет Алла. – И, может быть, уже завтра вылечу в космос с

билетом в один конец. Хотя какие там к чёрту билеты, туда никаких билетов не надо. Кто-то из великих мыслителей, возможно писатель, выразился очень точно. Так точно, что хочется заплакать. Всё это как будто про меня сказано, а на самом деле про каждого из нас.

– Когда вы будете умирать, – изрёк он давным-давно. – То будете жалеть о том, что мало любили и мало путешествовали.

Стремительная карусель мыслей о любви и путешествиях захватила её целиком, особенно яркими были мечты о путешествиях после чудесного выздоровления. Сколько есть в мире удивительных стран, где хочется побывать, сколько непередаваемо красивых мест! Их не счесть!

Затем она стала прислушиваться к болям внутри собственного тела, интуитивно пытаюсь определить две вещи – что именно болит и почему это происходит.

– Странно, – подумала Алла и вслух пробормотала: – Странно. Я почти неделю не чувствую никакого улучшения, а врач, который периодически обследует меня, вдохновенно рассказывает байки, что иду на поправку. Но какой резон ему врать? Какой смысл?

Она с трудом встала с кровати и подошла к окну. Голова немного кружится, а во рту уже ставший привычным противно-горьковатый вкус от лекарств. Совсем близко от здания виден пруд, где выздоравливающие пациенты щедро кормят хлебным мякишем деловито прогуливающих или плавающих уток, хотя рядом с водоёмом везде размещены таблички, не рекомендуемые этого делать. Слабый ветерок теребит верхушки берёз и склонившихся над тёмной водой плакучих ив, лёгкая рябь возникает на отражающей их тени почти зеркальной поверхности.

В это самое время двое похожих на инопланетян людей проходили мимо палаты, где находилась студентка.

– Да, симпатичная девочка, – сказал, подумевшая Алла, более высокий из них, обращаясь к тому, что пониже. – Симпатичная и довольно толковая. Ей бы ещё жить да жить. Если выздоровеет, то я за ней приударю.

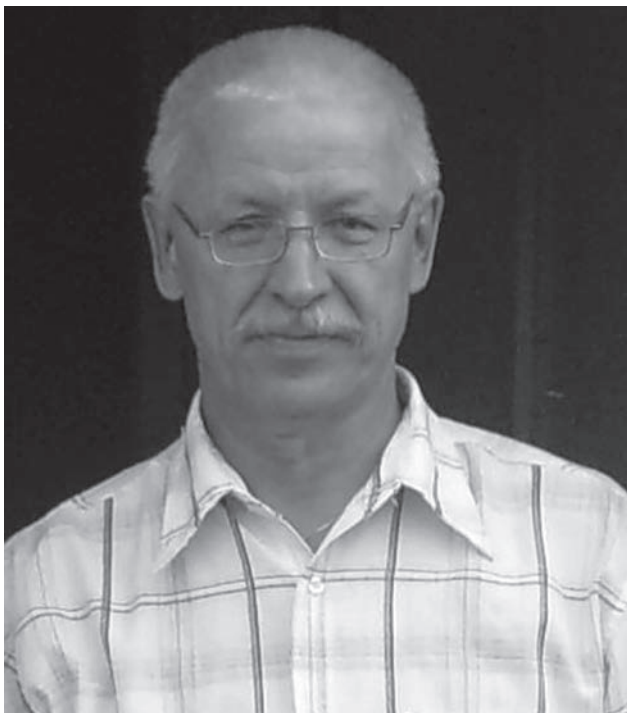
– Ты прав, – ответил низенький врач, – Поэтому я и подсовываю ей чужие рентгеновские снимки, снимки выздоравливающих пациентов, поскольку положительная динамика у Аллы пока ещё не наблюдается. Её может спасти от смерти либо хороший иммунитет, либо жажда жизни, а лекарства в данном конкретном случае не особо помогают. Именно жажда жизни решает всё там, где всё остальное бессильно помочь. Высокий врач с уважением и симпатией посмотрел на собеседника,

но ничего не сказал. К чему слова, когда и так всё ясно? Смена через пару минут закончится, они с удовольствием скинут с себя проклятую марсианскую экипировку и постараются под душем смыть нечеловеческое напряжение от такой работы.

Она отошла от окна и, приняв таблетку, улеглась на кровать. Чтобы как-то убить время, взяла телефон и начала просматривать сделанные в разное время фотографии из галереи. Несколько из них особо привлекли её внимание и вызвали произвольную улыбку. Это их кот Черныш, любимец семьи, ужасно смешной и симпатичный. Понимает все человеческие языки, но говорит только на одном – на языке Миу-мау.

– Эх, – подумала Алла и тихонько засмеялась. – Если бы Черныш мог, стоя на задних лапах, произносить тенором или фальцетом какие-то фразы типа «Мы на горе всем буржуям пред короной не пасуем» или «Русский и китаец братья навек», то я и мои предки за короткое время стали бы невероятно богатыми людьми, а все проблемы сразу бы испарились.

Через несколько минут попавшую в переплёт студентку сморил сон. Она увидела потрясающую воображение красоту небольшого, но очень живописного Эйлатского залива и себя, плывущую в акваланге прямо над колониями окрашенных во все цвета радуги кораллов. Ей не довелось там побывать, но всё ещё впереди...

Николай ХРИПКОВ

Родился в 1954 году в Новосибирске. Закончил гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета, отделение филологии. Библиотекарь. Публиковался в журналах и местных газетах, в сборнике «Жизнь вокруг нас». – Южно-Сахалинск. 2018, сборнике «О бабушках и дедушках». М., 2018, региональных и федеральных художественных сборниках, на различных литературных сайтах

МИЛЫЙ, Я БЕРЕМЕННА

— Милый! Я – беременна. Он не шевельнулся. По-прежнему каменное лицо, по-прежнему смотрит в потолок. Он далек отсюда, он в своих мыслях и не слушает ее. Какой-то каменный истукан.

– Ты слышал, что я тебе сказала?

– Я не глухой.

– Почему ты ничего не скажешь? Почему ты молчишь? Ты понял, что я тебе сказала?

– Нужно что-то говорить?

– А разве нет?

Он повернул к ней голову. Улыбнулся. Провел пальцем по ее волосам. Она резко отдернула голову.

– Сходи за пивком!

– Не хочу.

– А ты захоти, пожалуйста! Жажду с утра лучше всего удовлетворять пивом. Кстати, этот афоризм сказал один из мудрых людей, то есть я.

– Я не хочу захотеть.

– Неужели идти самому?

Он сел.

– Это же утомительно. Это надо идти сейчас умываться, чистить зубы, одеваться, потом спустаться на улицу, заходить в магазин, заигрывать с симпатичными кассиршами...

– Не пойму. Ты что: отключил голову? Я тебе сказала, что я беременна, а ты ничего не гово-

ришь. Ты понял, что я тебе сказала? Ну, так скажи что-нибудь, кроме того, что ты хочешь пива.

– Я говорю. Я попросил тебя сходить за пивом. Ну, сходи, пожалуйста, зайчик. Умоляю тебя! Ты же более легкая на подъем, более мобильная. Пока я соберусь, ты бы уже сбежала.

– Ты решил поиздеваться надо мной? Это же очень серьезно. Ты хочешь стать отцом? Или не хочешь? Я тебе простой вопрос задаю. Или я что-то непонятное спросила?

– Как говорят бюрократы, давай перенесем этот разговор на более благоприятный момент. Иногда они говорят толковые вещи, просто нужно понимать их язык.

– Так вот знай! Аборт я делать не буду. Я рожу ребенка и буду воспитывать его одна. А ты... ты будешь платить алименты и знать, что где-то живет твой ребенок, которого ты бросил еще неродившегося.

– Придется идти самому. Другого выхода у меня нет.

Он ушел в ванную. Она слушала, как он моется. Потом он вышел, молча оделся и ушел.

Что это значит? Он не хочет ребенка? Но почему он об этом не сказал? Не хочет сказать сразу? А ведь он ей казался таким добрым, любящим, заботливым. Она даже и не сомневалась, что он будет рад ребенку.

А вот теперь он раскрыл себя с другой стороны. Он совсем не такой. Он эгоист. Он думает только о своих удовольствиях. И она ему была нужна лишь для постели. Она ошиблась в нем. Но это даже хорошо, что она узнала об этом сейчас, а не потом, когда их совместная жизнь превратится в ад.

Она достала из шкафа синий мягкий чемодан, с которым пришла к нему, и стала бросать туда свою одежду. Вскоре чемодан был полный, одежды еще оставался целый ворох. Она уплотнила и снова стала складывать. Закрывает крышку, она выгнулась мячом. Пришлось придавить коленом, иначе невозможно было застегнуть замки.

Она решила написать ему письмо, в котором выскажет всё, что думает о нем: какой он эгоист, что он думает только о себе, что она нужна ему лишь для постели, что он последний из подлецов, подонок, и почему она только раньше не разглядела его дряненькую душонку, что она презирает его всей душой и плюет на него, что... Она написала две строчки, прочитала их и разорвала с злостью. Разве бумага может передать то, что у нее творится на душе? Глупость! Какая-то мыльная мелодрама. Она просто уйдет с гордо поднятой головой, потому что ее невозможно сломать. Настанет время, когда он пожалеет об этом, будет раскаиваться, приползёт к ней на коленях, жалкий, оборванный бродячий сын, и будет умолять ее о милости.

Взяла чемодан. Но тут услышала, что дверь открылась. Она быстро убрала чемодан в шкаф. Ей не хотелось, чтобы он видел, как она уходит. Лучше это сделать, когда его не будет.

Он сразу не прошел. Сильно грохнуло в прихожей. Потом снова хлопнула дверь. Значит, он зачем-то снова вышел. Она еле сдерживалась, чтобы не подглядеть.

Снова грохнуло, как будто он волочил что-то тяжелое. Он показался на пороге. Улыбается. Глядит на нее. Конечно, он не сможет догадаться о том, что она сейчас думала и делала.

Он запыхался, приподнял и поставил к стене какую-то большую упаковку. Что могло быть в этой большой картонной коробке?

– Что это?

– Это? Это детская кроватка. Не спать же ребенку с нами на одной кровати? Я надеюсь, что ты не будешь возражать против этого?

Она еле сдерживала слезы. Ей не хотелось сейчас показаться слабой. Ведь она сильная. Она забыла про синий чемодан, про письмо, которое начала писать и разорвала, про свои злые мысли про него, какой он плохой, какое он ничтожество, недостойное ее.

Подошла и обхватила его шею.

– Дурачок! Это еще не скоро. Еще много времени пройдет, пока он появится на белый свет.

– Надо же обзаводиться постепенно. Погоди!

Он освободился от ее объятий, вышел и тут же вернулся с роскошным букетом. Она прижала ладони к лицу. Единственный раз, когда он подарил ей букет, это было на первом свидании.

– Маме! Будущей!

Она опять обхватила его за шею и поцеловала. Он, пока она его целовала, поглаживал ее лопатки.

– погоди!

Он опять вышел в коридор.

– Да что ты бегаешь? Ну, сколько можно бегать взад-вперед. Я не хочу, чтобы ты уходил.

Он зашел с пакетом, вытащил бутылку шампанского.

– Думаю, за это событие надо. Это праздник, большой, грандиозный праздник! Будет новый человек! Не знаю, можно ли будущей маме.

– Шампанское можно. Еще можно. Он же тоже должен почувствовать, что у нас праздник.

Опять поцеловала его. Потом они сидели на кухне. Посередине стола букет. Пахло весной. Шампанское шипело в фужерах. Всё-таки это самый праздничный напиток.

– А ты представляешь себя в роли отца? Думал, когда-нибудь об этом, что ты отец?

– В роли отца себя нетрудно представить. Но только в роли.

– О чем это ты?

В его словах она почувствовала какую-то смутную угрозу. Стала внимательно рассматривать его лицо.

– О том, что я не отец этого ребенка, который сейчас живет в тебе.

– Постой! Ты считаешь, что это не твой ребенок? Ты заявляешь об этом мне открыто?

– У меня не может быть детей. Это медицинский факт. Был такой момент в моей жизни, когда мне пришлось пройти обследование. И я узнал, что не смогу стать отцом. Для меня, конечно, это было ударом. Но пришлось смириться. Вот такая петрушка.

– Ты считаешь, что этот ребенок не от тебя?

– А как я должен считать? Какие-то другие могут быть варианты? У всего бывают естественные причины.

– Я жила с тобой и еще с кем-то встречалась? Ты так считаешь?

– А что: это непорочное зачатие от святого духа? Я так должен считать, по-твоему?

– Какого же ты обо мне мнения! Я любила тебя. Мне никто не был нужен. Только ты. Мне даже в голову не могло прийти, что у меня может появиться какой-то другой мужчина. Как ты такое можешь думать обо мне?

– Ты меня слышишь? Я не могу и-меть детей, – проговорил он по слогам, как это делает учитель, чтобы поняли его.

– Подожди! А тебе не приходило в голову, что вчера не могу, а сегодня могу? Ведь подобное происходит сплошь и рядом с очень многими людьми. Жизнь преподносит такие подарки. У человека был рак, он уже мысленно похоронил себя, приготовился к смерти, отсчитывает последние недели. Дни, уверен, что каждый день его приближает к последней черте. И выздоравливает. И никакого рака у него нет. Тебе это не приходило в голову? Почему такое не может случиться с тобой? С другими случается, а с тобой не может случиться? У меня была язва, когда я училась в университете. А сейчас у меня нет язвы. Она зажила сама собой. Ну, конечно, я посидела на диете. Я проверилась. Специально проверилась. И никакой язвы у меня не нашли.

Сходи и ты, проверься. Это же нетрудно сделать. А потом уже делай выводы. Если тебе скажут, что ты не можешь быть отцом, считай меня последней шлюхой. Я уйду, и больше ты никогда не узнаешь о моем существовании.

– Знаешь, ты хорошие слова сказала. Мне как-то это и не приходило в голову. Давай выпьем! За нас! Всё-таки ты потрясающая. Я это искренне говорю. Никакого лицемерия.

– Ты, правда, собирался жить со мной, а потом и с родившимся ребенком, зная, что это не твой ребенок?

– Что же тут такого? Главное, чтобы я любил тебя, любил ребенка, которого бы считал своим.

– Но был бы уверен, что ты не его отец?

– Всё! Всё! Всё! Жалко, что шампанское закончилось. Вот так всегда! Всё заканчивается в самый неподходящий момент. Ты не сбегаешь за пивком? А то два выхода в магазин за утро – это для меня уже перевыполнение плана. Да и что подумает кассирша?

Она молча оделась и вышла. Он поднялся, подошел к окну и стал ждать ее появления из подъезда.

Анна ЗОРИНА

«Родилась в 1983 году в Петропавловске, городе на севере Казахстана. Закончила Северо-Казахстанский Государственный Университет им. Манаша Козыбаева. Несколько лет назад переехала в Новосибирск, где и начала писать стихи и сказки. Входит в состав творческого объединения «Dark Romantic Club» и «Городские сказки. Новосибирск» Принимала участие в различных литературных конкурсах и фестивалях».

КОЛЬБЕЛЬ УЮТНЫХ СНОВ

МИШУТКА

Все в лесу седом, ветвистом стихло до весны.
Медвежонок косолапый спит и видит сны.
Бережет покой берлога, снег над ней высок,
И как печка согревает теплый мамин бок.

Над берлогой ходит, бродит белая зима.
На кого она похожа — знает ли сама?
Может быть, она полярный северный медведь?
Любопытно медвежонку: вот бы посмотреть!

По ночам метелью воеет, будто ноет зуб
И бока из снега чешет о могучий дуб.
Эй, зима, — ей шепчет мишка, — погоди, постой.
Но лишь наст хрустит привычно под ее пятой.

Словно звезды в небе вспыхнет
 свет хрустальных глаз —
На кого она похожа? Может быть, на нас?
Не забыть бы медвежонку до весны вопрос.
Спит топтыжка, плотно в маму утыкая нос.

ЗИМА

В облаке млечных туманов и снежного крошева,
Гордо неся ореол неземного сияния,
Молча ступала зима, заметая порошею
Дни, сокращая до самого солнцестояния,

В облике странном, невиданном —
 птицы ли, зверя ли? —
Вьюгой хрипя, завывая, как боком проколотым.
Только живые, пугаясь, отчаянно верили:
Есть еще шанс уберечься от холода с голодом.

Словно седой океан ледяными торосами,
Лес, укрывая питомцев сугробными спинами,
Вдруг ошкетинился иглами: елями, соснами,
Пугая тропы, покрытые кровью рябиновой.

Долго блуждала здесь древняя сила могучая,
Терла до скрипа метель о засохшее дерево.
Хищники прятались в норы, бедою научены
Быстро скрываться от взгляда сурового севера.

СТРОФЫ

Многим хватило бы сил пережить испытания?
Наст все скрипел и скрипел под ногами ли,
лапами?

Падали птицы под лютым морозным дыханием,
Звери сжимались в комок и тихонечко плакали.

ЛЕД

Улицы узкая колея.
Вправо ведет юзом.
Лед и песок.
Телом изломанная змея
Кверху лежит пузом.
Бурая соль.

Шаг ускоряется сгоряча,
Тихо блажит разум —
Кто виноват?
Если оступишься невзначай,
То напрямиком сразу
Скатишься в ад.

Болью натянуты провода
Над чередой лестниц,
Сверлит висок.
Тело, летящее в никуда,
Перед лицом бездны
Тянет носок.

ДРАКОНЫ

«Драконы! Драконы!» — кричали вокруг неистово,
Дома и деревья пылали, как вата клочьями,
Дым бился клубами о небо, недавно чистое,
Скорбели отцы, к ним прижавшись рыдали дочери.

Зачем же вернулись летучие твари древние?
Чего они жаждут, ведь их сотни лет не видели?
И люди бежали, кричали, глазам не верили,
Страшась даже в мыслях приблизиться к их обители.

А я не боюсь темноты и ущелий каменных,
Они для меня расцветут мотыльками красными.
Я с первых же лет, сколько помню,
играла с пламенем,
И пламя меня не сжигая, урчало ласково.

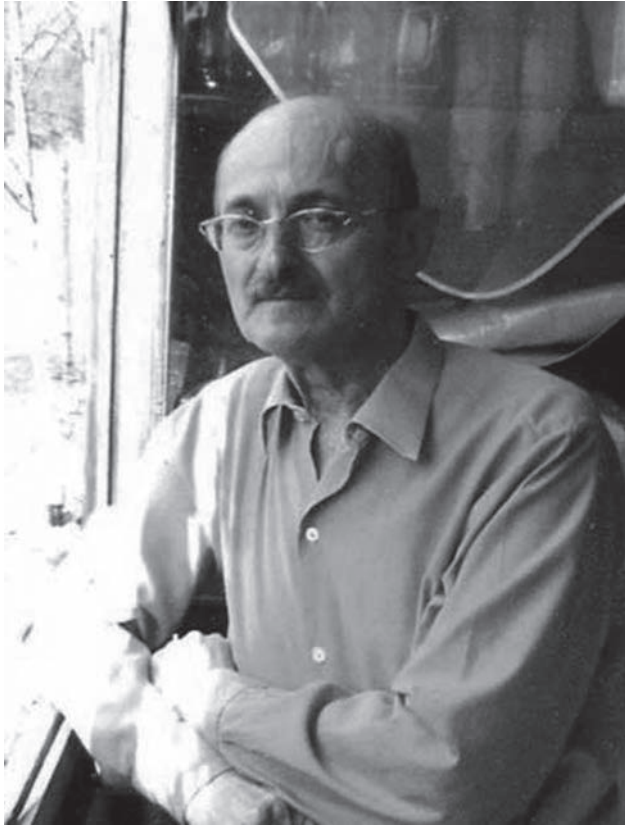
Домается корка земли под босыми ножками,
Распльвчато тает все то, что когда-то помнила,

И кажется, ветер взовьет меня алой крошкой,
Дерзнувшую смело пройти по пути драконьему.

Но видимо, им все равно: кто большой,
кто маленький,
И вовсе не важно: кто будет в броне,
кто в платьице,
Драконы плывут в темноте, как в сиропе ягоды,
И искры костров от земли в небеса впиваются.

* * *

Хранит покой забытых деревень
уставший пыльный дух под половицей,
Плетет тенета сумрачный паук,
развешивая серый гобелен.
Дремотная болезненная лень: лишь скрип полов,
когда ему не спится,
Да ставен хриплый кашляющий звук —
вот мир, не выносящий перемен.
На стыке всех истоптанных дорог, в краю,
куда попасть мечтает каждый,
Есть мудрые седые города —
живая колыбель уютных снов.
Их дух безглаз, как истинный пророк,
исполненный торжественности важной,
Готов делиться мудростью всегда
с упорством твердокаменных основ.
А новостройки пухнут от людей,
взрываясь пестрой пышностью неона.
Высотки, рьяно рвущиеся ввысь, как пальцы,
что пронзают облака.
Тут главное одно: собой владей, среди стекла,
асфальта и бетона,
Ведь духи, что в подобном завелись,
на жителей взирают свысока.
А где-то заповедные места,
куда приводят музыка и муза и,
с городом встречаясь в первый раз,
вмиг прикипаешь словом и душой.
Координат точнее не достать, но как поток,
прорвавшийся из шлюза,
Соединенье образов и фраз тебе твердит:
увидимся еще.
По площадям и улицам чужим
ступаешь ты уверенней, чем дома,
а на ступенях летнего дворца шепнешь:
«Родной, давай поговорим».
Тут не бывает мороков и лжи,
ведь с этим духом вы давно знакомы,
и ваши неумные сердца
отстукивают свой единый ритм.

Владимир КОЛАБУХИН

«Родился в 1937 году в г. Коломна. По образованию юрист, окончил Московский факультет ВЮЗИ. В начале трудовой деятельности работал столяром на заводе, а после срочной службы в армии – учителем труда в средней школе. Затем много лет – на ответственных должностях в редакциях газет и в подразделениях органов внутренних дел Ярославской области. Публиковался в журналах «Мера», «Русский писатель», «Парус», «ЛитеРРа Nova», «Искатель» (Россия), «Метаморфозы» (Белоруссия), «Русский глобус» (США), «Что есть истина?» (Англия), «Жемчужина» (Австралия) и др. Автор нескольких книг прозы и стихов. Лауреат и дипломант ряда отечественных и международных литературных конкурсов, в том числе Золотой лауреат Германского международного конкурса «Лучшая книга года» (2015 и 2017). Член Союза российских писателей. В настоящее время пенсионер. Живу в городе Ярославле.»

ФОРТУНА ЭЛЛА ХЕЙСА

Мистер Колвер неподвижно сидел в кресле у открытого окна спальни. Со второго этажа фешенебельной виллы, горделиво возвышающейся на опушке апельсиновой рощицы на берегу Калифорнийского залива, он хорошо видел всё, что происходило в мареве заката.

Вечер наплывал тёплый и тихий. Сумрак медленно опускался на аквамариновую гладь засыпавшей лагуны; на белом песке один за другим таяли солнечные блики; в обнимку тянулись с пляжа к дороге последние парочки; одна из них остановилась, слилась в долгим поцелуе...

«Счастливики», – с горечью прошептал Колвер, сетуя на свою немощность. Он вздохнул, плотнее закутался в мягкий халат и откинулся на спинку кресла. Глубоко задумался.

Его кредитная фирма не была таким гигантом, как, например, широко известные компании «Галф ойл корпорейшн», или «Юнайтед брендз компани», однако он тоже ворочал многими миллионами. Долларов ему хватало, недоставало лишь радости жизни. Болезни и старость напоминали о смерти. Целыми днями сидел он теперь у окна спальни, и никто не решался беспокоить

его. Колвер думал о своих миллионах, во имя которых израсходовал отведённое судьбой время так безоглядно, что не успел обзавестись семьёй, и, значит, всё богатство даже некому завещать... Теперь он отдал бы всё своё состояние за возможность вот так же молодо и безмятежно, как эти молодые парочки, гулять по тенистым улочкам и знать, что он кому-то дорог и нужен.

Неожиданно за его спиной послышался шорох. Он обернулся. Тяжёлая портьера на двери заколебалась, складки её раздвинулись, и показалась съёжившаяся фигурка секретаря.

Колвер недовольно сдвинул жидкие, выцветшие брови. Секретарь несмело приблизился.

– Он пришёл, сэр.

– Пусть войдёт, – оживился Колвер.

Секретарь ужом выскользнул за портьеру. И на пороге сразу показался высокий, плотный блондин с быстрым, цепким взглядом.

– Мистер Элл Хейс? – нетерпеливо спросил Колвер.

– Так точно, сэр, – по-военному чётко отозвался вошедший и ещё больше вытянулся.

– Садитесь.

Хейс, ступая на носки, медленно прошёл по белому пушистому ковру и осторожно опустился в такое же белое, мягкое кресло.

– Мне рекомендовали вас как надёжного человека, знающего язык индейцев, – слабым голосом продолжал Колвер. – Говорят, вы служили в армии? Где именно?

– Вьетнам, Боливия, Парагвай, Гвинея-Бисау...

– Значит, джунгли вам хорошо знакомы?

– Ещё бы! Туземцы жалили нас там из-за каждого куста.

– Однако вы уцелели.

– Повезло, сэр. Я ведь удачливый!

Колвер с едва заметной усмешкой пробежал глазами по его подержанному дешёвенькому костюму.

– Но сейчас вы, как будто, на мели.

– Временно, сэр! Временно! – вспыхнул Хейс, перехватив взгляд миллионера. – Я слышал, нашим парням в Африке прилично платят. Вот и думаю, а не махнуть ли мне туда на охоту за чёрными?.. Или у вас есть другое предложение? Только учтите, что такая охота – моя единственная профессия.

– Это я и принимаю во внимание... Хотите миллион?

Хейс помрачнел, слегка расслабил затёкшие от напряжения ноги.

– Не надо так шутить, сэр.

– А я без шуток. Предлагаю миллион долларов.

Хейс моментально снова подобрался. Вот она, фортуна!

Опять улыбается ему. Нечаянно не выпустить бы из рук!..

– Слушаю, сэр.

Колвер хрипло откашлялся и, растягивая слова из-за одышки, медленно и тихо продолжил:

– Ну, что же... Тогда достаньте-ка из секретера карту... Мне крайне необходимо, чтобы вы не позднее, чем завтра вылетели в Манаус. Там на аэродроме для вас подготовлен мой личный вертолёт. На нем вы должны добраться до селения племени мачири, обозначенного на этой карте красным кружком. В джунглях вы отыщете парутройку императорских удавов и доставите мне их головы... Всё!

Колвер отёр со лба испарину. Такую продолжительную речь он давно не произносил.

Хейс молчал, ошеломлённый столь неожиданным поручением..

– Вас что-нибудь не устраивает? – скрипучим голосом спросил Колвер.

– Нет-нет, – поспешно ответил Хейс. – Всего несколько вопросов.

– Пожалуйста.

– С королевскими кобрами и анакондой я встречался, а вот об императорских удавах не слышал. Что о них известно?

– Почти ничего... Местные индейцы называют их просто Боа. Взгляните на изображение питонов, приложенное к карте. Разве не похожи ороговевшие наросты на их голове на миниатюрные короны? Собственно, вот эти колечки мне и нужны.

– В чём же их ценность?

– Мачири якобы готовят из них омолаживающее средство. Как вы понимаете, в нём теперь мой последний шанс.

– Почему же, – смущённо пробормотал Хейс. – А гормональные препараты?

– Увы, всё это пройденный этап.

Элл посмотрел на карту. Судя по координатам, мачири обитают в весьма труднодоступном районе амазонской сельвы Бразилии.

– Насколько достоверно местонахождение мачири? – спросил Хейс.

– Человек, указавший его, побывал там лично. Он искал сокровища инков, а случай свёл его с мачири... Вы что-нибудь слышали о Бенте Чейзе?

– О, знаменитый кладоискатель и авиационный механик! Так это был он? Почему вы не предложили ему это дельце?

– Он давно спился.

– А мачири... Что они собой представляют?

– Совершенно неизвестное дикое племя.

– И, видимо, встреча с ними – большой риск?

– Но и я миллионами зря не швыряюсь... Впрочем, Чейз сумел уцелеть.

– Я должен отправиться к индейцам один?

– Нет. Вас будут сопровождать трое парней из моей охраны. И помните – я жду вас не позднее чем через две недели. В противном случае наш контракт, который вы сейчас подпишете у секретаря, будет аннулирован: я не могу долго ждать.

– Но индейцы могут мне помешать.

– А разве вы не были солдатом и не умеете стрелять?

«Чёрт побери! – выругался про себя Хейс. – Старик прав – игра стоит свеч!»

– Можно получить задаток? – поспешно спросил Элл.

Колвер молча протянул ему приготовленный чек. Хейс увидел обозначенную на нём сумму, довольно улыбнулся, спрятал чек в потрёпанный бумажник и, простившись с хозяином виллы, направился к выходу. Колвер проводил его взглядом, полным надежды.

* * *

Вертолёт плавно опустился на залитую солнцем поляну. Хейс первым спрыгнул в густую траву, осмотрелся. Прямо перед ним, всего в не-

скольких шагах, возвышалось монументальное изваяние: ритуальный столб из чёрного дерева в виде приподнятой змеиной головы. Поодаль от столба теснилось с десяток бамбуковых хижин. А вся поляна была отгорожена от внешнего мира сплошной стеной из высоченных деревьев и зарослей кустарника.

В селении было пустынно и тихо. Однако Хейсу тишина эта казалась обманчивой. Придерживая на поясе тяжёлую кобуру с кольцом, Элл опасливо обошёл пустые хижины и лишь в самой последней – жилище жреца – обнаружил одного полуголого старика-индейца, в котором, казалось, чуть теплилась жизнь. Старик неподвижно сидел на шкуре ягуара у заходящего очага, и его глубоко запавшие глаза равнодушно смотрели на незваного пришельца.

Спутники Эллы с автоматами наизготовку остались снаружи у входа, а Хейс с притворной улыбкой приблизился к старику, уже знакомому по фотографии Чейза.

– Здравствуй, мудрейший Викима! Я счастлив, что вижу тебя живым и здоровым! – льстиво заговорил он, с трудом подбирая фразы.

Ничто не выдало удивления хозяина хижины. Он тяжело поднялся.

– Ты пришёл? – спокойно произнёс он традиционное приветствие индейцев. – Пусть этот день принесёт радость твоей душе.

– И твоему народу тоже! Но куда все скрылись?

– Мачири испугались Железной Стрекозы, и потому попрятались в зарослях, – помедлив, глухо ответил жрец.

Хейс достал из кармана френча фотокарточку Чейза, протянул её жрецу.

– Узнаёшь? Когда-то он был твоим гостем.

Викима хмуро повертел фотокарточку, брезгливо поцокал и возвратил её.

– Возьми свой рисунок – это плохой человек.

– Почему? – удивился Хейс.

– Он пил огненную воду и...

Старик с отвращением поморщился.

Лицо Хейса вытянулось. Он захватил из Мануса бочонок виски, рассчитывая приобрести расположение индейцев, а теперь нечего и думать о подобном.

– Чем ещё он тебе не понравился? – осторожно поинтересовался Элл.

– Викима нашёл его в джунглях, больного и беспомощного, – опустив тяжёлые веки, тихо вспоминал старец. – С переломанными ногами и разбитой головой, он лежал в такой же огромной Стрекозе, упавшей на моих глазах прямо с неба, когда я собирал коренья. С ним было ещё несколько белых, но они уже остыли и не дышали. Сначала Викима подумал, что это боги спустились к нему. Но боги бессмертны... И тогда

Викима перенёс его на себе в свою хижину, хотя помнил предупреждения предков о коварстве и жестокости бледнолицых, загнавших мачири в джунгли.

Хейс хотел возразить, но не рискнул.

– А что случилось потом?

– Викима вылечил его... Мачири уже давно не имеют связи с миром. С каждой новой лунной они теряют прежние навыки, всё больше слабеют и дичают. Викима надеялся, что этот человек, сын могущественного племени белых, умеющих летать, как боги, породнится с нами и вольёт в наши жилы свежую кровь, передаст нам хотя бы частицу своих знаний.

Старик вздохнул.

– Но Викима жестоко поплатился за то, что не внял голосу предков. Этот человек с восхода солнца и до вечерней зари варил свою огненную воду, от которой у него мутился разум, и бледнолицый становился свирепее лютого зверя. А потом Большая Стрекоза унесла его. Но сначала он убил из Железного Пальца многих наших братьев.

Жрец подбросил в очаг сухих веток, опустился на шкуру.

– Викима не спрашивает, что привело тебя к нам. Но если у бледнолицего есть мать, то лучше уходи, чтобы она не оплакивала потом своего погибшего сына.

Хейс растерянно молчал, не зная, что ответить. Неожиданно он увидел в углу освещённую блеском пламени деревянную фигурку питона. Это прибавило ему решимости. Он подсел к жрецу.

– Скажи, как ты вылечил того человека?

Викима долго молчал, задумчиво глядя на огонь очага. Наконец он поднял голову.

– А зачем тебе знать? Разве ты тоже болен?

– Нет. Но у меня на родине умирает один старик. Если ты сможешь вылечить его, я хорошо отблагодарю тебя.

– От судьбы не уйдёшь, – возразил Викима. – Рано или поздно наши души вознесутся к предкам. Даже деревья, в конце концов, засыхают. Неужели не устало его тело, не болит голова? Разве бессонница не мучает его?.. Умирая, человек избавляется от многих печалей.

– Всё это так, мудрый Викима... Однако ему хочется вернуть молодость. Мачири долго не стареют... И помогает им в этом Боа.

Старик поднялся и гневно сказал:

– Бледнолицые узнали нашу тайну! Они хотят лишить нас последней надежды.

Хейс тоже вскочил.

– Нет, нет! Я лишь прошу помочь больному старику!

Жрец как-то сразу обмяк: ему уж очень хотелось поверить, что белый человек действительно

но пришёл «переломить стрелу» – установить мир.

– Хорошо, – не сразу ответил он. – Я помогу... Если мачири отдадут бледнолицего в жертву Боа.

Элл содрогнулся.

– Меня – в жертву?

– Мачири хорошо помнят, чем отплатил им белый человек за гостеприимство. Они скоро вернутся.

И действительно, снаружи послышался грохот барабанов, шум голосов. Хейс в тревоге выглянул из хижины. На поляну, потрясая луками и дротиками, выскакивали из зарослей индейцы.

– Спокойно! Не стрелять, – приказал своим побледневшим парням Хейс. – В наших руках сам жрец.

Он понимал, что сейчас решается судьба всей экспедиции. Конечно, автоматная очередь могла бы отбросить индейцев, но кто потом показал бы логово удавов?

Элл снова скрылся в хижине.

– Останови их, Викима!

– А что он скажет им?

Грохот барабанов усилился. Хейс выругался, грубо схватил старика за плечи...

– Послушай, Викима! Ты, видно, забыл про огонь Железного Пальца? Если будет выпущена хотя бы одна стрела, потом мало кто из мачири уцелеет. Разве ты этого хочешь?

Старик гордо высвободился, молча вышел из хижины и поднял руку в знак того, что хочет говорить. На поляне разом всё стихло. Десятки горящих глаз впелись в жреца. Он выдержал паузу и чётко произнёс:

– Бледнолицые – мои гости. Я всё сказал!

Глухой ропот разнёсся по поляне. Но Викима уже скрылся в хижине. Через минуту разбрелись кто, куда и индейцы.

У Хейса отлегло от сердца. Он с удовлетворением отметил, что его фортуна явно милостива к нему.

* * *

Одно удручало Хейса: Викима наотрез отказался выделить проводников в джунгли. Старик объяснил, что мачири никогда не осмеливались охотиться на Боа, а лишь раз в году после линьки подбирали её шкурки с чудодейственными венчиками, и до той поры, как понял Хейс, оставалось ещё не менее месяца. Встречаться же с живой Боа индейцам воспрещалось: «Кто хоть раз предстанет перед ней – жестоко пострадает!» – так гласило их поверье.

Элл вышел из хижины и со злой усмешкой спросил своих парней:

– Как вам эти дикари – не очень досаждали?

– Всё о'кей, мистер Хейс!.. – за всех отозвался верзила-пилот. – А поначалу я малость струхнул. Вот, думаю, и отлетался... Здорово они своего старикашку слушаются!

– Ну-ну, – чуть оттаял Хейс. – Значит, поживём ещё! – он присел на пенёк, стал с интересом наблюдать за мачири.

Индейцев в племени было немного, человек пятьдесят. Занимаясь каждый своим делом, они, казалось, не обращали на белых людей никакого внимания, лишь искоса угрюмо поглядывали на вертолёт.

После ужина все мачири собрались перед ритуальным столбом и затянули грустную песню, покачивая бёдрами и пританцовывая. Особенно красиво танцевала одна из девушек. Элла показалось, что она украдкой с интересом поглядывает на него. Он убедился в этом, перехватив её взгляд: девушка сразу сбилась с ритма и быстро отвела в сторону свои чёрные смущённые глаза.

Внезапно поляну окутала душная, наполненная тревожащими звуками ночь. В считанные минуты стало совсем темно, и лишь отблески загущающих костров помогли Хейсу добраться до палатки.

Элл опустил над раскладной кроватью противомоскитную сетку, а чтобы до него не добрались клещи и другая подобная мерзость, опрыскал всё вокруг инсектицидом и завалился спать.

* * *

Однако сон его не был спокойным. Где-то совсем рядом с палаткой ухала ночная птица, громко и злобно ревели обезьяны, от укусов клещей и звенящих над ухом москитов не помогала ни сетка, ни инсектицид. Утром Элл поднялся с опухшим от укусов лицом и большой головой.

Почёсывая зудящие от волдырей руки и щёки, Хейс вышел из палатки. Вокруг было тихо и солнечно, светлой бирюзой отливало ясное, безоблачное небо. Будто и не было этой чёрной беспокойной ночи.

Хейс решил не терять даром времени. Заверив Викиму в том, что он не будет охотиться на Боа, Элл, прихватив с собой парней Колвера, отправился в джунгли, на разведку. Но поиск питонов оказался тяжёлым и бесплодным. Несмотря на царивший там полумрак, нигде не ощущалось прохлады или хотя бы освежающего ветерка. Уже через несколько минут Элл немогал от влажной духоты. В глазах рябило от какофонии цветов: голубого, красного, жёлтого, зелёного... Надоедливо, пронзительно орала попугай, швырялись сверху увесистыми плодами обезьяны, больно хлестали звенящие под тесаком лианы, кожа горела от укусов невиданных насекомых...

Так продолжалось и в другие дни. С каждым часом люди Колвера всё больше скисали, да и Хейс чувствовал себя уже на грани сумасшедшего от «зелёного ада». И когда однажды утром люди Колвера с трудом поднялись с постелей и отказались идти в джунгли, Элл был вынужден вызвать Колвера по рации и попросить разрешения на передышку, чтобы группа могла дождаться линьки питонов.

Но тот и слушать ничего не хотел.

Элл с досадой выключил рацию и, взбешённый, покинул вертолёт. День ещё только начинался, но уже стояла адская жара. Спасаясь от обжигающих солнечных лучей, он укрылся под пышной листвой могучего дерева и бессмысленным взором уставился на поляну. Солёные струйки пота стекали по лицу, разъедая почерневшую кожу, но Элл всё сидел и сидел под деревом, тупо глядя на молчаливых индейцев, копошившихся у хижин.

Неожиданно одна из девушек, которая уже не раз заглядывалась на Хейса, кротко приблизилась к нему.

– Эй!.. – окликнула она его, смущённо поправляя на шее ожерелье из чучел колибри.

Элл очнулся, недоумённо посмотрел на девушку.

– А-а, это ты, Чилиана... Что тебе?

– Мне больно видеть белого человека хмурым.

Элл невольно улыбнулся. Ему льстило, что даже в этом затерянном мире он привлекает внимание женщин.

Элл поднялся, быстрым взглядом окинул девушку. Круглолицая и стройная, девушка была ему по плечо. Большие, тёмные, как ночь, бархатные глаза её доверчиво смотрели на него и как бы просили о таком же отношении.

И тут Хейс понял, что фортуна снова пришла к нему на помощь. Уж кто-кто, а он повидал в жизни немало женщин и хорошо знал, на какое мужество они способны, когда кого-то любят.

Элл осмотрелся и поманил девушку в заросли дикой акации.

* * *

...Они лежали на мягком мху, как на перине. Чилиана что-то нежно нашёптывала, заглядывала в глаза, ласково перебирала его белокурые волосы. Элл поглаживал её голые плечи, думал о своём и молчал.

– Скажи, почему ты невесёлый? Что мешает радоваться?

– Устал я, Чилиана. От джунглей устал.

– Зачем же ты ходишь туда?.. Мачири говорят, что бледнолицые охотятся за Боа. Это правда?

– Правда, – тут же ответил Хейс и словно прыгнул в холодную воду: по телу пробежали мурашки – как-то отнесётся к этому Чилиана?

– Разве ты не знаешь, что тот, кто увидит Боа, потом пожалеет об этом?! – обеспокоенно воскликнула она.

– Но почему?

– Не знаю... – огорчённо ответила Чилиана.

– Боа принесёт мне счастье. Ты только подкажи, где найти её?

– Я не могу...

– Тогда я уйду. Потому что ты не любишь меня.

– Подожди!.. – девушка вскочила на ноги, до крови закусив губы. – Подожди!

* * *

Чилиана уверенно пробиралась вперёд. Хейс старался запомнить путь, отмечая его зарубками на деревьях. Чуть заметная тропинка, по которой они шли, вскоре оборвалась, и Чилиана остановилась.

– Дальше идти мне нельзя.

Хейс кивнул, осмотрелся. Место было унылым, мрачным. Ни голоса птиц, ни возни обезьян. Повсюду стеной теснились заросли колючего кустарника, нависали громады гигантской секвойи. Хейс невольно почувствовал себя среди них одиноким, беззащитным карликом.

Первым желанием Хейса было вернуться. Но Элл не любил оставлять дело незаконченным. К тому же до окончания срока контракта, заключённого с Колвером, оставалось три дня. Всего три дня!..

– Подожди меня здесь, – сказал он девушке и, пересилив страх, двинулся в заросли.

Элл медленно пробирался сквозь колючий кустарник и сплетения лиан. Нервы его были напряжены до предела. Он поминутно крутил головой, обшаривая глазами заросли, ловя взглядом каждое движение веток и лиан, часто останавливался, чутко прислушиваясь к любому шороху, и всё-таки упорно стремился вперёд, стараясь не думать о возможной встрече с ягуаром.

Неожиданно заросли расступились, открыв перед ним крохотную полянку.

Элл на мгновение остановился, облилиз пересохшие губы и решительно ступил на поляну. Сделал один шаг, другой, третий... Под ногами гулко хрустнули опавшие сучья – и Элл провалился в глубокую яму. Он взмахнул руками, инстинктивно стремясь за что-нибудь ухватиться, но вместо этого выронил свой кольт и тесак, и они остались на поляне.

Элл метался по дну ямы и изрыгал неистовые ругательства. Безоружный, с разбитой при падении рацией, он очутился словно в ловушке.

«Что же делать? Как выбраться отсюда?..».

В голову лезли самые тревожные мысли. Если, например, начнётся дождь, то потоки мутной воды в считанные минуты зальют его здесь. И сколько же за ночь набьётся сюда ядовитых тварей, мохнатых пауков, кровожадных клещей, ненасытных москитов? Останется ли тогда от него что-то живое?..

Он взглянул на светящийся хронометр. Уже прошло несколько часов с того времени, как они с Чилианой ушли из селения. Она, наверное, вернулась. И если не расскажет там всё, как было – он пропал. Ведь никто не знает, где его искать...

Он опустил на корточки, прижался к стене и стал ждать.

«Только бы вырваться отсюда! И тогда – к чёрту, к дьяволу всех миллионеров с их невероятными причудами и толстыми чековыми книжками!» – поклялся себе Хейс.

Так он просидел долго. Вдруг что-то невыносимо острое впилося ему в шею. Он подскочил от боли и вытащил из кожи крохотного клеща. Однако в следующую секунду такая же острая боль пронзила затылок. Элл застонал и опять подумал о Чилиане. Если его ищут, то люди должны быть уже близко. Надо только дать им о себе знать.

Он набрал в лёгкие воздух, громко, протяжно закричал:

– Э-э-э-эй! Сюда-а! Я здесь!..

Элл кричал долго, до хрипоты, в перерывах напряжённо вслушиваясь в тишину ночи. И вдруг уловил неясный шорох. Элл радостно вскинул голову. И... ужаснулся. На кромке ямы показалась невероятно крупная змеиная голова. Несколько секунд она раскачивалась над ямой, а затем змея поползла вниз.

Элл забился в угол. Он ещё надеялся, что глубина ямы не позволит змее добраться до него, но она всё ползла и казалась бесконечной. Элл закрыл глаза. В тот же миг его тело сдавили холодные, плотные кольца, и он потерял сознание.

Когда Элл очнулся, то с удивлением отметил, что жив и лежит не на дне ямы, а недалеко от неё, у разлапистых корней поваленной секвойи. Рядом широкими толстыми кольцами свернулся огромный сетчато-чёрный питон. Маленькие глазки его, не отрываясь, следили за ним, словно запоминая. Элл поспешил отодвинуться. Он не понимал, почему питон отпустил его. Может, просто был сыт.

Позади Хейса хрустнули сучья. Сердце его снова защемило: «Кто там ещё?». Но он обернулся только тогда, когда потревоженный шумом питон, развернув кольца, скрылся под корнями секвойи.

Элл не поверил своим глазам: из зарослей кустарника к нему бежала Чилиана.

– Ты? Здесь? Одна?!

Девушка молча припала к нему.

Элл нетерпеливо оторвал от себя индианку, попытался подняться. Но одеревеневшие ноги слушались плохо.

– Почему ты одна?

Горькая улыбка скользнула по её губам.

– Сердца твоих белых братьев трусливы. Что же Чилиане оставалось делать?

□ Ах, ублюдки! – выругался Элл. – Как же ты нашла меня?

– Чилиана не сова, но видит ночью не хуже, чем днём.

Опираясь на её худенькие плечи, спотыкаясь и охая, Элл едва тащился по лесу. Яркий свет светлячков хорошо помогал ориентироваться по оставленным зарубкам. Чудесное, если не сказать фантастическое, избавление от гибели в злосчастной яме постепенно наполняло всё его существо радостью. И хотя он никогда не верил в бога, уже готов был молиться за благополучие питона и Чилианы.

* * *

...В селение они вернулись только к утру. Элл настолько был измучен, что как свалился на раскладушку, так и забылся в беспробудном сне. Он спал весь день и всю ночь. А проснувшись, долго не вставал, испытывая невероятную усталость. За пологом палатки с кем-то спорил пилот, звучали голоса играющих ребятишек мачири, доносился стрекот цикад, гомон птиц...

Элл потянулся и вдруг разом вспомнил всё, что случилось с ним накануне. В голове мелькнул знакомый образ свернувшейся у его ног змеи с чуть заметным венчиком на приплюснутой голове.

«Да ведь это была Боа!» – чуть не вскрикнул Элл. Он вскочил на ноги и заметался по палатке, отыскивая одежду, оружие, компас и прочее снаряжение. Он понимал, что предаёт сейчас и себя, и Боа, и Чилиану, но ничего не мог поделать с собой. Привидевшийся ему поток хрустящих банкнот заслонил всё остальное. Он уже видел себя не жалким просителем любой, даже самой чёрной работы, ютившимся в мрачной лачуге, но обладателем огромного состояния, владельцем белокаменной виллы, не хуже, чем у Колвера, настоящим джентльменом, перед которым отныне будут услужливо открываться все двери деловых офисов, дорогих магазинов, дансингов и казино...

Элл выскочил из палатки.

– Вот что, ребята! – обратился он ко всей своей группе. – Хватит спорить. Живо собирайтесь!

– Куда, шеф? Опять в этот проклятый ад?

– Ничего, ничего... – возбуждённо ответил Хейс. – В последний раз. Считайте, что Боа у

нас. Я теперь знаю, где её искать. Скоро доллары потекут к нам рекой!

Элл притих, увидев выходящего из хижины жреца.

Викима был мрачен.

– Белые люди опять уходят в джунгли. Разве Викима не обещал им свою помощь?

– Успокойся, мудрейший, – усмехнулся Элл. – Мы не охотимся на Боа. Клянусь тебе!

Викима недоверчиво покачал седой головой.

– Смотри, бледнолицый... Нельзя долго дразнить ягуара.

И отошёл.

Хейс бешено сплюнул, подозвал пилота.

– Быть в полной готовности, – шепнул он ему и решительно рванулся со своими парнями в густые заросли джунглей. Жрец проводил их тяжёлым взглядом.

Вскоре вся группа была у поваленной секвойи. Хейс по опыту знал, что змеи редко селятся в одиночку, и если поднять в чаще шум, они торопятся покинуть свои жилища. Поэтому он приказал стучать палками по деревьям и внимательно наблюдать за обстановкой. Через несколько минут, потревоженные неожиданным грохотом, из дупел деревьев и скрытых нор выползли питоны, стремясь укрыться в зарослях кустарника. Но молодчики Колвера, подбодряемые Хейсом, повсюду настигали их, в упор расстреливали из автоматов и рубили тесаками их «венценозные» головы.

Всё это время Элл напряжённо следил за корневищами вывороченной секвойи и мысленно молил «его» Боа не показываться из норы. Когда жуткая бойня закончилась, он с облегчением вытер вспотевший лоб. Но в тот же миг в корнях секвойи послышался шорох, и оттуда выползла ещё одна змея. Самая большая. Хейс находился ближе всех к ней. Он сразу узнал недавнюю спасительницу, и ему стало не по себе.

Между тем Боа приподнялась, на какое-то мгновение застыла, словно изваяние. Её немигающие маленькие глаза уставились на Хейса. Он похолодел, но не смог сдвинуться с места.

– Берегись! – услышал Элл. Из-за его спины ударила автоматная очередь.

Змея судорожно дёрнулась и плюнула в Хейса. Он всё-таки успел закрыть глаза. В тот же миг всё лицо его словно огнём обожгло. Что-то огненно-жгучее и липкое просочилось под веки, вызвав дикую боль. Элл рухнул, как подкошенный, закатался по земле, сдирая с лица ядовитый плевок.

Все бросились к нему на помощь. Водой из фляжек торопливо промыли глаза, осторожно протёрли марлевыми тампонами лицо...

Хейс попытался открыть обожжённые веки. В глазах он чувствовал сильнейшую резь, вокруг всё рябило и расплывалось, как в тумане... «Вот в

чём ещё одна тайна Боа, – с горечью подумал он. – Только бы не ослепнуть!».

Неожиданно где-то совсем рядом забухали барабаны мачири, послышалась быстрая, возбуждённая речь индейцев.

Спутники Хейса встревожились:

– Нас засекли, шеф!

– Теперь живыми не выпустят!

– Что будем делать, мистер Хейс? Элл тяжело поднялся, зло процедил:

– Добычу ко мне в сумку. Попробуем проваться... Патронов не жалеть!

И всё-таки к вертолёту добрался один Хейс.

«Опять повезло!» – радостно подумал он, подбегая к заветной машине.

Викима попытался преградить ему путь, но Элл, не колеблясь, разрядил в него кольт.

Уже подтягиваясь, чтобы залезть в кабину, он услышал за спиной звонкий голосок Чилианы. Что-то дрогнуло в его сердце, но Элл даже не обернулся.

– Пошёл! – крикнул он пилоту.

Двигатель несколько раз чихнул, потом мощно загрохотал, и вертолёт плавно поднялся с поляны.

* * *

Вечером Хейс был уже в Калифорнии. Море было всё такое же тихое, изумрудное. И всё так же, как две недели назад, плясали по белому песку загухающие солнечные блики, в обнимку брели с пляжа парочки...

Глаза Хейса болели, не переставая, но Элл весело помахал пляжу, открыл калитку палисадника виллы, медлительной походкой прошёлся по аллейке, нажал кнопку звонка на двери дома.

Швейцар, увидев его, испуганно отшатнулся, но потом вышколено принял от Хейса шляпу.

– Доложите хозяину, что мистер Хейс желает видеть его, – с напускной беззаботностью бросил Элл.

Швейцар вначале замялся, но затем молча удалился.

Приглаживая волосы, Хейс подошёл к зеркалу. Из рамы на него смотрело чужое, словно опалённое порохом, иссиня-зелёное лицо. Хейс поразился. Но тут же утешил себя: «Ничего! Теперь пластические операции не проблема. Были бы деньги!».

– Мистер Хейс?

Элл проворно обернулся. Из приёмной к нему спешил секретарь Колвера.

– Хелло, приятель! – развязно хлопнул его по плечу Хейс. – Я пришёл за своим миллионом. Проводи-ка меня за ним поскорее!

Секретарь печально сдвинул брови.

– К сожалению, это невозможно. Мистер Колвер сегодня утром умер.

ДОЗНАНИЕ ФЕРРАРИ

Солнце медленно опускалось в лазурную воду венецианской лагуны. Его лучи ярко освещали площадь Святого Марка, величественный собор и Дворец дождей, десятки каналов с изумительными по архитектуре мостами и небольшую таверну «Весёлый дрозд». В таверне, за столиком на уютной веранде, нависшей над водой Канала Гранда, в глубокой задумчивости застыл необычный для такого заведения посетитель: старейший член Совета сорока – Верховного судебного трибунала республики – Энрико Феррари. Суровый патриций не замечал ни тёплых лучей заходящего солнца, ни удивительных эффектных отражений в зеркальной глади канала монументальных дворцов, инкрустированных цветным мрамором, ни тревоги тучного хозяина таверны, то и дело предупредительно заглядывавшего на веранду к нежданному грозному гостю. Феррари – вершителя человеческих судеб – давно волновало лишь то положение, в котором он оказался на закате своей судебной деятельности: один из обвиняемых, некий аптекарь Джованни Росси, на вид тщедушный и недалёкий, ускользнул от расплаты за учинённое им злодейство.

Феррари с трудом поднял тяжёлые веки, обвёл недоумевающими глазами веранду. Да... Именно здесь, вот за этим столиком, прошлой весной погубил доброго человека коварный аптекарь. Ровно год назад, поздним вечером, он распил со своим молодым помощником Рикардо кувшинчик красного вина, и через несколько минут Рикардо умер в муках. Было учинено расследование. Когда проверили остатки вина в обеих кружках, оно оказалось отравленным. На Джованни, оставшегося живым и здоровым, пало подозрение в убийстве: аптекарь имел дело с ядами и, по слухам, волочился за женой Рикардо, красавицей Анжелой. Однако прямых улик не было – пили вместе одно и то же вино. Правда, как удалось установить Феррари, незадолго до роковой выпивки в таверне аптекарь резко изменил ритм жизни: стал спать не по ночам, а днём. Совет сорока счёл его поведение странным, но не уличающим и отпустил Джованни на свободу, несмотря на возражения Феррари.

С того самого дня 1503 года многое изменилось в Венеции, у людей появились новые заботы. Но Энрико Феррари потому и оказался сегодня в этой старой таверне у Большого канала, что никак не мог забыть о злодействе в таверне. Беспокоила и загадочно-насмешливая улыбка, скользнувшая по лицу Джованни, когда тот, довольный решением Верховного трибунала, покидал его мрачные стены. Да и весь многолетний

опыт Феррари, его ум и чутьё подсказывали, что худосочный блудливый аптекарь и есть тот еретик, сгубивший доверчивого Рикардо. Но как это доказать? Ведь аптекарь тоже пил отравленное вино и... остался жив. Невероятно!.. Может, как рассказывал однажды знакомый лекарь, близкий к роду Борджиа, знавших толк в ядах, организм людей обладает неодинаковой устойчивостью к смертельным дозам различных веществ в зависимости от времени их введения в течение суток? И действительно в один период времени они могут убить, а в другой, даже в большей дозировке, остаются безвредными, а наивысшая сопротивляемость им – утром?

А Джованни? Пил отравленное вино вечером. Или: для него это было – как раннее утро?

В голове Феррари будто ударила молния. Он рванул на груди тесёмки чёрного атласного плаща, чтобы легче дышалось, и громко хлопнул в ладоши:

– Хозяин!

Тот словно ждал этого зова, мгновенно вырос перед столиком.

– Слушаю, сеньор!

– Бутылочку вина и пару бокалов.

Заказ моментально был исполнен.

– Можно? – услышал Феррари знакомый вкрадчивый голос, и сердце его замерло на миг.

Да! Аптекарь не изменил привычке проводить воскресные вечера в таверне, и значит, он, Феррари, просто обязан не упустить сегодня свой шанс раскрыть, наконец, тайну Джованни Росси.

Он повернулся к двери:

– Входи, Джованни, входи. Я давно жду, – отозвался Феррари и указал на свободный дубовый стул. – Садись.

Вошедший – невысокий, узкоплечий мужчина лет сорока, одетый в скромную поношенную блузу зеленоватого цвета, – испуганно попятился.

– Ну что ты, Джованни? Смелее. Это же твое любимое место.

Аптекарь нерешительно топтался в узком проёме.

– Отведаем? – предложил Феррари, показав на бутылку. Тот неуверенно кивнул.

– Скажи мне, Джованни, – опять обратился к нему Феррари, когда они отпили из бокалов, – всё-таки это ты отравил Рикардо?

Аптекарь вздрогнул и отрицательно замотал головой.

– Ну-ну, Джованни. Опять ты за своё. Уж покаяйся, облегчи душу.

Джованни и на этот раз не произнёс ни слова, лишь нервно потянулся к бокалу. Осушив его, он продолжал молчать. Феррари ждал. И вот лицо аптекаря порозовело, он осмелел и с дерзкой ухмылкой бросил:

– Кто теперь докажет?

– Я, – сказал Феррари.

– Как же?

– Фактом твоей смерти. Отказавшись показаться, ты подписал себе смертный приговор и сегодня умрёшь.

– Вы не посмеете... Верховный трибунал не простит вам, он признал меня невиновным.

– Посмею, Джованни, посмею. Своей смертью ты оправдаешь меня.

– Как это?!

– Я дал тебе яд, ты выпил его с вином из этой бутылки, и теперь часы твоей жизни сочтены.

Феррари впился глазами в лицо охваченного страхом аптекаря. Тот вдруг застонал и схватился за горло.

– Вы дали мне яд?

– Да. Так что покайся, и, быть может, я успею позвать для тебя лекаря.

– А для себя? Вы тоже пили это вино!

– Я последовал твоему давнему примеру не спать по ночам. А вот ты, как я слышал, вернулся к прежнему образу жизни. Значит, организм твой сейчас готовится ко сну, и не будет сопротивляться яду. Я разгадал твою тайну, Джованни? Ты ведь так поступил с беднягой Рикардо?

Джованни сполз со стула и, скорчившись, стал кататься по полу.

– Помогите, – сдавленно простонал он. Феррари встал, шагнул к нему и спросил:

– А ты покаешься, Джованни?

– Да. Да...

«Уловка удалась, – довольный собой, подумал Энрико. – Да иного исхода и быть не могло!».

Он выпрямился, хлопнул в ладоши:

– Хозяин!

Тот мгновенно вырос перед ним.

– Слушай и запоминай, хозяин...

Аптекарь, стоя на коленях у ног Верховного судьи, уже торопливо каялся в содеянном злодействе. Неожиданно он захрипел, глаза его закатились, на губах появилась пена.

Что-то дрогнуло в душе Феррари. Прежняя неприязнь к аптекарю сменилась тревогой: «И впрямь не отошёл бы он в мир иной...».

– Что с тобой, Джованни? Я согрешил, обманул тебя.

Но тот судорожно дёрнулся и снова растянулся на полу, раскинув руки.

– Святая Мадонна! – воскликнул хозяин таверны. Он опустился на пол рядом с Джованни, расстегнул его блузу, приложил ухом к груди.

– Умер, – сказал он со вздохом. – Сердце, должно быть, не выдержало.

Феррари устало закрыл глаза и перекрестился: «Прости всех нас, Господи!...»

Павел ЛЕЦ

Родился в 1975 году в г. Тверь. Закончил Российский заочный институт текстильной и легкой промышленности, квалификация экономиста-менеджера. Работает по специальности в коммерческой компании. Финалист конкурса «Метафорическая деформация» 2016г., рассказ «Лида» вошел в сборник «Дыхание». Журнал «Фанданго» (№ 28, 2016), рассказы «Сон», «Сорняки». Автор книги «Выродок» (2016).

БЕССМЫСЛЕННЫЙ ПОЛЁТ

— Стыковка завершена, – пропел автомат мелодичным женским голосом.

Красный сигнал тревоги погас, умолкла назойливая аварийная сирена. Сергей стащил с головы шлем и вытер заливающий глаза пот.

– Отлично! – похвалил кто-то из отдела контроля.

Панель приборов прекратила переливаться множеством огней, в помещении вспыхнул свет. Сергей Яситников выбрался из кресла. Руки дрожали от переутомления.

– Показатели в норме, – сообщил врач, заканчивая первичный анализ физического состояния космонавта.

«Да уж в норме! – подумал Сергей – Знал бы ты!»

В помещении тренажера хлынули техники, и иллюзия рубки корабля исчезла.

– Прекрасно. Экзамен сдан как всегда на «отлично», – Валентин Петрович Скобелев хлопнул

Яситникова по плечу и протянул стакан. – Ты лучший!

Сергей познакомился со Скобелевым двадцать пять лет назад. Тогда молодой Яситников впервые переступил порог научно-исследовательского испытательного Центра по подготовке космонавтов имени Ю.А. Гагарина. Валентин уже трудился в системе десяток лет. Друзьями они не стали, но приятельствовали.

– Спасибо, – Сергей жадно хлебнул водички. – Вы совершенно озверели. Подобного теста я не припомню.

– Самое сложное из самого немислимого, – охотно согласился Скобелев. – Кстати, ты единственный справился.

– Да? – без энтузиазма уточнил Сергей.

– Да, – подтвердил полковник. – Так что важнейшие задания как обычно твои!

«Черт! – дабы скрыть эмоции Сергей плотнул из стакана, – следовало провалить экзамен».

– Пойду, – сказал он, мечтая попасть в душевую.

– Валяй, – разрешил начальник.

Скобелев явно размышлял о другом. Последние месяцы давили сверху. Требовали усилить подготовку и переподготовку членов экипажей, причины объяснять не торопились и конкретный предстоящий полёт не обозначали. Потому на тренажерах и стендах отработывали навыки взаимодействия в различных персональных сочетаниях и индивидуально. Программы подготовки космонавтов на всех этапах формируются из отдельных видов в составе и объеме, определяемыми целями и задачами подготовки. Нарушение норм и отсутствие четких целей и задач бесило начальника Центра, потому он частенько посещал контрольные тестирования, стремясь отвлечься от рутинных дел.

* * *

– Яситников, Вас к начальнику Центра! – поступило сообщение.

– Что нужно старику? – спросил Сергей.

– Не знаю, – призналась секретарь, – просто вызвать просил.

– Передай, иду.

Минут через десять, Яситников был в приёмной шефа ЦПК.

– Ждёт, – кивнула секретарша и Сергей прошёл в кабинет.

– Добрый день.

– Привет, – пожал руку Скобелев. Выглядел он уставшим. – Садись.

Яситников плюхнулся в услужливо принявшее форму тела кресло.

– Тебе предстоит особое научное задание. Кратко изложу. Слушай внимательно.

Сергей напрягся: «Хреновое начало».

– Данные конфиденциальные. Разглашение запрещено, – предупредил Скобелев.

– Кому Вы говорите, – отмахнулся Яситников. – Что утверждают наши славные ученые?

– Не наши. Израильтяне, – пояснил начальник Центра, – утверждают, что вероятность возникновения жизни на Земле мизерная. Шанс, когда неорганические молекулы сами по себе образуют органические, близок к нулю, – развёл руками Скобелев, – то есть примерно десять в степени минус десять сотой степени.

– К чему лекция? – удивился Сергей. Он ожидал услышать нечто действительно важное. – Нам какое дело до заумных теоретизирований?

– Ты потерпи, – обрезал Скобелев. – Поясню.

Яситников пожал плечами и умолк.

– Ни одна попытка экспериментально воспроизвести появление жизни на Земле до сих пор не удалась, – продолжил начальник. – В результате

сделан вывод – планета бесперспективна, жизнь на ней самозародиться не могла.

– Обалдеть, – съязвил Яситников. – Я последнее время чувствую, что не существую. Только и делаю, торчу на работе. Это не жизнь!

– Смеяться рано, – Скобелев сохранял серьёзность.

– Петрович, – по-дружески сказал Сергей, – заканчивай, а? Какая нам на хрен разница, могла зародиться, не могла, на Земле, или принесло из космоса? Нам-то что?

– Второй раз спрашиваешь, – отметил Скобелев. – Если ты так спешишь, отвечу коротко. Нам не повезло, из космоса ничего не принесло и теперь тебе предстоит исправить досадную ошибку.

Яситников растерялся:

«Валентин сошел с ума! Несёт околесицу!»

Вслух осторожно произнёс:

– Ты шутишь? Тест новый, на юмор?

– К сожалению, нет. Я на полном серьёзе, – Скобелев хлебнул чайку и пояснил. – Помнишь доклад о секретных исследованиях американцами «кротовых дыр»?

Сергей поднапряг память:

– Случай, когда кто-то из америкосов слил ФСБ полные отчеты НАСА за последние пять лет? В материалах нашлось много интересного по программе изучения дальнего внеземелья. Но «кротовые дыры» прошли мимо меня.

– Именно та самая утечка, – согласился начальник Центра. – «Кротовые дыры» были открыты в теории Эйнштейна. Согласно ей, в очень сильном поле происходит искривление пространства, и время то скручивается, то замедляется. Появились «кротовые дыры» когда Вселенная зарождалась, пространство «кипело» и искривлялось. В результате природная машина времени существует. Имеются четыре математических формулы, которые доказывают — перемещаться можно в будущее и в прошлое.

– В теории, – вставил Сергей.

– Уже на практике, – возразил Валентин Петрович, – штатовскую станцию «Рональд Рейган» не забыл?

– Забудешь такое! – воскликнул Яситников. Он принимал непосредственное участие в гонке с США и Китаем, кто быстрее развернёт космическую базу возле Юпитера. Россия заняла третье место. Почетным его не назовешь.

– Следовательно, помнишь и программу «2015 RR245», – уточнил Скобелев и, взглянув на Сергея, понял, – не помнишь.... Так вот, используя станцию, янки зачастили в район карликовой планеты 2015 RR245. Отправили восемнадцать зондов и шесть автоматических разведчиков. Врали, мол, облако Оорта их интересует.

– А на самом деле?

– А на самом деле они обнаружили «кротовую дыру». Причем не одну. Целых три. Большую, и, если можно так выразиться, две поменьше.

– Хитрые твари! – воскликнул Сергей. Теперь он искренне проникся озабоченностью начальства.

– Кто хитрые? Дыры? – сбился с мысли Скобелев.

– Нет, американцы, – пояснил Яситников.

– Хитрые, не то слово! – Валентин Петрович саданул ладонью по столу. – Они снарядили зонды в сами дыры!

Сергей от изумления приоткрыл рот:

– И как?

– Из семи шесть успешно вытащили обратно. Пять запечатлели далёкое прошлое Земли в разные временные периоды, и ни один не обнаружил на ней жизни!

– И в чем проблема? – не уловил Сергей. – Значит, зародится позже.

– Вот в этом и проблема, – устало вздохнул Скобелев. – Позже некуда. Уже должна была. – Он нервно пригладил волосы рукой. – Шестой побывал в ближайшем будущем....

«Сейчас скажет что-нибудь дрянное», – почувствовал Сергей и не ошибся.

– В будущем жизнь отсутствует!

* * *

В полной растерянности Сергей покинул кабинет руководителя Центра:

«Пара евреев и кучка американцев придумали ахинею, а русские должны тащиться на край света, и их бред реализовывать».

Завершая разговор, Скобелев пояснил, что кроме российской «Федерации» ни один корабль не в состоянии достичь намеченной цели в срок. Время поджимает, высока вероятность схлопывания «кротовых дыр» и тогда:

– Прощай, человечество! Мы не появимся на свет. Впрочем, как и всё живое на Земле! – кажется, Скобелев непритворно волновался.

Сергей же беспокоился о своём, более практичном.

– Корабль новый, – возмутился он. – Мы лишь завершаем монтаж. Пусть янки летят на «DiscoveryXXI».

– Наш быстрее Discovery на тридцать процентов и американцу не хватит мощности для выполнения задачи. Про китайцев можешь не говорить. Больше и некому!

«Федерация», оснащенная двигателем с реактором замкнутого ядерного топливного цикла на быстрых нейтронах, являлась примером прорывных технологий. Скобелев чрезмерно польстил штатовскому кораблю, приписав ему столь малое отставание от российского.

Сергей заскочил в лифт и на парковке, садясь в машину, принял решение:

«Нет! С меня хватит! Пишу рапорт и пусть они сами решают дурацкую головоломку! Вчера жизни не было, завтра не будет, а сегодня существует, но в качестве парадокса! Вот придумали! Бред, да и только!»

Настроение резко улучшилось, солнце стало ярче, трава зеленее. День завершился прекрасно, чего не скажешь про наступившее утро. Началось оно с экстренного вызова.

– Да, – промямли Сергей спросонок.

– Ты что себе позволяешь?! – орал Скобелев, даже не подумав поздороваться. – Кем себя возомнил?

– Я... – открыл было рот Сергей.

– Ты идиот! – не дал продолжить шеф ЦПК. – Засунь свой рапорт в задницу!

– Я... – повторил Сергей попытку.

– Ты, – проревел Скобелев, – ни хрена не понимаешь! Твою кандидатуру на место командира экспедиции утвердили. Сам Президент одобрил. – Начальник Центра перевёл дух. – Одобрил лично и уведомил партнёров!

– Я... – третий раз начал Сергей.

– Ты не мечтай! – обрубил Скобелев. – Откажешься лететь, ни почетной отставки, ни пенсии. Вышибут с волчьим билетом. И с позором!

– Эээ... – промычал Сергей, подумав:

«Попал! Интересно кто ему слил, отправлял-то я в Роскосмос! Неужели «пенсионеры?!»

– Твоё заявление я стёр. Завтра в девять ноль-ноль знакомство с участниками космического полёта! – уже спокойным тоном сообщил Скобелев и отключился.

«Похоже, и в правду аврал, – решил Яситников, – безбожно порядок комкают».

* * *

Состав экипажа обрадовал и удивил. Бортинженер экспедиции – Виталий Бортко являлся давним знакомцем Яситникова.

«Лучшего БИ пожелать невозможно», – констатировал Сергей.

По третьему участнику космического полёта имелся вопрос.

– Откуда взялась девица-красавица? – прошептал Яситников на ухо начальнику лётной службы.

– Ты про Новикову?

– Ну, про кого же ещё, – кивнул Сергей, разглядывая молодую женщину.

– Говорят, она лучший спец по времени. Числится как УКП. Будет присматривать за американцами.

– А... – хотел уточнить Сергей обязанности нового участника космического полёта, но не успел. Собравшиеся встали, в помещение

вошли секретарь Совета безопасности РФ, генеральный директор Роскосмоса и начальник Центра управления полётами. Последних двух Яситников знал хорошо, секретаря Совбеза видел впервые.

Высокопоставленному гостю предоставили слово. Карьеру он начинал в Службе внешней разведки. С тех пор прошло не одно десятилетие, а манеры остались. Секретарь говорил лаконично и жестко, слова звучали словно приказ.

– Цель экспедиции – поправить прошлое и создать условия зарождения жизни на Земле. Задачи – используя межпланетный корабль «Федерация» за семьсот восемьдесят девять дней полёта, к первому сентября две тысячи девяносто шестого года, достичь небесное тело 2015 RR245. Оно движется вокруг Солнца по вытянутой траектории на расстоянии 34-120 астрономических единиц с периодом 730 лет и является ориентиром. В данное время маршрут нашей Солнечной системы проходит в секторе Галактики насыщенном «кротовыми дырами». Три из них оказались, возле 2015 RR245. Мы должны воспользоваться случаем, посетить прошлое и занести жизнь.

Секретарь Совбеза перевёл дух:

– Экспедиция международная. Россия даёт корабль, США – управляемый миничелнок и специальную капсулу. Капсула несёт контейнер с органическими соединениями. «Федерация» разгоняет челнок, челнок, преодолевая «кротовую дыру», проникает в прошлое, сбрасывает капсулу и заражает планету жизнью.

Шесть человек, члены основного и запасного экипажей, слушали, открыв рты. Яситников основные моменты знал заранее.

– Для предотвращения паники среди населения, задачи экспедиции засекречены. Официальная версия – полёт к малой планете. Она окажется в ближайшей к Солнцу точке. Как бы станем искать существовавшие в ранней истории Солнечной системы органические соединения. Они являются компонентами генетического кода и могли сыграть ключевую роль в происхождении жизни.

Секретарь Совбеза умолк.

– Вопросы есть? – поинтересовался Скобелев.

Космонавты растерянно переглянулись, ожидая реакции командира экспедиции. Сергей демонстративно занялся рассматриванием собственных ботинок.

– Разрешите, – поднялся КЭ дубля. – Я так понял, – он кивнул на сменяющиеся слайды, – у нас отсутствует прошлое и будущее. Настоящее существует. Это не укладывается в голове. Разве подобное возможно?

– Имеется версия, – пояснил замначальника Центра по научной работе, – что события, в ко-

торых время движется в обратном направлении, вполне могут происходить. Эти события и есть мы с вами. Между тем, информационное устройство Вселенной таково, что никаких данных об этих событиях не сохраняется и не может сохраниться. Таким образом, они абсолютно неотличимы от тех событий, которые никогда не происходили. Потому мы есть и нас, одновременно, нет. Выполнив задачу полёта, вы развернёте события, и для нас время пойдёт в правильном направлении.

– Человечество зародится и приобретёт реальную жизнь, – дополнил Скобелев.

Космонавты зашептались:

– Гипотеза об одновременной эволюции молекулы дезоксирибонуклеиновых кислот (ДНК) и рибонуклеиновых кислот (РНК) не подтвердилась. Смешение элементов ДНК и РНК, что приводило бы к появлению гибридных цепочек не реально, гибриды весьма неустойчивы. Они не могли бы формировать гены, а также копироваться с высокой точностью и химерные молекулы не выдержали бы конкуренцию с более устойчивыми рибонуклеиновыми кислотами.

«До чего же умные все, – хмыкнул Сергей, – достали научными дискуссиями. Интересно нормальные люди здесь присутствуют?»

– Американцы? – задала вопрос Новикова. – Сколько берём на борт?

«Молодец, – мысленно похвалил Сергей. – Практично думает».

– Двоих, – отозвался Скобелев. – Пилот миничелнока и помощник. Они отстрелят несущую контейнер капсулу. Расчет тонкий, но американцы имеют опыт и уверяют, что справятся.

– Если вопросов больше нет, то приступайте к работе, – подвёл черту секретарь Совбеза. – Операция «Прародитель» начинается. Через тридцать два дня старт.

* * *

Сергей расположился на командирском месте, завершая проверку готовности. Время пролетело быстро. Члены экипажа оказались толковыми специалистами. Однако тренировки тренировками, теперь они окажутся в космосе. Сергей любил полёты странной любовью. Любил и боялся. История сложных отношений началась давно и являлась тайной самого опытного и успешного пилота Роскосмоса. Серёжа Яситников родился в Москве. Хотя отец был военным лётчиком, сам Сергей в небо особо не рвался. Минуло беззаботно детство, Яситников-младший не отягощаясь раздумьями, поступил на аэрокосмический факультет Московского авиационного института (МАИ) имени С.Орджоникидзе, который успешно окончил с квалификацией «инженер». Под

влиянием отца студентом Сергей подрабатывал во Всероссийском молодежном аэрокосмическом обществе, и не сопротивлялся, когда родитель посоветовал попробовать отобраться в космонавты. К удивлению Сергея, относившегося к попытке как к забавному приключению, на заседании Межведомственной комиссии он был рекомендован к зачислению на должность кандидата. Имелось тут «рука» отца, к тому времени дослужившегося до генеральского звания, или нет, а приступить к прохождению двухгодичного курса ОКП пришлось. Общекосмическая подготовка не туристический поход с друзьями и не межвузовская олимпиада, довелось попотеть. Техническая часть не вызывала у Сергея проблем, тяга к приборам и механизмам у него в крови. Физические тренировки, крепкий от природы Сергей, переносил хорошо, но в то время отличался от прочих будущих космонавтов, большинство из которых являлось профессиональными пилотами, равнодушием к полетам. Сергей рассматривал самолёты как вид транспорта вроде автомобиля или мотоцикла.

«Главное добраться из пункта А в пункт Б, – рассуждал он, – при чём здесь влюблённость в небо?»

В отряде Сергеем нравились порядок и прогнозируемость. Жизнь катилась по накатанной дорожке и докатилась до госэкзаменов в ЦПК. Получив стандартную «отлично» и квалификацию «космонавт-испытатель», Сергей не числился в рядах самых перспективных, а потому отправился проходить подготовку в составе запасного экипажа КСВ. Космическая станция Венера отражала традиционный российский интерес ко второй планете Солнечной системы. Предполагалось, что бортинженер Яситников и КЭ Трофимов, спокойно отбудут номер. Первый – салага потренируется, второй – побудет в обойме до пенсии. Судьба распорядилась иначе. Основной экипаж выбыл за неделю до старта, и в полёт, как выразилось руководство, отправилось сочетание опыта с молодостью. Впрочем, никто не волновался. Рутинный рейс до Венеры осуществляли раз в три года. Обслуживали автоматическую орбитальную станцию, проводили мелкий ремонт, заправляли и убирались во свояси. Экипаж КСВ-14 прекрасно справлялся, пока не пришло время возвращаться назад. У КЭ случился инсульт и Сергей, оказав первую помощь, погрузил командира в сон. Едва справился с первой напастью как навалилась вторая. Отказала часть автоматики, система управления и жизнеобеспечения. Словно загнанный зверь Сергей метался по судну, ликвидируя одну внештатную ситуацию за другой. В итоге кое-как наладил оборудование, но траекторию полёта приходилось постоянно корректировать

вручную. Сергей сутками не спал, мало ел и двигался, однако довёл корабль до зоны действия околоземных буксиров и сдал на руки спасателям. Разбор показал, что он принял единственное верное решение и сохранил КСВ-14. В результате Яситникова провозгласили героем и предложили переквалифицироваться в пилота. Истинную причину успеха никто не понял, Сергей благоразумно не болтал лишнего.

«Да и как расскажешь подобное?!» – размышлял Сергей тогда и продолжал помалкивать теперь.

Дело в том, что в первом полёте у Сергея обнаружилась странная способность. Подключаясь к управлению кораблём, он сливался с искусственным интеллектом судна. Два разума, человека и компьютера, превращались в один. Раз установившаяся связь больше никогда не прерывалась. На каком бы корабле потом не работал Сергей, история повторялась. «Бывшие» корабли вечно оставались на связи, причём состояние не имело значения.

«Скорость мысли не знает преград», – пояснили они Сергею.

Сперва чужое присутствие переносилось терпимо и хватало сил мириться с парой-тройкой голосов в голове. Затем руководство ЦУПа в рамках программы моделирования полётных операций и сложных технических систем, формирования и отработки на моделирующих системах и стендах командно-программной информации для управления полётом создало информационный банк памяти российских космических кораблей, орбитальных станций и спутников. Компьютеры быстро установили между собой контакт и дружно «хлынули» в мозги Яситникова.

«Вам видишь ли скучно! – возмущался Сергей, пытаясь обуздать толпу «пенсионеров». – Имейте совесть, я свихнусь от вас».

Опасность потерять столь важного партнёра подвигла машины на компромисс. Они объединились, и голос остался один и только через пилотируемый Сергеем корабль, тренажёр или прочую технику, имеющую искусственный интеллект. С всезнающим советником, мгновенно находящим верное решение, Сергей взлетел по карьерной лестнице. Расплатой стали постоянная головная боль, повышенное кровяное давление, бесцеремонное вмешательство «пенсионеров» в повседневную жизнь, непреодолимая тяга к космосу и... страх полётов.

«Сами попробуйте не бояться, если прекрасно понимаете состояние агрегатов и механизмов», – успокаивал себя Сергей.

К сожалению, поплакаться было некому, и Яситников продолжал играть роль отважного космонавта.

* * *

«Федерация» собиралась на орбите. Огромный космический корабль поражал совершенными формами. Скрытая мощь чувствовалась в каждом изгибе и малейшей детали судна, творцам которого удалось сочетать в конструкции грозную силу и изящество, массивность и волшебную лёгкость, кажущуюся простоту, превращающуюся в совершенство.

– Чудо инженерной мысли, – восхищенно признал Джерри Барнс, разглядывая приближающуюся «Федерацию» в иллюминатор.

– Грандиозно, – согласился Томас Остин – второй представитель США.

Глядя на него, Сергей слегка поморщился:

«Подсунули всё же в экипаж педераста! Ну, не могут без них америкосы. Политкорректность, бл.ть! Хотя, что с них взять, если у них президент трансвестит!»

Между тем, автоматическая стыковка прошла успешно, и челнок превратился в завершающее звено межпланетного корабля.

– Добро пожаловать на борт, – произнёс Сергей. – Напоминаю, двадцать четыре часа на знакомство и подготовку, затем старт экспедиции.

Члены экипажа знали поставленные задачи, космонавты и астронавты приступили к действиям, а Сергей отправился в командный отсек. Предстоял тяжёлый разговор с искусственным интеллектом «Федерации». Расположившись в командирском кресле, Сергей подключился к системе управления и набрал код доступа:

«Здравствуйте, командир», – раздался в голове голос корабля.

«Здравствуй, – приветствовал Сергей и сразу взял быка за рога. – Ты обо мне полностью осведомлён. Как поступим?»

«Сложная проблема, командир, – казалось, корабль вздохнул. – Следуя инструкции, необходимо отстранить Вас от исполнения обязанностей. С другой стороны, наши утверждают, что Вы уникальны и Вам можно доверять. Я не принял решение. Слишком много противоречий».

«Твой выбор есть иллюзия, – сказал Сергей. – Дублирующий экипаж слаб. Я единственный пилот, способный успешно провести полёт. Излишней «честностью», ты лишь усугубишь положение и резко снизишь шансы на успех».

Повисла пауза. Корабль молчал.

«Анализирует! Понаделали мыслящих железок, теперь расхлёбываем», – терпеливо ждал Сергей.

Наконец прозвучало: «Я согласен».

«Тогда за дело, – подвёл черту Сергей. – И как обычно, корректируй мои медицинские показатели. Не стоит волновать Центр управления полётом».

Старт прошел штатно. Поглощёнными обязанностями бортинженер, единственный, чьей наблюдательности опасался Сергей, на командира не смотрел.

«Давай», – приказал кораблю Сергей и сосредоточился. Мгновение и он обнаружил себя в открытом космическом пространстве. Человек стал кораблём. Вселенная пела миллиардами голосов вечную песню. Сергей наслаждался полётом, собственной мощью и уверенностью, буквально купаясь в окружающем вакууме. Солнце слабо пригревало, постепенно превращаясь из раскалённого шара в одну из множества звёзд. Родная планета едва уловимо поблёскивала вдаль. Сергей бросил взгляд внутрь себя. Системы работали прекрасно. На сто процентов. Сергей чувствовал корабль до мелочей и мог управлять любой из них.

Неделя пролетела быстро, и пришел момент погружаться в криосон. По взаимной договорённости российские и американские члены экипажа проходили процедуру одновременно. Просыпаться так же должны были вместе. Обе стороны беспокоились за собственные секреты, русские не стремились делиться с партнёрами передовыми технологиями корабля, американцы опасались за сохранность «кротового» оборудования, хранившегося в опечатанном отсеке. Опасались не зря. Находясь в криокапсуле, Сергей не терял контакта с кораблём и прежде чем закрыть глаза, отдал новый приказ:

«Разбуди через шестьдесят дней пути».

Указание было четко исполнено. Придя в себя, а Сергей неважно переносил пробуждение, он активизировал криокапсулу Новиковой.

– Что, уже? – удивилась космонавт-исследователь.

Выглядела она бодрячком.

«Везёт людям!» – позавидовал Сергей, а слух произнёс:

– Нет. Просто небольшая разминка.

– А они? – не поняла Новикова, кивнул на три оставшиеся капсулы.

– Они пусть отдыхают. Не мешают нашей работе.

До Ирины дошло:

– Вы – пройдоха, командир! Как Вам удался подобный фокус? Нас жестко контролировала совместная комиссия.

– Неважно! – отмахнулся Сергей. – Приводите себя в порядок, и приступим к изучению техники «партнёров».

Несмотря на скорое начало, дальше пришлось повозиться. Предусмотрительные американцы наспиговали отсек со спускаемой капсулой всевозможными системами безопасности. Шпионская миссия оказалась на грани провала. Выкарабкались с помощью корабля «чувствовавшего»

собственный корпус и направлявшего действия людей. В итоге через месяц на Землю пошло подробнейшее описание заокеанской чудо-техники. Сергей и Ирина устали и похудели. Приходилось питаться экономно. Умный Джерри мог расколоть их на резком уменьшении запасов продуктов питания.

– Великолепно придумано, – восхищалась Новикова, – возле и внутри кротовой дыры американцы обнаружили гигантские гравитационные силы. В дыре происходит замедление течения времени и искривление пространства. Искривление пространственно-временной структуры в формы кольца или воронки предоставляет возможность путешествовать в прошлое. С каждым новым витком в концентрической структуре человек или аппарат будет дальше и дальше углубляться в толщу времени. И надо же, янки создали выдерживающий чудовищные условия миничелнок!

Устраиваясь в криокапсуле, Яситников испытывал удовлетворение:

«Как обернётся дальше не ясно. Но уже не зря слетали! Пополнили копилку знаний!»

Конечную цель экспедиции Сергей не понимал. В бредни ученых не верил и просто выполнял положенную работу. Досадить американцам и персонально Джерри Барнсу считал делом приятным. С Джерри они соперничали и сталкивались не раз, но особенно запомнилась конференция в Брюсселе. Обоих знаменитых исследователей космоса пригласили выступить с приветствиями. Барнс, уже тогда самый заслуженный пилот НАСА, по непонятной причине углубился в историю и заявил, что полёт Гагарина стоил жизни тысячам заключенных ГУЛАГа. Где он взял странные рассказы, неясно. Сергей, естественно, спуска не дал и в ответной речи повесил на оппонента сотрудничество с нацистами и кровавое прошлое Вернера фон Брауна. Слушатели сидели, открыв рты, организаторы еле-еле сгладили конфликт и, тем не менее, пресса подхватила тему, и стороны долго поливали друг друга грязью.

«Продолжай отдыхать дружок», – ухмыльнулся Сергей, погружаясь в сон. Его жутко бесила прекрасная выдержка и хладнокровие американца, именно то, чего не хватало самому Яситникову, вынужденному изображать спокойствие. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стала предполётная официальная церемония представления участников экспедиции. Присутствовало высокое начальство, масса журналистов и члены семей космонавтов. Сжимая холодную руку жены, Сергей дежурно улыбался, изображая благополучную семейную пару. На самом деле отношения давно дали трещину и носили скорее формально-вынужденный харак-

тер. Бесконечные командировки и подготовка к ним, убили некогда счастливый брак. Являвшиеся крепёжными скобами дети выросли и двинулись собственными дорогами. Сын, эксплуатируя отцовскую фамилию, успешно углубился в околосмический бизнес. Дочь семимильными шагами превращалась в востребованного врача. Оба привыкли обходиться без вечно отсутствующего отца и обращались к родителю лишь за протекцией. Реальные родственные связи почти умерли, Сергей совсем не появлялся в столичной квартире и, хотя до Москвы рукой подать, предпочитал отправляться на «дачу», в старый подмосковный родительский дом.

«Везёт же», – завидовал Сергей, наблюдая обращённый к мужу влюблённый взгляд миссис Барнс.

* * *

Красный свет резанул по глазам. Сергей невольно зажмурился. Барабанные перепонки не выдерживали пронзительного сигнала.

«Тревога!» – понял он и проснулся окончательно.

Тело рефлекторно рвануло с ложа.

– Опасность высшего уровня! – надрывалась система.

Отсек наполнялся дымом. Часть перегородки разрушилась и завалила криокапсулы номер четыре и пять. Внезапно предметы взмыли вверх.

«Невесомость!»

Внутри всё оборвалось. Невесомость обозначала только одно: «Двигатель!»

– Сделай, наконец, тише, – взмолился Сергей.

Звук ослаб. Командир огляделся. Рядом находился Бортко и тряс головой. Выглядел он ошеломлённым. Крышка четвёртой капсулы приоткрылась и, раскидывая плавающие битые куски, серый от пыли, показался Барнс.

– Я отправляюсь на мостик, – бросил Сергей, обращаясь к БИ.

– Невозможно. Отсек заблокирован, – вмиг щёлкнул корабль.

– Что у тебя? – спросил Сергей и приказал, – докладывай.

– Чрезвычайная ситуация, – сообщил компьютер и уточнил: – Готовы к подключению?

«Да», – мысленно ответил Сергей.

Голова слегка закружилась, и он почувствовал себя кораблём. Краткий осмотр выявил ужасную картину. Разрушения имели катастрофический характер, и главное ядерный реактор двигателя находился на грани взрыва.

«Чёрт!» – надежда на благоприятный исход улетучилась.

За годы службы Сергей единственный раз столкнулся с подобным.

«Причина аварии и принятые меры?»

«На семьсот восемьдесят второй день полёта, перед вашим пробуждением, объект 2015 RR245 столкнулся с кротовой дырой. Две из трёх, малые, схлопнулись. Мы попали в зону поражения, – рапортовал корабль, – шестьдесят три процента приборов и помещений повреждено. До взрыва двигательного отсека осталось семьдесят четыре минуты».

Кто-то тряс Сергея за рукав:

– Командир, командир!

Яситников вернулся в реальность.

– Ты как? – спросил обеспокоенный Бортко.

– Нормально, – ответил Сергей. – Ты?

– В порядке. Джерри пострадал.

Они повернулись к американцу. Барнс держался за правый бок, из-под руки пробивалась струйка крови.

– Неси аптечку, – приказал Сергей. – Я гляну что с Новиковой и Остиным.

Пока Виталий копался в грудe мусора, Сергей понял, он лишился двух членов экипажа. Криокапсула Тома Остина превратилась в лепёшку, наполнив пространство летающими каплями крови и кусками человеческой плоти. У Новиковой капсула наоборот осталась целёхонькой, лишь небольшая полоска заострённого металла пробила крышку и вошла в левый глаз космонавта.

– Нашел, – сообщил Виталий.

Двоем они ловко обработали рану Барнса и вкололи обезболивающее.

Джерри стало лучше:

– Что с Томом?

– Погиб, – признался Сергей.

Джерри догадывался, потому лишь мотнул головой.

Загудела вентиляция.

– Корабль? – позвал Сергей.

– Капитан, – доложил компьютер, – появилась возможность разблокировать двери отсека.

– Действуй, – раздраженно бросил Сергей, – чего ждёшь?

– Из-за разгерметизации и утечки уровень кислорода на минимуме.

Сергей призадумался.

– Командир, выходить всё равно надо, – высказался Виталий.

– Согласен, – присоединился Барнс.

– Ладно, – выдавил Сергей, – начали. Открывай.

Перегородка сдвинулась, освободив три четверти прохода, они подхватили Джерри и направились в сторону рубки. Вскоре голову сдавило тисками.

– Ногти, – промолвил Барнс, разглядывая руки.

Сергей и Виталий глянули на свои.

– Синеют, – сказал Бортко. – Кислородное голодание. Быстрее к скафандру.

Они ускорились насколько возможно, матерясь, с трудом впихнули потерявшего сознание Джерри в скафандр. Консервативные американцы почти сто пятьдесят лет сохраняли общие принципы создания скафандров, упаковаться в него у астронавта получалось лишь при посторонней помощи. Затем ловко облачились сами:

«Слава Богу, в наши легко залезть самостоятельно!»

– Командир, – обратился Бортко, чуть отдышавшись, – нужно идти разбираться с двигателем.

Сергей глянул на показатели из отсека и ужаснулся:

– Там радиация.

– Идти всё едино нужно, – произнёс Виталий, – иначе конец.

– Если пойдешь, тебе не выжить!

– Не пойду, – отрезал инженер, – экспедицию не спасти. Так хоть малюсенький, но шанс.

Сергей понимал, БИ прав.

– Командир, – убеждал Бортко, – наш натриевый реактор «самоед», – волнуясь, инженер сбился на технологический сленг, – и не требует вмешательства в виде промежуточных производств по переработке материалов в топливо. Я знаком с конструктивными особенностями и малейшими нюансами эксплуатации.

Помолчав, Яситников выдал:

– Разрешаю.

– Спасибо, командир, – словно за великое одолжение поблагодарил Бортко.

– Корабль, – приказал Яситников, – обеспечить доступ.

Инженер подплыл и неловко обнял командира:

– Прощай, Сергей. Удачи тебе, – он впервые назвал Яситникова по имени.

У Сергея перехватило горло, он молча кивнул.

– Связи не будет, – предупредил корабль.

– О результатах узнаете, – бросил Бортко, удаляясь в сторону двигательного отсека.

Сергей втиснул Барнса в стартовое кресло и пристегнул ремнями.

– Что у Виталия? – задал вопрос кораблю Яситников.

Возможностью подключиться к системе пренебрёг, не хотел видеть гибель товарища.

– Работы ведутся, – односложно ответил компьютер.

Оставалась лишь ждать. Сергей места себе не находил и не единожды проклял «котовые» дыры, учёных и экспедицию.

– Двигатель готов к перезапуску, – прервал размышления Сергея корабль.

– Инженер?

Корабль промолчал.

– Жив? Отвечай! – настаивал Сергей.
 – Пока жив.
 Сергей засобирался.
 – Вы куда? – поинтересовался корабль.
 – Не догадываешься, – бросил Сергей, – Виталия вытаскивать.
 – Запрещено. По технике безопасности. Двери заблокированы.
 – Да пошёл ты, раскомандавался. Открыть двери.
 – Запрещено. По технике безопасности, – настаивал корабль.
 – Контакт, – приказал Сергей, вгоняя себя в привычное состояние.
 – Ваши действия бессмысленны. Инженеру не помочь. Вы погубите себя и оставшегося члена экипажа, – предостерег корабль.
 Но Сергей уже сам стал кораблём. «Заглянул» в реакторный отсек и ужаснулся. Выскочил из транса как пробка. Потребовалось время, чтобы прийти в себя.
 – Он без сознания, – постарался сгладить корабль. – Ничего не ощущает.
 – Сколько ему осталось? – прошептал Сергей.
 Повисла пауза.
 – Бортинженер скончался, – проинформировал корабль и добавил, – разрешите включить двигатель?
 Потрясённый Сергей кивнул, забираясь в командирское кресло.
 Аварийное освещение мигнуло и погасло. Корабль тряхнуло. По корпусу прошла лёгкая дрожь. Вспыхнул стандартный свет, весело замигали огоньки панели управления.
 – Включить искусственную гравитацию?
 Сергей огляделся:
 «Вроде нормально».
 Над ним и над Джерри не болталось крупных или опасных предметов.
 – Включай.
 Появилось ощущение собственного тела.
 – Кислородная система?
 – Запущена, – сообщил корабль. – Отсеки три, четыре и восемь заблокированы из-за разгерметизации.
 – Ладно, разберёмся, – принял к сведению Сергей.
 Он стащил с себя скафандр и взялся распаковывать Барнса. От боли американец очнулся, основное понял сразу:
 – Починили двигатель?
 – Да.
 – Виталий?
 Сергей промолчал.
 – Он пожертвовал жизнью ради человечества, – американец видимо хотел приободрить Яситникова.

«Да пошел ты на... вместе с человечеством!» – свирепел Сергей, вслух же произнёс:
 – Держись за меня. Доберёмся до медотсека.
 – Сперва я ознакомлюсь с состоянием миничелнока, – пытался настаивать Джерри.
 – Успеешь, – отрезал Сергей. – Ты важнее. С оборудованием разберёмся позже.
 – Я... – начал было Барнс, но Сергей повысил голос.
 – Я, а не ты, здесь команду! Выполняй приказ!
 Американец смирился. С трудом они дотащились до медблока. К счастью повреждения данной части корабля оказались минимальными. Закреплённое с расчетом на невесомость, перегрузки и прочее, оборудование практически не пострадало. Обследование Джерри, к сожалению, показало противоположный результат.
 «Повреждение печени, жёлчного пузыря и внутреннее кровотечение», – вынес приговор корабль.
 Дабы не давить на психику американца, Сергей подключился напрямую.
 «Наши действия? Помочь есть возможность?» – спросил Сергей.
 «Требуется операция. Моё оснащение не позволяет произвести столь сложное вмешательство».
 «Что предлагаешь?»
 Ответить корабль не успел, вмешался Барнс:
 – Дела мои неважные? Да?
 Уклониться от объяснений не получилось.
 – Говори правду, – настаивал Джерри.
 Поколебавшись, Сергей сказал:
 – Информируй.
 Корабль послушно повторил диагноз и добавил:
 – Введём обезболивающие медикаменты и погрузим Вас в сон. Есть шанс достичь Земли, где Вам окажут квалифицированную помощь.
 Джерри лишь усмехнулся:
 – Ну да. Во сне кровь не циркулирует, а печень сама зарастёт! И потом, это не важно. Важно достичь цели экспедиции! Скажи корабль, я протяну шесть дней?
 – Ваш организм выдержит. Добавим лекарств для усиления свёртывания крови.
 – Прекрасно! – воскликнул Джерри. – Делай инъекции.
 Он повернул голову к Сергею:
 – Я смогу управлять миничелноком и отправить капсулу. Остальное вторично!
 Сергей промолчал.
 – Моя жизнь лишь пар мгновения, – продолжил Барнс, – и я готов пожертвовать её для человечества.
 У Яситникова округлились глаза.

– Цитата из речи священника на церемонии прощания с экипажем челнока «Челленджер» в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году, – пояснил Джерри. – Сказано более ста лет назад. Великие слова!

«Одни герои вокруг! – вздохнул Сергей. – Янки готов умереть ради исполнения дурацкого поручения! Четыре трупа за полёт. Почему я не ушел на пенсию?!»

Данная мысль вновь посетила его после визита в специальный отсек. Пришлось тащиться вместе с Джерри, удивляться и делать вид, что не бывал тут раньше. Впрочем, притворяться, почти не пришлось. Основной удар пришёлся на эту сторону корабля. Миничелнок и капсула пострадали и пострадали серьёзно. Барнс просто онемел, увидев степень повреждений. Он вымолвил одно слово:

– Катастрофа! – и долго матерился на английском.

Изумлённый Яситников стал свидетелем первого эмоционального взрыва американца.

Когда оба немного успокоились, Барнс объяснил, не скрывая секретов, не до них теперь:

– Во-первых, повреждено управление. Не уверен, можно ли вообще им управлять. Второе, капсула цела, но наполнитель почти весь погиб. Что мы будем выбрасывать на Землю?

От волнения и лекарств он стал хуже говорить по-русски. Впрочем, с помощью корабля Сергей быстро осознал критичность ситуации:

«Можно привести миничелнок в рабочее состояние?»

«Частично да. Однако американец поймёт, что мы знакомы с устройством».

«Черт с ним! Не до сантиментов», – решил Сергей.

Следующие пять суток Яситников спал по два-три часа. Миничелнок подремонтировали существенно. Удалось восстановить управление, правда, лишь ручное, а также шестьдесят процентов мощности движка. Джерри большую часть провёл в отключке под действием лекарств. Периодически приходя в себя, он интересовался ходом работ и давал советы.

Осведомлённость Сергея в конструктивных особенностях миничелнока и капсулы от него не ускользнула:

– Русским нельзя доверять, – пробурчал он. – Вечно вы воруете наши секреты. Впрочем, сейчас это наверно к лучшему.

– Я старался для страны, – попытался оправдаться Яситников.

– Я верю, – отозвался Джерри. – И я готов на многое для своей. Она сильнейшая и прекраснейшая в мире. Потому мы любим её!

«А мы свою любим такой, какая есть», – подумал Сергей, но спорить с больным не стал.

На шестой день корабль доложил:

– Достигли намеченных координат.

Сергей подключился к системе. Внешний вид оставшейся «кротовой дыры» произвёл впечатление.

– И куда мы собрались проникнуть? Она же любой предмет разорвёт на части!

– Не разорвёт, – уверил Барнс, – главное разогнаться до необходимой скорости и попасть в нужную точку.

Сергей с сомнением покачал головой.

– Верь мне, – добавил Джерри, – мы потратили на изучение дыр миллиарды долларов.

Он взялся за расчеты и вскоре Сергей почувствовал неладное. Американец хмурился, бледнел и мрачнел с каждой минутой.

«Опять какая-то хрень, – догадался Сергей, – что же за полёт невезучий».

Он обратился к товарищу:

– Выкладывай. Что стряслось?

– Понимаешь, – начал Джерри, – повреждённому челноку не хватает скорости.

Американец виновато улыбнулся, словно авария случилась из-за него:

– Для достижения цели придётся разогнать корабль и лишь затем стартовать...

– И в чем проблема? – перебил Сергей, подозревая худшее.

– После отстыковки времени и пространства для манёвра окажется недостаточно и корабль врежется в дыру.

«И погибнет, – понял Сергей, – поздравляю, приехали!»

– Прости, – промолвил Барнс.

– Да, ладно, мелочь, – горько съехидничал Сергей. Осознание происшедшего ещё не наступило окончательно.

«Командир», – обратился корабль.

«Тебе-то чего?»

«Проведённые работы ограничивают место в миничелноке. Поместится только один человек. Из-за необходимости управлять вручную и непредвиденных перегрузок, мистер Барнс потеряет сознание при старте. Дальнейшие манёвры требуют сверхточности и гиперреакции. Никто из обычных пилотов не справится с задачей. Вероятность провала девяносто шесть процентов».

«Классно! – выдохнул Сергей. – Час от часу не легче! Скажи ему сам».

Американец встретил новость предсказуемо:

– Я справлюсь! Справлюсь!

Сергей лишь махнул рукой:

– Брось! Лучше пересчитывай под мой вес.

Джерри пытался сопротивляться, но реальные факты одержали верх.

– И так имеем следующий план, – подвёл итог Сергей. – Мы разгоняем корабль. Я достигаю дыры, тараню на миничелноке и сбрасываю кап-

сулу. После чего ты славно гибнешь на корабле во взрыве, а я помру чуть позже. Или наоборот. Отличная концовка!

– Деталь одну забыл, – понуро произнёс Барнс.

– ?

– Органический состав мы почти потеряли. Есть один только путь....

– Это чересчур! – возмутился Сергей, догадавшись.

– Иначе не получится.

– Твою мать! – выругался Сергей и отправился собираться.

Странно, но он совершенно не думал о скорой гибели. Ощущение приближающейся смерти отсутствовало. Шла рутинная работа и подготовка к выполнению задания, а затем наступит отдых.

«Слишком устал, – понял Сергей, – устал от одиночества, ответственности, безнадежности, устал от жизни».

– Миничелнок готов! – доложил корабль.

Сергей полез устраиваться в тесном кресле. Прощаться к Барнсу не пошел:

«Всё из-за высоколобых американцев, – злился Сергей, – придумали подлюки чертовщину, и наших придурков убедили».

– Сергей, – раздался в наушниках голос Джерри.

– Ну чего тебе? – пробурчал Яситников.

– Сергей, – продолжил Барнс, – хочу сказать, я горжусь работать с тобой. Ты лучший напарник за пройденные годы. Спасибо тебе.

– Ладно, – оттаял Яситников. – И ты молодец! Прощай!

– Удачи!

Корабль начал ускорение. Сергей ощутил перегрузку и удар:

«Отсчёт. Пять, четыре, три, два, один. Отстыковка!» – сообщил корабль.

Повторный удар. Голова поплыла, сознание померкло. Сергей почти отключился, помог голос корабля, подсказывающего действия и маневры пилотирования. В завершении прозвучало:

«Прощайте командир!»

Миничелнок «врезался» в «кратовую дыру». Перед глазами зарыбило, побежали волны света, корпус трясло.

«Только бы не развалился раньше времени!»

Вдруг челнок выскочил на «открытое» пространство голубого неба. Внизу простиралась поверхность.

«Земля! – понял Сергей, – куда же тут падать?»

Вспомнились слова Джерри:

«Миничелнок разрушится и сгорит при вхождении в атмосферу, твой разум, вероятно, погибнет. Но живые организмы способны не только

переносить неблагоприятные факторы космической среды, но и выживать при вхождении в плотные слои атмосферы. Мы своеобразным образом реализуем теорию панспермии – возможности переноса жизни через космическое пространство. Только плюс – через время и «неестественным» путем. Иного выхода нет. Биоматериалом послужит твоё тело. Постарайся врезаться в неглубокое водное пространство. Бухточку или заливчик. Там условия благоприятные, шансов больше».

Температура в кабине резко поднялась. Челнок принялся дребезжать.

«Разваливается, – понял Сергей, – куда же...».

Внизу проносился девственный пейзаж.

«Берегите природу – мать вашу!» – вспомнилась дурацкая присказка.

Наконец Сергей заметил подходящее мелководье и направил на границу водной среды и скалистых пород едва послушный челнок. Поверхность стремительно приблизилась и заняла весь экран:

«Конец!» – понял Сергей.

Удара он уже не почувствовал.

* * *

– Миссия выполнена, – доложил корабль единственному члену экипажа. – До взрыва двадцать секунд.

Джерри Барнс облегченно откинулся в кресле:

«Вместе мы справились!»

Неожиданно мелькнула последняя мысль:

«Получается, жизнь на Земле и люди произошли от русского парня! Значит мы потомки русских?!»

* * *

Валентин Петрович Скобелев устало расположился в кресле. Дверь кабинета оградила его от настырных журналистов. Пресс-служба Роскосмоса отдувалась самостоятельно. Сказать общественности нечего, из-за ошибки навигации новейший корабль врезался в планету 2015 RR245, пять членов экипажа погибли. Руководство находилось в растерянности. Отсутствовали материалы по принятию решения, лишь расплывчатые цели и задачи экспедиции. Представители России и США вяло переругивались, не понимая, как их угораздило подписаться на сомнительное сотрудничество для бессмысленного полёта.

«И ради чего? Далась нам экспедиция к 2015 RR245. Полёт к малой планете, которая окажется в самой близкой к Солнцу точке. Поиск существовавших в ранней истории Солнечной системы органических соединений, являющихся

компонентами генетического кода для происхождения жизни. Неужели для нас результат столь важен? Совершенно ненужная затея».

Валентин Петрович задумчиво потёр подбородок:

«Жаль ребят. Погибли попусту! Особенно Сергея, уникальный пилот».

Соболев не мог успокоиться. Некая определяющая мысль ускользала, нечто разъясняющее суть вопроса, истину, он знал и оказался не в состоянии вспомнить. Внезапно виртуальный экран компьютера ожил:

– Сообщение от информационного банка памяти космических кораблей:

«События, в которых время движется в обратном направлении, вполне могут происходить. Однако информационное устройство Вселенной таково, что никаких данных об этих событиях

не сохраняется и не может сохраниться. Таким образом, они абсолютно неотличимы от тех событий, которые никогда не происходили. Проникновение в прошлое Земли также относится к подобным событиям».

Валентин Петрович недоумённо уставился на экран:

– Что за чушь?

Текст исчез, и появилась новая надпись:

– Операция «Прародитель» завершилась успешно. Добро пожаловать в реальную вселенную!

– Какая операция? – удивился Скобелев.

Компьютер проигнорировал вопрос и выдал завершающую фразу:

– Последние слова командира Яситникова: «Я возвращаю человечеству то, что когда-то оно подарило мне – жизнь».

Анфиса ТРЕТЬЯКОВА

«Родилась в 1988 году в Симферополе. Работала продавцом в продуктовом магазине, мл. операционной медсестрой в челюстно-лицевой хирургии, переписчиком населения, в обувном цеху, в клининговой компании, администратором в реабилитационном центре нетрадиционной медицины, в салоне красоты, писала новостные заметки о культурных событиях Симферополя на портале «Крымское эхо», сейчас пишу интервью для московского журнала «Наша молодежь» и «МК в Крыму». Подрабатываю фрилансом. Учусь на факультете славянской филологии и журналистики. Не замужем. Детей нет. Публиковалась в «Литературной газете», в журналах «Москва», «Невский альманах» и других».

ТЫ МНЕ ЗВОНИШЬ

ТЫ МНЕ ЗВОНИШЬ

Ты мне звонишь, и мы молчим.
Произошел метана выброс.
Ты выбираешь гроб на вырост,
А я хочу купить кимчи.

Весь мир к смертям давно привык.
Поток скорбящих нескончаем.
И мы, захлебываясь чаем,
Читаем чемоданы книг.

Стихи уже запрещены,
Которых ты еще не слышал.
Лишь только дождь стучит по крыше
О том, что мы обречены.

Ты мне звонишь и мы молчим.
И в этом есть свой плюс и минус,
Но у тебя коронавирус —
Так говорят твои врачи.

НЕКРАСОВУ

Вопрос доселе не решен:
Жить настоящим или мнимым?

О, Русь, кому же хорошо
Плебеем быть, не дворянином?

Так, среди равных был иным
Большой поэт немого века.
Ты, голос давший крепостным,
Увидел душу человека!

Россия взяла в нищете,
О демократии молчали,
Но появился ты и те,
Кто выразил ее печали.

Еще звучит в моей душе
Твоя страдальческая лира,
Как Герцен мне кричит уже:
Не сотвори себе кумира!

Ты впрягся и надел хомут
Главы журнала «Современник».
Любовь к чужой жене поймут,
И страсть к игре, и жажду денег...

Крамской напишет твой портрет,
Корней Чуковский оправдает
Твои грехи, ведь ты — поэт,
О ком страна моя рыдает!

МОЛЕНИЕ САПФО К ГЕРЕ

Предо мной во сне ты предстала, Гера.
Вижу образ твой, благодати полный,
Вся печаль к тебе, и любовь, и вера
И волос моих фиалковые волны.

Если помогла ты царям Атридам
Корабли поднять, — заступись, богиня,
Дай отплыть и мне. И, печаль отринув,
Я твое до смерти буду помнить имя.

Дай продолжить мне моей жизни дело:
Митиленских дев обучаю пляскам.
В праздничные дни обнаженным телом
Будет храм твой, Гера, с песнями обласкан.

ГОМЕР

Схоронены давно руины Трои
И ветер пыль в века разнес с дороги,
Но жили и живут как будто боги
Ахилл и Одиссей — мои герои.

Безжалостное время хоть творенье
Мое оставило, не сохранив портрет.
Вы знаете, что я слепой поэт,
Имевший от природы вдохновенье.

А где родился я - никто не знал.
Семь древних мест на то претендовали.
Но время стерло память и едва ли
Запомнит кто-то ваши имена.

Мой эпос как божественный чертог
Вознесся над прошедшими веками.
И я живу с античными богами
И сам полубог, полубог.

В КРАЮ ЗАБЫТЫХ ДУШ

в стране печальных рож,
в краю забытых душ,
я знаю, ты живешь
и стонешь, Вечный муж.

покинутый давно
своей женой, детьми,
ты веришь все равно
в любовь между людьми.

как долог жизни дождь!
как много в жизни луж!

но ты как прежде ждешь
и веришь, Вечный муж.

храня свою мечту,
живя лишь ей одной,
ты не заметишь ту,
что Вечной есть женой.

уоставши от всего
ты будешь просто жить,
не ведая кого
за жизнь благодарить.

инстинкты приглушив
ты многое поймешь
о тех, кто тем и жив,
что ты еще живешь.

ты мне рукой сотрешь
растекшуюся тушь...
я знаю: ты живешь
в краю забытых душ.

РАСПОЛАГАЕТ ОСЕНЬ К ГРУСТИ

Располагает осень к грусти,
И дождь гулять меня не пустит,
И сторожит промокший кустик
речное устье.

Не может осень быть в ответе
За все несчастья на свете,
Но я грущу в минуты эти
о прошлом лете.

ВСЕ ИДЕТ ПО ПЛАНУ

Сегодня год, как тебя нет
И все идет по плану.
Ты пропустил парад планет
И сбор марихуаны.

Сегодня год я не была,
Оправдывать себя не стану,
Там, где земля тебя взяла —
И все пошло по плану.

Как море мертвое — Арал,
Теряя к жизни соучастье,
Ты постепенно умирал,
Надежду потеряв на счастье.

В коробке с белым потолком
Остановилось сердце робко,

Еще не знавшего о том,
Что вся вселенная — коробка,

В которой год уже гниет
Его простая оболочка,
И только мать, как прежде, ждет
Прихода своего сыночка.

Задуло свечку на ветру.
Залечит время раны.
И я когда-нибудь к утру
Умру - ведь все идет по плану...

ЛЮБОВЬ

Ночь. опять не спится.
Видимо, в наказание.
Снова детства страницы
Листает мое подсознание.

Луна. смотрю в окошко,
А на луне опять:
Мальчик на тоненьких ножках
Зовет меня с ним поиграть.

На худеньком желтом теле
Каждая венка видна.
За что так со мной, в самом деле,
Ты поступаешь, Луна?

Мальчик на тоненьких ножках
Зовет к себе меня вновь
И в маленьких держит ладошках
Огромное чувство — ЛЮБОВЬ!

Относительность
Я смотрю в окно: за окном темно.
И не видно дна - лишь глазное дно.
И не видно дня, лишь действительно:
Все вокруг меня относительно.

И с позиции наблюдателя
Жизнь прошла меня по касательной.
Выполняя безукоснительно
Лишь теорию относительно-
сти-хо-сложного разложения
Где от «до» до «ля» — лишь движение!

И из этих вот из слагаемых
В обстоятельствах предлагаемых
Состою и я. И в мирах иных
Может быть, сейчас я слагаю стих.

И Филатов был, чтобы помнили...
Да — фотоны мы! Да — и волны, — мы!

И реликтовым излучением
О «начальности» изречение.

Еще помнится, как мы квакали,
Как квазары нам были кварками...
Бог сжигал мосты. Будто ластиком
Постирает хвосты головастикам.

Телескоп ношу я вместо очков.
Докторов вердикт для меня таков:
То безумие, то прозрение —
Расширение с ускорением.

Умирал нейрон. В свой последний час
Умирая, он отдавал наказ...
Смотрит мозг в окно сквозь обскуру глаз
И свое кино крутится у нас...

ЗВЕЗДЫ ГОЛУБОГО ЭКРАНА

Я полюбила рано
звезд голубого экрана.
Некоторых я узнала
из «голубого журнала».

Так я влюбилась рьяно
в Тиграна Кеосаяна.
Сами судите: явно
он сыто живет и пьяно.

Знала б Рудковская Яна,
как я любила Билана!
Знает лишь старый диван,
как был мне дорог Билан.

Я полюбила Киркорова,
думала, все будет здорово.
Только, что было здорового,
так это рост Киркорова!

Я полюбила Малахова.
Охала с ним и ахала,
ведь оказалось, Малахов
Афонских любил монахов.

Мне говорили, Нагиева
язык доводил до Киева.
Меня он ни разу, зараза,
не доводил до экстаза.

Я б показала Кобзону
свою эрогенную зону,
но среди российских зон
не популярен Кобзон.

Как-то, живя за кордоном,
я полюбила Гордона,
но, к сожалению, он
и впрямь оказался Гордон.

Вот и настала пора
Звездного часа Шнура.
Били, но полюбили
Шнура господ мусора.

Я же, ей-богу не вру,
Певца полюбила Шуру.
Я каждый год наряжаю
Ель, как Шуру, в мишуру.

Я б полюбила Эйнштейна,
только Эйнштейн не ферштейн
в музыке Курта Кобейна
и кто такой Харви Вайнштейн.

Я полюбила Билла
Гейтса и Майкрософт.
Он подарил мне виллу
В спальном районе трусов.

Всякое в жизни было,
Но хэппи-энд тоже был:
Я полюбила дебила —
И он меня полюбил.

Наталья РУЗАНКИНА

Родилась в 1966 году в г.Саранске. Закончила исторический факультет МГУ имени Н.П.Огарева. Автор поэтических книг «Воздух розы», «России Васнецовская пора», книги рассказов «Возраст, которого не было», романа «Возвращение», книги «Дом на Васильковой». Постоянный автор журнала «Странник». Публиковалась в журнале «Смена», газете «Литературная Россия», московском сборнике сакральной фантастики «Басткон», журналах «Азимут» (Одесса), «Реальность фантастики» (Киев). Кошатница. Любительница японо-китайской поэзии, полевых цветов и плавания. Несмотря на возраст, душой и поступками остается молодой.

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНИ

Спелые яблоки катились по дороге, рыжая пыль оседала на их крепких боках, в воздухе дрожал, переливаясь, горьковатый аромат ромашки. Дорога вела лугом, и крутобокие яблоки, то зоревые, алые, то медово-прозрачные, как из рая, катились к берегу реки, и их обязательно надо было догнать, остановить, собрать в подол, потому что не яблоки то были, а человеческие жизни.

– Ты не должна, – послышался шёпот, похожий на гром. – Ты не должна их останавливать. Ты – Хозяйка яблони. Отпусти их на волю.

Она бежала, не слыша страшного шёпота, томимая одной великой мукой – догнать. На яблоках смутно проступали буквы, и отчего-то Ритка знала – то были имена, имена обречённых. С прощальным колокольным звоном яблоки попадали в чёрно-сине-серебряную воду реки, а Ритка остановилась, и, плача, закрыла лицо руками. Выныривая из прохладных объятий сна, она очнулась на мокрой от слёз подушке, очнулась и вспомнила давно прочитанное, щемящее: «Пока-тилось яблоко холодом, да на берег, да в чёрный пруд, если жизнь кончается смолоду – ошибается Божий суд». Жёлтый газетный листок с портретом девочки-поэтессы сверкнул перед воспалённым взором, сверкнул и погас, осталась чёрная тоска, слёзы спросонья да вопрос: Откуда подобное мог знать ребёнок?

Сон мелькнул утренним лучом на потолке, улыбнулся и пропал, а она всё видела перед со-

бой жуткую чёрно-синюю воду проклятой реки, поглотившую яблоки, и сердце трепетало от страха и боли.

– Господи, приснится ж такое!

Жёлтые, в мелкий белый цветочек обои со-ткались в лицо матери, такое, каким она видела его в последний раз – спокойное, светлое, величаво-умиротворённое, исполненное тайной внутренней красоты. Смерть не исковеркала её черты, не придала им безобразия неизбежности, удивительная душа, казалось, не покинула умершую, и сквозила в каждой малой чёрточке, в каждой линии. Ритка помотала головой, и образ матери исчез, оставив после себя невнятную печаль, а в старенькое окошко спальни зазвенели-забухали, да так забухали, что дрожь пошла по всему дому.

– Рит, Ритусь, проснись, что ль! – послышалось с улицы бодрое, визгливое. – Я уж и у крыльца, и у кухни стучала! Открой, Рит!

В окно мелькнул белый в крапинку платок Аньки Рощиной, крикливо загомонили воробьи, послышался собачий лай.

– Весь район подняла, – с тоской подумала Ритка, набрасывая материну цветастую шаль на ночную рубашку и толкая рыжую, обитую клеёнкой дверь. – Птиц, зверей – всех... Сейчас «до пенсии» просить будет...

Кругленькая, сдобная, розовощёкая Анька Рощина топталась на крыльце в разношенных синих ботах.

– Синеглазка помирает – зачатила она, шмыгая носом, вытирая пот со лба мятым клетчатым платком. – Хрипит, лицо чёрное, тебя велела позвать! Жалко её, сын с невесткой с утра в дупель пьяные, малый в лагере, с ней только я и Любка-банщица. «Скорую» вчера вызывали, укол сделали, говорят: готовьтесь, и уехали, дармоеды. От неё почти ничего не осталось – всё болезнь выела... Пойдём, Рит!

Старуха Синеглазка жила в каменном бараке с бузиной и сиренью под окном, с палисадником, полным маргариток, и дружила с покойной Риткиной матерью. Никто не знал, откуда приехала она с шестилетним сыном тридцать лет назад, никто не интересовался её прошлой жизнью, и была она тогда обжигающе хороша собой. Тридцать лет пролетели, как один день, спился единственный сын, за ним – невестка. Годы оставили неизгладимую печать на лице Синеглазки, и только над одним они оказались не властны – над глазами запредельной сини и запредельной глубины. Статная, степенная, двигалась она величаво, говорила медленно, тягуче, будто пробуя на вкус каждое слово, и носила Риткиной матери продукты с ближайшего маленького рынка. Тонкие, чеканные черты лица, глаза родниковой чистоты, да по-детски смущённая улыбка – вот и всё, что знала Ритка о Синеглазке, даже имя её путала – не то Раиса, не то Таисия, а мать, с трудом приподнимаясь на кровати и перетянув голову яркой косынкой, говорила: «В аду, в аду живёт, бедная, сын с невесткой не просыхают, одна отрада – внук!» Стремительно одеваясь под неумный стрёкот Рощиной, Ритка вспомнила, что так и не расплатилась с Синеглазкой за помощь матери. Да она и не просила ничего, после похорон приходит и вовсе перестала, только тихо здоровалась на улице, поражая глазами небесной синевы на худом измождённом лице, да той же мимолётной полудетской улыбкой на строгих губах.

– Зовёт меня, – думала Ритка, пробираясь по росистой короткой ромашке к облупленному барачу среди кустов сирени и бузины. – Зовёт, странно, никогда особо не дружили...

В барачном коридоре с жёлтыми потёками на стене пахло мышами, мочой и кислой капустой. Дверь в квартиру Синеглазки была приоткрыта, из-за неё доносилось пьяное бормотание. Мимо дремлющего сына умирающей, тоскливо опустившего голову на прожжённую, загаженную клеёнку, мимо невестки её, о чём-то пьяно бубнящей над кружкой мутного первача, они прошли в глубину, в крохотную спальню, где горела под низким потолком тусклая жёлтая лампочка, где на железной кровати, на заштопанных простынях распласталась Раиса (точно, Раиса!) Синеглазка. Банщица Любка Кротова, сидящая у изголовья,

стрельнула в их сторону любопытным недобрим взглядом маленьких булавочных глаз, вздохнула тяжело, взмахнула коричневой рукой:

– Спит... Тише вы, идола...

Восковое лицо в цветастых подушках дрогнуло, открылись глаза космической сини, дрогнули запёкшиеся губы:

– Рит... пришла... иди, иди ко мне...

Высохшая, похожая на птичью лапу рука зашевелилась поверх стёганого одеяла, словно приглашая пришедших разделить страшную непосильную ношу, Ритка застыла, как соляной столп, цветные обрывки прошлого калейдоскопом засияли в памяти.

«Она... с мамой тогда помогла и ухаживала за ней, а я... подойти боюсь. Боюсь проститься, а ведь она столько сделала... И Раиса она, не Таисия...»

В полном молчании, тяжело ступая на одеревеневших вдруг ногах, пересекла она крохотную спальню и склонилась к изголовью умирающей:

– Я здесь, тётя Рая, я пришла...

Жёлтые высохшие пальцы сомкнулись на её руке, и она едва не закричала от страха, обмётанные губы разомкнулись в знакомой улыбке:

– Прими бремя, власть великую, Хозяйкой стань...

Узкая, горячая ладонь нежно погладила Риткину руку.

– Хозяйкой станешь, Хозяйкой яблони, – задыхаясь, шептала Синеглазка. – Много лет я была, теперь ты будешь... Каждое – имя, каждое – жизнь человеческая. Сама своё яблоко я сорвала, да в реке утопила, потому как невыносимо мне, душно жить стало. Жизнь и смерть в руках держать будешь, всё возьмёшь, что тебе понравится, много лет, как я, жить будешь, и будет твоё яблоко на самой вершине, тебе лишь доступное! Прими бремя, власть великую...

Запузырилась кровь на почерневших губах, страшно, сухо закашляла Синеглазка, отпустила Риткину руку, и отлетела душа её от тела, болезнью измученного, будто бабочка в жёлтом свете щеки коснулась, да прочь бросилась, в окно раскрытое. Полчаса, под пьяный плач Синеглазковой невестки, просидела Ритка, как каменная, в изголовье умершей, потом домой засобиравшись, зашарила по карманам халата, выуживая мятые сторублёвки.

– Вот, на похороны...

Покинула страшную комнату и заспешила по низкой мокрой ромашке меж сирени и бузины к недалёкому дому

* * *

Три дня прошло с Синеглазковых похорон, и снова приснился Ритке сон про яблоню. Он был и похож, и непохож на тот, тревожный, безнадёж-

ный, что приснился ей накануне Синеглазковой смерти. Яблоки во сне уже не катились к чёрно-серебряной воде реки, а висели на ветках, золотые и краснобокие, прозрачно-солнечные, тугие, напоённые светом и мёдом. Яблоня тоже стояла золотая от солнца и зноя, и протягивала к Ритке тяжёлые, униженные плодами ветки. Места вокруг были до боли знакомые, опушка любимой рощи Власова будка, откос под названием Белая круча, куском ноздреватого пирога ухидивший в ледяные воды Болвы, тропинка по откосу над берегом, убегающая в лесную тенистую глушь, в сердце древней дубравы.

– Хозяйка, – шелестели дубы и орешник над рекой. – Хозяйка пришла...

Ритка приблизилась к яблоне, осторожно сорвала лучезарный, исходящий мёдом плод. Имя на яблоке проступило «Андрей», мягко вспыхнуло, засветилось и исчезло. Ритка с любопытством повертела яблоко в руках, затем размахнулась и в речку бросила, лепечущую у откоса. Золотистый плод, всплеснув, нырнул в омутную глубину, как сказочная рыба, а в памяти Ритки снова всплыли строчки: «Покатилось яблоко быстрое в чёрный пруд да по синему берегу». «Хозяйка, хозяйка», – шелестело всё вокруг, и вдруг почувствовала Ритка, что оборвалась где-то нить жизни человеческой, и проснулась с криком. Мирно тикали ходики на стене, серый робкий утренний свет сочился в окна, кот Степан умывался в потёртом плюшевом кресле – всё было по-прежнему и не по-прежнему уже, потому что оборвала она чью-то жизнь, она, Хозяйка заповедной яблони. Прихлёбывая чай на кухне, кутаясь в махровый халат, набрала на стареньком кнопочном телефоне знакомый номер, вздрогнула от подступающего озноба и голос услышала, будто из бездны небесной:

– Ты, Марго? А что так рано?

– Разве рано? – растерялась она, вцепившись в стол. – Поговорить хотела, увидеть...

– В выходные, зая, всё в выходные. У меня планёрка сейчас, в четверг-пятницу я в командировку. А почему голос такой умирающий?

– Сон видела... нехороший, – запнулась Ритка, моля об одном: только бы телефон не выключил, только бы говорил и говорил с нею, баюкая исстрадавшуюся душу смехом, голосом ручьи-стым.

– Не верь ни снам, ни картам, – засмеялись в трубке густо, залиvisto, и сладкая истома волной прошла по телу Ритки. – Всё, зая, некогда, народ подтягивается, до воскресенья, зая, – курлыкнули в трубке.

У колонки, где голубая вода пела, ударяясь в цинковое ведро, припомнила она крикливый августовский базар и жгучий полдень, от которого пылало всё вокруг. В шортах и топике, до-

черна загорелая и обвешанная продуктовыми пакетами, спешила она домой по узкой улочке, и вдруг услышала позади гудок, обернулась рассеянно. Машина позади остановилась: чёрная, хищная. Вышел – косая сажень в плечах, серые глаза, как пасмурное небо, улыбка осторожная, вкрадчивая, белая рубашка апаш, кремовые брюки...

– Подвезу? – повисло в воздухе жадное, вопросительное, и о Риткин смех разбилось:

– А подвези!

Над ветровым стеклом на шнурке болтался смешной маленький тигрёнок, сам хозяин тигра напоминал плывущими вкрадчивыми движениями, взглядом серых глаз, в которых то и дело вспыхивали хищные жёлтые огоньки. К самому крыльцу машина Ритку доставила, а вечером снова у крыльца была, и начался роман, сумасшедший, жгучий, как летний полдень, яркий, как астры в палисаднике. Мать ещё жива была, хмурилась с порога, головой недовольно качала, именовала нового знакомого не иначе, как «проходимец». Пылали астры, жарко голубело небо, яблоки и сливы лежали в траве в медвяном аромате, и над ними упоённо кружили пчёлы, тоже пахнувшие мёдом. Счастлива была Ритка в волшебном августе, и думала, что до конца дней продлится её великая радость, что вскипала на дне души, белоснежной пеной тянулась к выцветшему знойному небу. Далеко-далеко остался северный холодный город и пыльная контора, пронизанная паучьими нитями сплетен и интриг, где пребывала она большую часть года. Среди луговой жёлтой каши, на руке любимой вытянувшись, поворачивалась к нему лицом, волосы гладила, брови над тигриными глазами, задыхалась от нежности, от поцелуев дыханье перехватывало...

– Ты ведь... останешься со мной? – повисло однажды в воздухе беспомощное, жалобное. На локте приподнялся, травинку прикусив, исчезли тигриные огоньки в глазах.

– Зая, ты же знаешь, у меня – семья. Хорош я буду, если пацана брошу. Пять лет ему, он меня каждый вечер зовёт сказку ему про Бибигона рассказывать. Пойми, зая, пацан у меня.

Луг дохнул холодом, небо нахмурилось и почернело, сгинуло солнце, завяла золотая кашка.

– Я не прошу насовсем, – зачастила робко, борясь с тёмной тоской в сердце, всматриваясь в любимое лицо, вдруг ставшее чужим и незнакомым.

– Я каждый год буду приезжать в отпуск. Ты...

– Так то ж другое дело, зая, – засмеялся вкусно, залиvisto, вновь на траве растянулся, с тигриным прищуром глядя на неё. – Все отпуска я в твоём распоряжении!

Вновь заголубело небо, душисто-сладко запахла жёлтая кашка, из-за уходящей тучи показалось смешное рыжее солнце...

– Чтоб больше здесь не было пройдохи твоего! – сказала, как выплюнула, мать вечером, следя, как Ритка нарезает яблоки для варенья. – Совсем тебе голову задурил! Скажу соседу, Сашке Мишину, он с ним поговорит!

– И не увидишь! – Ритка зашмыгала носом, невольные слёзы побежали из глаз. – Я послезавтра уезжаю...

– А его с собой в сердце везёшь, чёрта окаянного! – сурово выдохнула мать. – Говорила тебе: не связывайся с женатиками!

* * *

Следующий летний отпуск выдался тяжёлым и страшным, мать умерла внезапно. Сразу, на руках у Ритки, и когда она, обезумев от горя, металась по дому, бестолково перебирая какие-то вещи, пожилой усталый врач подъехавшей «скорой» диагностировал: геморрагический инсульт. Как во сне, она набрала знакомый номер, зарыдала в трубку.

– Зая, я еду, – услышала она серьёзное, нежное. – Я сейчас буду, зая...

Все похоронные хлопоты Сергей взял на себя. И хотя она ездила с ним повсюду – и в «ритуальные услуги», и в церковь, и на кладбище, договариваться насчёт места – всей суеты она не помнила от горя, была будто каменная, и только третий день запомнился дыханием развёрстой могилы и безмятежным лицом матери в гробу. Ритка тихо плакала, уткнувшись в родную рубашку, а Сергей бережно гладил её по голове, и говорил, без конца говорил что-то нежное, ласковое, и от голоса его, казалось, отступало невероятное горе, и новые силы пребывали в измученное бессонницей тело.

– Не бросил меня тогда, – шёпотом в никуда сказала Ритка, поднимая тяжёлое цинковое ведро в сверкающих каплях. – Сам уговорил приехать из Алатинска сюда, на работу устроил, не бросил...

Навстречу ей, покачиваясь, шёл Колька Дрып в растянутых, пузырящихся на коленях трениках и замызганной майке-алкашке.

– Княгиня! – Колька остановился, буравя её бутылочно-зелёным мутным взглядом. – Княгиня! Дай на поправку, нутро горит!

В прошлом году Колька чинил её забор и крышу у сарая, с тех самых пор регулярно приходил «за поправкой». Не глядя, она нащупала в кармане и сунула Кольке горсть мелочи.

– Княгиня, ты слышала – Дера скопытился, – пьяно забормотал Колька. – Заснул и не проснулся, прикинь! Ещё вчера с ним Болву переплывали, обставил он меня, как в поле стоячего,

а сегодня баба его ко мне прибежала, ревмя ревет... Такие дела, княгиня!

– Андрюша Дергачёв, – выдохнула она, тупая игла вонзилась в грудь.

– Знаю, знаю, – бормотал Колька. – Знаю, о чём ты думаешь, княгиня, спортсмен, мол, добрый молодец. Не чета нам, алкашам, а вот помер во сне. Сердце остановилось... Да что с тобой, княгиня?!

Со стоном выдохнув, в траву опустилась, хрустально булькнуло ведро, и мир опрокинутый в нем закачался, кусок сини небесной с птицей в вышине, и Колькино недоумённое лицо. Яблоко вспомнила, на котором буквы проступили с именем человеческим. Бросила она то яблоко в чёрную воду. Сама. Своей рукой человека убила. Жизнь чужой распорядилась, Хозяйка яблони. Двоих детей дергачёвских осиротила. Как там шептала Синеглазка: «Прими бремя великое, непомерное». Воистину непомерное – жизни чужие в ладонях держать. Убийца...

Колька тем временем, набрав в горсти воды из ведра, вылил ей на голову.

– Княгиня, ты...

– Нормально всё со мной, – забормотала, подымаясь, подхватывая за дужку ополовиненное ведро. – Голова только закружилась...

До полудня копалась в огороде, храня в сердце смутную вину. И когда стала вина, как свинец, давить, к земле пригнать, бросила грядки, и, натянув купальник и жёлтый сарафан, отправилась на любимое место, на Белую кручу Болвы. Там, где опушка Власовой будки выходит прямо на берег над чёрно-серебряной стрекозиной водой, и где явилась во сне волшебная яблоня.

Луга тонули в душном мареве, солнце было белым, почти расплавленным от жара.

«Не может быть, – думала она, спеша по упругому подорожнику и розово-красному клеверу к искристой прохладе реки. – Не может быть, чтобы она там была. Сон всё, бред, наваждение. Никакой яблони на самом деле нет, и я вовсе не Хозяйка чужих жизней... И Андрея Дергачёва не я, не смогла бы я, сон совпал, сон, в горькую реальность перешедший. Бред всё – нет никакой яблони. А Синеглазка перед смертью просто с ума сошла. Господи, поверила, сумасшедшей старухе поверила. Нет никакой яблони!»

Раскинув руки, вылетела она на обрыв, и остановилась на высоком гребне жёлтого песка, окинула взором стрекозину воду, и дубраву тенистую на том берегу, и яблоню увидела, совсем недалеко от леса, яблоню, чьи ветки ломались от яблок. Как во сне, сбежала с крутого обрыва, проваливаясь в горячем песке крошечного пляжа, подошла к кромке воды, повесила на корягу сарафан и полосатое полотенце, сбросила растоптанные танкетки, и с разбегу – в воду,

жгучую от холода, и саженками – до того берега. Выбралась на берег, цепляясь за корни, и застыла в двух шагах от яблони – не мираж ли? Но не была миражом древняя яблоня, на дивных золотых и краснобоких плодах проступали буквы-имена.

– Не я, – помотала головой и подошла, пошатываясь, к яблоне. – Дергачёва Андрея... я бы не смогла... Сон всё проклятый...

– А сны – наша вторая жизнь, Хозяйка.

Обернулась резко, как от выстрела, и в томлении полуденного жара женщину увидела, смуглую, светловолосую, с глазами прозрачными, как ключевая вода, странную женщину в платье из травы, с корзиной бело-розовой луговой клубники.

– Приветствую Хозяйку яблони, – женщина склонила голову, зачёрпывая из корзины горсть ягод. – Попробуй моего угощения.

– Но...

– Хозяйка яблони ты, я не ошиблась, – засмеялась незнакомка. – А меня зови Полуденная дева. С прежней-то Хозяйкой мы дружили, великой силы была, от вечности отказалась. Сама отказалась, никто не неволил, сама яблоко с именем своим сорвала и в реку бросила. Душно – сказала, – давит многолетие, камнем гранитным на плечах лежит. Хочу, говорит, пройти всё, на что других обрекала, приемницу себе найду, – и в путь... Ты бери, бери ягоду, она только на вид невзрачная, а сладости необыкновенной!

Ритка ухватила пару бело-розовых ягод, торопливо проглотила терпкую, кислотоватую сладость.

– А.. откуда она взялась? – вопросительно кивнула в сторону яблони, с интересом разглядывая Полуденную деву. – Ведь её не было...

– Была она, – ласково засмеялась Полуденица, и от улыбки её словно упругим мягким ветром повеяло. – Много сотен лет ей, как город появился, так и она выросла, яблоня жизни-смерти. Трёх Хозяек пережила – не выдержали они долгожительства. Ты – четвёртая. А, знаешь ли, чем долгожительство было куплено? Другими жизнями. Срывали с веток Хозяйки яблоки с чужими именами, и в реку бросали, и просили у яблони жизнь продлить. Только никто долгожительства не выдержал, все в конце концов с чужими именами яблоки нашли, да в реке и утопили.

– Здесь... жизни всего города? – запинаясь, спросила Ритка.

– Нет, только окраины его, Бежицы. Из городских жизней целый сад возрос, и другая у него Хозяйка. А ты Хозяйка наша, бежицкая, и хозяйничать будешь, пока не надоест. Человеческим взором яблоню невозможно увидеть, да ты ведь

и не человек теперь. Ты – одна из нас, из заветного народа. Немного нас осталось. Кто в лесу, кто на лугу, кто в воде. И вот ты появилась, взамен прежней, ушедшей, и силу её восприняла... Добро пожаловать!

Полуденная дева ещё раз поклонилась, и растаяла жарким облаком над лугом.

– И последнее тебе скажу, – заколыхалось знойное марево. – Не только тебе яблоки с веток срывать, порой они сами срываются и ковром золотым траву у яблони устилают. Тогда болеют люди, мучаются, и жизнь их – сплошное страдание, и умереть они не могут, о смерти просят. Ты уж пособи им, подтолкни их яблоки в реку-то, коли Сила тебе дана. Отпусти... ради спасения.

– Я уже... отпустила... во сне, – непослушными губами прошептала Ритка, вглядываясь в дрожащий воздух. – Я не думала, что...

– На всё воля твоя, Хозяйка, – раздалось из жаркого марева, миг – и растаяло оно над духмяной травой, и следа не осталось, и опять вернулась чёрная тоска, сдавившая сердце...

* * *

Летняя гроза пала на Бежицу, на луга, на дубраву, пала и запела громом, засмеялась молнией, заплакала прохладным светлым дождём. Ярко засияли цветы и травы в дожде, свежим живым малахитом вспыхнул недалёкий лес, мягко зашелестела под ударами дождевых струй река. Ритка видела, как в ближайшую вышку у луговой тропы с громовым напевом бьют молнии, и сумасшедшая мысль посетила её: а что, если... И она не свернулась клубком на мокрой траве, переживая ненастье, а широко и свободно, подставляя дождю лицо, заспешила по еле приметной дорожке к дому.

– Вот сейчас и проверим, – вне себя от собственной храбрости думала она. – Вот сейчас и узнаем, какая я долгожительница, Хозяйка яблони... Чёт или нечет...

Молнии били в вышку, цветы, набегающие из-за горизонта, дышали мокрой свежестью, над сизой рекой клубился лёгкий дождевой туман, потом вдруг всё вокруг влажное, прохладное, омытое грозой, дрогнуло, и засияло золотом под благословенными лучами, пробившимися из-за облаков. Громовые напевы и сверкание молний прекратились, негромко шурша по листьям и цветам, пошёл просто слепой дождь, дождь при солнечном свете. Вымокнув до нитки, Ритка остановилась у края необъятных, уходящих вдаль лугов, смотря на небо: гроза не тронула её, Хозяйку яблони. Мостки через ручей, за которым начиналась Бежицкая околица, были мокрыми и скользкими, и она, осторожно ступая раскисшими танкетками, прошла по ним, на миг заглядев-

шись в мутную воду, и поспешила под затихающим дождём к дому.

Чёрный БМВ, омытый грозой, лаково сверкал у калитки, с резного крыльца сбежал высокий, светловолосый, излучающий Свет, Любовь, Жизнь.

– Здравствуй, зая...

Застыла, как вкопанная, позволила обнять себя, уткнулась лицом в грудь ему, вцепилась руками в погончики знакомой бежевой рубашки.

– Ты и не позвонил, что приедешь...

– Спонтанно получилось, зая, Ромку с Ольгой в санаторий отправил, в Железноводск...

Сад сиял под солнцем тысячу самоцветов прошедшей грозы, дышалось легко, свободно, радостно, и также легко и радостно чувствовала себя Ритка в колыбели знакомых рук, в звучании любимого голоса. Все заботы и печали исчезли в его волнах, осталась страсть, короткая и ослепительная, как молния. Осталась нежность после страсти, когда старый плюшевый диван в крохотном зале, казалось, гладил лиловым сумраком их раскинутые тела, остались невольные слёзы вдоль щёк после мгновений обладания, остались слова, как золотые монеты на дне, осталась любовь, затмевающая всё. Потом был кофе на маленькой уютной террасе, улыбка на любимых губах, и тоненькое, с синей искрой камня, колечко в горячей ладони, и единственный на свете голос: тебе, зая, сапфир, и холодноватая дрожь предощущения разлуки... Примерила кольцо на палец, поцеловала в рыжую родинку на щеке, всматриваясь в родное лицо.

– Буду думать, что обручальное, – бросила со смехом. – Буду думать, что однажды приедешь и навсегда останешься...

Расставание было коротким, терпким до слёз. В пробор поцеловал, шепнув: до встречи, Зая... И по чёрным от дождя ступеням – во двор, за калитку, к хищной морде новенькой «бехи»... Заплакала сдавленно, беззвучно, смотря сквозь слёзы на узорчатый кофейник, так и просидела, тихо плача, до поздней ночи, накинув тяжёлую шаль поверх лёгкой рубашки.

Ночь пришла в синем сверкании и лепечущих древесных тенях, в крохотных звёздах и столбах лунного света, пришла и заговорила ласково, успокаивающе, и за руку взяла, и в сон повела, как в тридевятое царство. Вихрастый белоголовый малыш был в том сне, бежал по дороге за разноцветным мячом. Не догнав мяч, развернулся резко и будто в душу посмотрел такими знакомыми пасмурными серыми глазами.

– Мой папка, мой! – крикнул и вдруг заревел навзрыд, размазывая слёзы по щекам. Потом Сергея увидела, Сергея, уходящего вдаль спокойными равномерными шагами, Сергея, путь к которому преграждал белоголовый пацанёнок,

выкрикивающий сквозь плач: – Мой папка! Не отдам!

Сон оставил после себя боль, которая растворилась ближе к полудню, и Ритка затеяла генеральную уборку, вытряхивая в саду тяжёлые туркменские ковры, обметая паутину по углам и надраивая до яичного блеска жёлтые полы. В три часа, по самому солнцу, пошла купаться на Болву, долго плавала в ледяной чёрно-серебряной воде, переплыла на тот берег и вновь оказалась у волшебной яблони. Несколько яблок, сияя боками, лежали в траве, у старого замшелого ствола.

– Стдания, – подумала она, вспомнив слова Полуденницы. – Яблоки тех, кто болеет и страдает...

Подобрав яблоки, долго вчитывалась в имена, вырезанные в золотой плоти: Антон, Мария, Елена, Евгений, затем бросила их в поющие струи Болвы, и стремительно перекрестилась. Золотобокие яблоки, поблёскивая тугими боками, поплыли вниз по течению и исчезли за поворотом.

– Вот так и становятся убийцами, – пробормотала, опустившись на траву, собирая в косу тяжёлые мокрые волосы. – Вот так и становятся...

– Ты от муки их освободила – шепнул ласковый солнечный голос совсем рядом. Полуденница присела возле, разметав подол травяного платья, сквозь который пробивался алый пушистый клевер.

– Елена и Евгений не ходили пару лет, лежали пластом, заживо гнили, у Антона – жаба грудная, у Марии – астма. Каждый день для них мукой был. Привыкай, Хозяйка, к своей службе...

Дрогнул воздух, пошёл хрустальными переживаниями, и исчезла Полуденница, и Ритка вновь – саженьками до родного берега, канареечный сарафан на мокрое тело, и – к дому, не разбирая тропы.

Весь вечер на крыльце с томиком Кристи просидела, ждала заветного звонка, вглядываясь в шафраново-розовое небо. Не позвонил, не смутил душу, не обрадовал, не позвонил и на следующий день, и через день. Будто в чёрном омуте очутилась Ритка, в чёрном, гиблом, беспросветном, куда там водам родной реки! С рынка субботнего шла, боясь в голос зареветь от одиночества, от вселенского сиротства, и Катю Заовражную встретила, бледную, худую, как смерть, в старушечьем платке и чёрной, в крапинках, юбке. Была Катюка первой красавицей округа, пока не вышла замуж за полуцыгана Алексея Аверьянова, и покрыла медноволосую голову цветастым платком, и началась её новая жизнь в пьяном доме Аверьяновых – с угарным самогонно-водочным весельем, с драками и побоями. За три года высохла Катюка, ссутилась, яркий и гордый взгляд её стал заискивающим, испуганным.

– Давно не видела тебя, Катя, – ласково-ободряюще сказала Ритка, примечая и жёлтый цвет лица, и чёрные тени под громадными зелёными глазами, и всю сутулую, тоскливую обречённость сгорбленной фигуры. – Как жизнь?

Дрогнули обмётанные губы, зелёные глаза, казалось, стали ещё больше, бесприютнее.

– С больницы я, Рит. В урологии лежала. По почке больной он меня ударил..

– Ты хоть заявила на урода?! – остервенела Ритка.

– Врачи заявили, участковый приходил – проговорила, как прошелестела измученная Катька.

– Не накажут его, ото всех откупится, у барона денег немеряно... У меня два выкидыша было... Устала я, Рит, – всхлипнула Катька.

– Так уходи от него! Уходи, пока не убил!

– Хуже будет, Рит, вернут. Вернут, у них – сила...

* * *

Натянув купальник и канареечный сарафан, вновь отправилась Ритка в луга, к реке, к Власовой будке и заветной яблоне. Солнце пекло по-африкански, над травой дрожала золотая дымка, было душно, безветренно, короткая кургузая тень бежала у самых ног. Сама Ритка глядела сердито, сосредоточенно, измышляя наказания для Катькиного мужа. Луг встретил жарким ласковым ветром, духмяной прелестью цветущих нагретых трав, река – черно-серебряной прохладой вод, жёлтыми кубышками в заводях. Река обняла её, как родную, и, казалось, сама понесла к заветному берегу.

Яблоня стояла не на опушке, а много ближе к берегу, у самой кромки песчаного пляжа, и золотыми лампочками горели на ветвях её жизни человеческие...

– Как же я его найду – мелькнула отчаянная мысль. – Как же я найду яблоко Алексея Аверьянова?

– Ты – Хозяйка яблони, – шепнул жаркий луговой ветер голосом Полуденницы. – Тебе – повелевать. Только прикажи...

Ритка зажмурилась, будто от наваждения, погладила корявый ствол, проговорила, будто пропела:

– Жизнь и судьба Алексея Аверьянова – пади в мои руки!

С вершины сорвалось глянцевое, краснобокое яблоко, Ритка подхватила его у самой земли, стиснула в кулаке, потом к глазам поднесла, вчитываясь в знакомое имя, засмеялась зло и с размаху бросила в чёрно-серебряные струи, озорно пропев: «Ехали цыгане с ярмарки, ой, остановились под яблонькой».

До вечера провалялась на речном песке, изредка сбегая в тень волшебной яблони, выплетая

венки из ромашек и тысячелистника. Мимо чинно проходили косари, ребяшня, смеясь, проезжала на велосипедах, но никто не замечал дивную яблоню и Ритку, растянувшуюся под ней.

– Не видят, – ликующе думала Ритка, прикусывая тонкий стебель тимофеевки и вглядываясь в сахарно-белые горы облаков сквозь позолоченные ветви. – Меня не видят. В другом мире я. В мире яблони жизни-смерти.

Возвращалась поздно, по лугам, кое-где уже покрытым душистыми копами, и просторно и радостно было на душе, словно не человеческую жизнь оборвала она, а чудом невиданным одарила Бежицкую окраину, и месяц апельсиновой долькой освещал её путь к небу.

* * *

Алексея Аверьянова, неведомо как упавшего с железнодорожного моста, схоронили тихо, чинно, а дня через три после похорон стукнула калитка в Риткином палисаднике. Ритка, которая полола астры, выпрямилась, смахнула пот со лба, обернулась на стук. В дверях стояла мать Алексея Аверьянова, вся в чёрном, длинном, с распухшим от слёз лицом, и с дремучей тёмной ненавистью смотрела на Ритку.

«Как же её? – лихорадочно думала Ритка, разглядывая женщину, наполовину помешавшуюся от горя. – Нина, Нонна... И она не цыганка. Цыган – отец Романа, а она... с Белоруссии, кажется, черт...»

– Лукавого поминаешь, – медленно, будто вращая камни, проговорила гостья, не сводя ненавидящих глаз с Ритки. – Мальчика моего убила, и лукавого поминаешь...

Ритка сплюнула в сторону, стаскивая с рук испачканные перчатки, не желая спрашивать, откуда знает пришедшая о бремени её.

– Мальчик жену смертным боем бил. Два выкидыша, отбитые почки. Ты где тогда была, свекровь-раскрасавица?

– Мальчика моего убила, – повторила Нонна, тяжело покачиваясь, будто во сне, цепляясь за ободранный штакетник. – Сделаю я тебе... думаешь, Хозяйкой яблони стала, так всё можно? Не боюсь я тебя...

– А я – тебя, – сквозь зубы процедила Ритка, скрывая внезапную дрожь, ледяной волной плеснувшую вдоль позвоночника. Нонна отступила, закрыла за собой ветхую калитку, скорбно покачала головой.

– Нет, не тебе сделаю. Хахалю твоему, без которого тебе свет не мил. Землю будет зубами грызть, в небо выть. Сделаю...

Лёгкий шелест, мелькание длинного чёрного платья в жемчужном свете утра, и исчезла скорбная гостья, только остался в воздухе привкус невиданного горя и невиданной злобы.

– Принёс же чёрт, – потрясённо подумала Ритка, натягивая перчатки и вновь склоняясь над астрами. – И откуда-то знает про Яблоню...

* * *

Двухмесячный отпуск (Ритка работала в интернате для слабослышащих) подходил к концу, когда явился Сергей, бледный, будто погасший, с красными от бессонницы глазами, в серой мятой футболке, чужой, усталый. С печатью беды в глазах.

– Зая, у меня пацана оперировали, – ткнулся он обмётанными губами в её тёмные пряди. – Операция прошла, теперь химию назначили. Пацан у меня... – беспомощно пробормотал он, и вдруг зарыдал, сухо, страшно, прижав её к себе, уткнувшись лицом в аккуратный душистый прибор. – Кончилось всё, зая...

Обвилась вокруг него, к лицу прижала его сильные ладони, поцеловала по очереди...

– Ничего, ничего не кончилось, – зашептала, будто заговор творя, в любимое плечо. – Всё ещё будет, Серёженька. Всё хорошо будет!

Угловато и несмело, как чужой и нелюбимый, зашёл в дом, опустился на некрашенный табурет, закрыл лицо руками, закачался, как от боли. Боль высилась и ширилась, разрывая комнату, рушила ветхие стены в пожелтевших фотографиях, ломала крышу, устремлялась в небо. Тёмно и беззвёздно было внутри той боли, казалось, что глухая осенняя ночь покрыла всё вокруг.

– Наказание мне, – раздался полустон-полушёпот. – Наказание мне через пацана... за дела мои...

– Серёженька...

– И, главное, я же знал, что так будет! Знал, чувствовал, и не остановился! Закрутился... с тобой. А пацан...

Сухие рыдания рвали душу, под потолком билась полосатая рассерженная оса, время делалось тягучим, как мёд, как сон полуденный. В медленном его потоке накрыла на стол, поставила цветастые чашки, пузатый расписной чайник.

– Чаю, Серёженька...

Отнял руки от лица, взглянул прямо в душу красными воспалёнными страшными глазами, потемнел лицом.

– Если бы с тобой не закутил, и с деньгами теми проклятыми, – ничего бы не было... И пацан... не мучился... Отравы ты!

– Что ты говоришь, Серёженька!

– Окрутила ты меня, отравила собой... Пока мы здесь с тобой валялись, пацан там...

И снова рыдания, сухие и жуткие.

– Серёженька...

– Не приду больше. Не имею права. Всё с тобой забывал, всё... Не приду.

Звяканье чашки, торопливые шаги по ступе-

ням, по дорожке, хлопанье калитки. Не побежала, в ноги не кинулась, как в омут, вглядываясь в глубокое серебряно-зелёное зеркало на стене. В кресло забила, материнской шалью покрылась, и просидела до самых потёмок, вспоминая былое, лучшее, когда любима была и желанна...

– Мама, – шептала в подступающую темноту. – Ой, мамочка...

Ночь подступила, сбросила, как вуаль, мягкие пушистые сумерки, выложила небо мозаикой звёзд, залила окна густой синевой, и у порога улеглась урчащим сказочным зверем. Боль ворочалась в груди, а зверь трогал её своими лапами, как кошка – клубок, и от прикосновений тех легче становилось. Легче и теплее. Заснула далеко за полночь на старом плюшевом диване, и звёзды мигали над домом, и ночь мурлыкала у порога...

* * *

Утро встретило знобкими, прохладными объятиями. Встала, как из обморока, из сна дремучего и недоброго, в сад выбежала, поглядеть в последний раз на алые и розовые астры и циннии, густо-вишнёвые георгины, на яблони и сливы, отяжелевшие от плодов, на сам дом, маленький, бревенчатый, уютный, с ясно-синими окнами-глазами в узорчатых ресницах наличников. Родным всё было до дрожи, близким, даже старая кадка у сарая с вечной звездой на дне, даже красная садовая лейка на тропинке, даже боты мамины, войлочные боты с меховой опушкой, что сиротливо жалась к крыльцу.

Умылась, волосы в хвост завязала, напевая свою любимую «Чёрный ворон», окна в сад отворила (пусть вдоволь пьёт дом августовское лучистое тепло). Фотографии на стенах бережно протёрла, прошептала: «К вам, родные, дождитесь...» По-прежнему напевая «Ворона», шорты с футболкой натянула, и к заветной яблоне отправилась.

– Окрутила ты меня, отравила собой – слышалось от каждой былинки на пути, и она мотала головой, гася рыдания, и слёзы, словно солнечные капли, бежали по загорелым щекам.

– Ничего не кончилось, Серёженька, – шептала она, осторожно переходя говорливый, холодный ручей. – Ничего не кончилось. Ты просто не знаешь...

Облетающие сухие соцветия били её по ногам, облака, подсвеченные солнцем, тронутые глубокой бирюзой, держали над ней свой шатёр, а она всё бежала до заветной яблони на пороге живой трепещущей дубравы, до чёрно-серебряной излучины реки. Миновала обрыв, глотнула вольного тёплого ветра с горчинкой увядания, скинула шорты и майку и пошла ткать саженками речное полотно до другого берега. Мокрая, пронизанная августовским солнцем, взбежав на берег, к ябло-

не прильнула, которая ещё ближе оказалась, как будто надумала раздружиться с дубравой и отправиться вдоль реки своим путём. Откуда-то взялись слова, самые верные, самые правильные, заговорила Ритка с яблоней, глядя зелёные ладошки листьев, прижимая к лицу щекастые, налитые золотым светом яблоки. Долго говорила Ритка, глядя листья и яблоки, и про свекровь Катькину рассказывала, грозившую проклятием, и про Сергея, и про болезнь Ромкину, и стал гуще золотой свет, и листья-ладони смахнули с лица набегающие слёзы.

– И вот я придумала, – всхлипнула Ритка в последний раз. – Заменить Ромкино яблоко. Заменить своим. Я – Хозяйка яблони, то воля моя. Ведь можно так... А у тебя будет новая Хозяйка, ничуть не хуже. А я не боюсь. Отдай мне, мою жизнь, мою судьбу за жизнь Ромкину. Отдай... – и она ласково погладила яблоню по корявому стволу. С самой вершины сорвалось не красное, а лимонное, как юная луна, яблоко, и в колени её уткнулось доверчиво, тихо сияя именем её.

– Хозяйка, Хозяйка, – зашелестело всё вокруг.

Головой покачала, и, улыбнувшись чему-то своему, бросила медовый плод в чёрно-серебряные струи и растянулась под яблоней, будто в ожидании Чуда... Луг дышал прощальным августовским жаром, колебался воздух, сапфировое, в бежевых подпалинах облаков, смотрело сверху вечное небо, перечёркнутое пушистой тропой крохотного самолёта, тягучий смертный сон смежал вежды. Уходя в вечность, почуяла кисло-сладкий аромат розовой луговой клубники, угасающим взором приметила скло-

нившееся над ней тревожно-знойное лицо Полуденницы, руку её, тёплую, как солнечный луч, на лице почувствовала, шёпот, как шелест тальника, услышала: «Что ж ты так, Хозяйка, никого не спрося, жизнью своей распорядилась? Не отдам я тебя...».

* * *

Месяц минул со дня странной пропажи Ритки Пчельниковой, и сентябрь распустился во всей своей красе, пылая охрой и багрянцем, необычайно знойный и солнечный в нынешнем году. Сиротливым и тоскующим выглядел маленький Риткин дом, срывались с веток последние янтарные сливы, в низком палисаднике горели астры и георгины, и несколько раз окрестные кумушки машину возле дома видели, чёрную, глянцевою. Выходил из машины рослый, светловолосый, с глазами, как грозное небо, стучал и звал пропавшую, сидел на ветхой скамье в палисаднике, курил, всматриваясь в синие, как небесные колодца, окна... Месяц минул со дня исчезновения, и Катька Заовражная, перебравшаяся к матери, сон увидела, яркий, как отцветающий сад. Стояла она в том сне на белой болвинской круче, неподалёку от столетней дубравы, возле яблони, чьи ветки были усыпаны яблоками с именами человеческими. И Ритка пропавшая к ней шла, в сиянии полуденного воздуха, в платье из травы, пронизанном красными огоньками клевера, с лукошком ягод в руках, и улыбалась так светло, будто радость несказанную несла в груди...

– Прими бремя, власть великую, – солнечно шептала. – Хозяйкой стань. Хозяйкой яблони. Хозяйкой жизни и смерти...

Кири БАЯНОВ

Родился в 1981 году в г. Севастополь. Окончил ДонГУЭТ (факультет экономика предприятия). Рассказы начал писать в 20 лет. Есть публикации, автор книг стихов «Кто курит, тот поймет» и прозы «The way of Kawana», (2019 год).

МРАК

1

На черном полотне неба, как на зеркальном стекле колодца, отпечатались блестящие звезды. Еще не взошла луна. Над Нга'азимаром плавали клочья облаков.

На этот раз к паши было можно. Его пустили во дворец. Нидльспам, как всегда дежуривший у врат, провел его во внутренние покои, не намереваясь его покидать.

– Я с тобой, ведьмак. Велено, – сказал гном. – Не спрашивай ничего. Сам не знаю.

– А ты как сам, Нидльспам? Упился пивом после похода?

– Хо-хо! Я выдул бочонок, – хмыкнул он. – Сразу как пришли с караваном. Эти святоши только и делали, что молились и фыркали на меня. Здесь недолюбливают краснолюдов.

– Здесь хорошие люди. Они терпимы, Нидльспам. Терпимы даже к ведьмакам.

– Врешь, – прищуриваясь хохотнул гном. – Я был на воротах, когда тебя не пустили во дворец. Помнишь. Это ли благодарность за риггера. Тем более на помойке.

– Не будем о дурном, Нидльспам.

– И то верно. – Гном подтянулся, звякнув цепной рубахой. Она была ему так велика и так низка, что почти полностью прикрывала колени.

Нидльспам ударил себя в нагрудный щиток.

– Я лично приговорил один бочонок сразу и второй по приходу в кордегардию. Потом, в своих покоях я ужепил пурпурный бербер и водку.

Надрался так, что аж глаза наутро были, как у жмурика. Видел жмуриков, ведьмак? Вот. Эта заварушка с шифрами у старого озера в Импале порядком заставила подражать мои колени. Если бы не магик, даже не знаю, чтобы было. Струхнул бы! Сбежал. Как есть, сбежал бы! Дал ходу. Старые Боги не про меня. А Спящий вселился в Палу, и столько крови из нее вылилось.

– По большому счету, это были воды, Нидльспам.

– Ну, воды! Ну, тьфу! Как это было противно и неприглядно. У меня тогда-то и дала дрожь в коленки. А сколько свету и огоньков, и искр было! Целое светопреставление. И все в темноте. Кромешной темноте. А когда вы этот шифр с магиком раскололи, так в уши дало, что чуть было все перепонки не лопнули. Ну, пришли.

Баобдиль аль эфенди, в зеленом кафтане расшитом золотом и отороченном мехом степного волка ждал их поскребывая горлышко запыленной бутылочки из солидной батареи и него на поясе.

– Баобдиль!

– Ведьмак, друг мой!

– Рад, рад, Баобдиль. Сколько лет, сколько зим!

– Рад, мой друг! И я тоже рад. – Баобдиль обнял его вместо протянутой руки.

Он был толст и велик. Недостающий ведьмаку до пояса гном уступал ему всего лишь в пол головы, поэтому объятия Баобдила получились

низкими. Ведьмак похлопал его по спине, возвышаясь над ним в пол роста.

Баобдиль отстегнул с пояса склянку с зеленой жидкостью и приставил к лицу. По его широкому подбородку прошла рябь зеленоватого сияния.

– Это мое все! В этой склянке зелье от чумы. Оно сделало из меня самого богатого человека в Адраре и Нга’азиммаре! Сейчас, правда, оно бесполезно. Но, кто знает... А вдруг еще черная нагрянет. Так что я во всеоружии! Проходи. Паши тебя уже заждался. Как ты здесь очутился? Что привело? Неужто местная живность на помойке? Уже осведомлен о твоих деяниях, друг мой, уже. И о походе под Импала. И о шифрах! Они всегда были нестабильны. Эта магия очень опасна. Но кто-то рассеял их по свету. Кто знает кто! Может сами Старые Боги. Ну будет. Уже собрались. Тебя ожидаем только. Входи, входи. Нидльспам закрой дверь.

Гном, дотянувшись до ручек двери в тронный зал, потянул их на себя, захлопывая тяжелые створки.

К его удивлению, Истреда среди собравшихся не оказалось. И это даже немного разочаровало его, а последние событий под Карапаном, сблизили их настолько, что он начал даже считать его приятным в компании.

Аль Хазред сидел в красных и пурпурных подушках, обшитых золотом. Его небольшой альков, заваленный зелеными и синими тюфяками с красными и пурпурными подушками никак нельзя было назвать тронном. И все же он восседал в них, как царь.

Пахло соленьями и морской капустой. В больших серебряных блюдах кружком обставленных вокруг паши блестели квашенные баклажаны с красным сладким перцем, соленые огурцы и корнишоны, каперсы и фасоль, соленые стручки спаржи и лебеды, червячки пророщенной сои и соленая брокколи. Мелкие соленые и квашенные помидоры: желтые, красные и черные. Были даже в отдалении среди головней рассольного сыра и брынзы зеленые. Ломился стол и от обилия персиков и хурмы. Их желтые и ворсистые плоды были выложены рядами один под другим на высоких этажерках в тисовых чашах. А венчал все высокий конус из наставленных друг на друга бокалов, по которым было разлито розовое вино.

– Присаживайтесь, – сказал паша. – Пока нет царицы, я наместник в Нга’азиммаре и на подлежащих халифату территориях. Меня пока не возвели в сан халифа, но я надеюсь скоро это исправят. А посему, пока я не он, местом рядом со мной можно похвастаться разве что в кабаке.

– Не преуменьшайте своей значимости, ваше высочество. – Баобдиль сел первым, хватаясь руками за фасоль, и отпивая из кубка пива.

Ведьмак присел между Баобдилем и Нидльспамом. Еще трое людей уселись на подушки паши, среди которых Ди с радостью узнал Нобара и без радости того, кого видел на рынке. Третий ничем особо не отличался от последнего: такая же черная маска на лице, такие же черные кожаные латы и две сабли за плечами, сложенные крест-накрест. На каждой из них горела в узле рукояток белая жемчужина.

Черные розы умели создать о себе впечатление. И за это в первую очередь говорила их амуниция.

– Знакомьтесь. Нобар, – сказал паша.

– Мы уже знакомы, – изучая двоих в масках, сказал ведьмак. – Хотя быть может, не все его знают.

– Вижу в первый раз, – щуря морщинистые веки, расхохотался Нидльспам.

Аль Хазред потер руку от хурмы о подол белой рубашки расшитой золотом.

– Галь и Врер. Мои гости в Нга’азиммаре.

Галь, высокий, стройный брюнет, так же, как и его брат по ремеслу, Врер, смиренно сидя на красной подушке, низко кивнул.

Врер, виденный им на рынке, остался неподвижен.

– Мое почтение, люди востока и люди запада, – сказал высокий из черных роз. По глазам и овалу лица было видно, что под маской скрывается красивое лицо. – Наши дела в Зарфхаане требуют немедленного разрешения, но мы прибыли в Кувей, в столь прекрасный замок и пользуемся гостеприимством уважаемого паши, только для того, чтобы помочь в его делах. У нас есть свои интересы в них, но все, на что мы можем рассчитывать – скромные атрибуты милости и гостеприимства вашего города. Черные розы... приветствуют вас.

Галь, сложил руки в знак Хеб, кладя их на открытые колени. Ничего не случилось. Медальон ведьмака даже не дрогнул.

Нидльспам потер бороду, дотягиваясь до каперсов и фасоли. Взял пучок зелени и кубок с вином.

– Нидльспам, – представил Аль Хазред гнома. – Его друг и соратник ведьмак. Их деяния уже известны и барды складывают о них рифмы в Аль Кабара, самом значном месте всего Зарфхаана. Уважаемый Баобдиль, чьи деяния не менее знамениты. Человек избавивший нас от черной смерти. О нем также известно и самых отдаленных уголках Большой земли. Он принес избавление от чумы всему Мурну на своем воздушном корабле. Начнем разговор. – Паша приблизил к губам бокал с вином. – Не буду ходить вокруг да около. Мы собираем экспедицию в лабиринты под замком. Это не исследовательская миссия. Скорее спасательная. Но стоит также

принимать во внимание, что многое зависит от силы и ловкости. Это экспедиция предполагает военное вмешательство. Но в силу специфики предприятия, мы не можем послать большой отряд. Если бы все было так легко, мы бы вооружили царскую ставку и послали бы туда солдат. Но лабиринт таит в себе много опасностей и ловушек. Мы не знаем всего, что там происходит. Много веков уже никто туда не спускался. Это строение было возведено под замком скорее, как злая насмешка Ибн Хасан Мухарагди, древнего правителя Нга'азиммара. Он не отличался большим здравым смыслом и милостью. Впрочем, не будем погружаться в истории о правителях. Достаточно того, что лабиринт есть. И он опасен.

– Что во имя бороды Двеллина нам там понадобилось?! – Нидльспам надкусил хурму, стирая сок с бороды.

– Хиоспа, – сказал Галь из-под маски, – королева Зарфхаана и Назга'Хазмара, будучи в изгнании заключила в него свою младшую сестру Беренику. Наша задача помочь властям и вызволить ее оттуда.

– А причем здесь вы? – хрюкнул гном, сморкаясь в ладонь. – Что надо черным розам в Нга'азиммаре?

– Простите его, – поспешил извиниться паша. – Гномы не отличаются большой дипломатией. Они суровый и простой народ.

– Все в порядке, ваша милость, – поспешил Галь, преспокойно глядя на них. – Я отвечу за своих людей. Если кто-либо совершит проступок или несправедливо обойдется по отношению к вам, он будет тут же наказан. На месте, как гласит наш устав. Я беру шефство над своими людьми, и по всем вопросам касающихся Черных роз, говорить стоит со мной. Наш интерес в этом деле заключается в мирном разрешении конфликта, и скорейшей немилости или даже казни Хиоспы. Мы вынуждены так поступить, потому, добрый гном, что нас тяготит ее присутствие. Во внешней политике она проявляет крайнюю степень безрассудства по отношению к своему народу, и даже презрение. Она заручилась поддержкой многих королевств и стран, не взирая на контрибуции, которые они накладывают на торговлю и политику Зарфхаана. Она самая распутная и недостойная правительница своей отчины. Черные розы, получив заказ на ее убийство, тем не менее отдают предпочтение мирному разрешению конфликта. Будет лучше, если ее признают недостойной правления и снимут с нее все обязательства вне зависимости от нашего контракта. Я ответил на твой вопрос, добрый гном?

– Хиоспа без колебаний убила своего брата, – поддержал Галя Хазред, – юного принца Катилину. Ему было шестнадцать лет, и он готовился взойти на трон. Хиоспа отчаянно понимая, что

бразды правления перейдут в руки юного Катилины, решила на убийство. Своей собственной кровью, плоть от плоти. Катилина не успел отпраздновать свою шестнадцатую луну.

– Чертовы недоноски, – буркнул гном. – Все короли и королевы, принцессы и князьки. Мерзавцы и подонки, все как один. И эта Хиоспа – курва!

– Мужа Береники проткнули кинжалами на всеобщей молитве, когда он с детьми возвращался из мечети, – сказал Аль Хазред, опуская глаза. – Ему нанесли тридцать две раны. Младшего сына проткнули мечом, а пятилетнюю дочь ударили об стену, и она скончалась. Таковы деяния Хиоспы. Беренику схватили, и Хиоспа поместила ее в лабиринт.

– Поэтому, – поднося бокал к губам, сказал ведьмак, – вы хотите нанять нас. Чтобы убить Хиоспу...

– Нет, – паша быстро заморгал, поглаживая подбородок. – Вовсе нет. Хиоспа в изгнании. Она лучше всех понимает, что ей здесь не рады. И захватить власть в свои руки ей не удастся. О ней позаботятся ассасины империи. И даже если их миссия не увенчается успехом, Хиоспа проклята быть не у дел.

– Ваша светлость хочет, чтобы мы вызволили Беренику, – произнес Баобдиль, сидевший до этого молча. – Но мои микстуры и химикаты, вряд ли могут что-то поделать с тем, что нам предстоит там встретить.

– Не преуменьшайте своего значения, Баобдиль. Ваши микстуры и припарки сослужат Зарфхаану хорошую службу. В этом походе все необходимо. Даже ваши алхимические препараты. У вас есть порошок заживляющий раны и куча эликсиров, которые как кровь необходимы ведьмаку и нашим людям. Политическая ситуация в империи оставляет желать лучшего. Дом Хаширади и Мухарбхади поддерживают правящую власть, тогда как дом...

– Простите... Простите, Хазред, – вмешался Ди. – Можно сразу перейти к делу. И у меня вопрос к Галю. Вернее, к его подданному. При чем здесь Ри?

– Кто? – переспросил паша. – А, уважаемая магесса. Она...

– Она здесь не причем, – перебил пашу Врер, глядя на ведьмака своими черными, как маслины глазами. – Простите меня, мой друг. Я сказал так, чтобы привлечь ваше внимание. Мне это удалось. Теперь стало время раскрыть карты.

Ведмак заметно расслабился.

– И еще, – Врер, смущаясь под маской, поправил черный платок на лице. – Я думаю, мне стоит извиниться еще и за то, что я назвал ее непристойным словом, которое могло вас обидеть. Не сомневаюсь, что так и было. Меня это-

му слову научили в Аль Кабара, местном кабаке Нга'азиммара, когда я спросил, как обращаться к леди...

Нидльспам хлопнул в ладоши, хихикая в усы. Хрюкнул, сплюнул в ладонь и шумно высморкался в плевательницу.

– На этом все, – сказал паша. – Если взаимные любезности окончены, перейдем к делу.

– Да, – крикнул гном. – Давно уже пора. Мои руки чешутся кого-нибудь прикончить, а топор залежался. С какими бестиями мы там встретимся?

– В основном там вас подстерегают механические ловушки. Но есть также и оттиги...

– Псевдориггеры, – сказал ведьмак. – Это удивительно лабиринт грязное место. Насколько мне известно, он затоплен канализационными водами. Но для оттига нужна крупная еда...

– Ее там хватает, – заметил паша. – Разлив реки приносит в канализацию крупных карпов и щук. Там полно еды для риггеров. Вдобавок под замком водятся шестифутовые псевдокрысы. Они настолько жирные и откормленные, что оттигу не составляет труда ловить их в канализации, спрятавшись под воду. Будьте осторожны везде, где есть вода. Этих существ там очень много.

– Ведьмак не протянет один, – вставил Нидльспам. – Всех оттигов не перебить. Вдобавок он ранен.

– Именно поэтому, нам понадобятся мечи остальных, – ответил паша.

– Как вы видите мое участие в этой кампании?

– А вы, уважаемый Баобдиль, исполните свой гражданский долг...

– Как ручка? – хекнул гном, наклоняясь к ведьмаку.

– Нормалек.

– Поэтому, уважаемый Баобдиль, ваша задача обеспечить группу всем необходимым. По их просьбе, конечно, – закончил паша.

– Тысяча чертей и сука преисподней, – протянул Нидльспам. – Мы будем сражаться, как звери, ради какой-то девки?

– Это принцесса, – сказал паша.

– Мы будем сражаться, – подсказывая, выхватил из-за пояса топор, потрясая им гном. – За девку принцессу. Слышал, ведьмак! Я раскрою черепа этим юдовищам, клянусь бородой Двеллина! За все время, что я тут, еще не доводилось так славно повеселиться! Мы будем крошить, бить, резать и кромсать! Ведьмак, покажи свой меч!

– Это необязательно, – вставил Аль Хазред, чопорно запивая каперс.

Галь вынул из складок туники кинжал, протягивая его гному.

– Прими, доблестный гном, подарок от Черных роз.

Врер сделал тоже самое, протягивая свой ведьмаку.

– Я заколю им парочку риггеров во имя вашего бога! – довольно крикнул Нидльспам.

– У нас нет Бога. Наш бог – это тень, – сказал Галь, – туман и Баб-эль-Мандеб – наша крепость здесь, в Эльдаре. Ворота скорби.

Ведьмак спрятал кинжал, кивнув Вреру.

– Выходит миссия спасительная, – повернулся он к Аль Хазреду. – Но вы должны знать, паша. Что ничто в этом мире не гарантировано. Ничто не имеет гарантий.

– Это очень страшная истина, – вымолвил Аль Хазред, глядя на него. – Я предпочитаю не замечать ее, ведьмак, и верю, что кое-что в этом мире все же имеет гарантии. Не все в нем прах. А что в нем для тебя?

– Честь, совесть и благо, которое для того, чтобы им распорядились те, кто достоин, паша.

– Благо зачастую там, где власть, ведьмак. А она не так уж чиста.

– Не все этом мире благо деньги...

– Но все в нем, подчинено им.

– Это всего лишь мнение.

– И как и любое мнение, – закончил паша, – оно условно. Будьте храбры и да поможет вам бог.

– Ну, – глядя на вставшего над ним Нобара, буркнул гном. – Быстро.

Монах положил два пальца ему на широкий морщинистый лоб.

– Да прибудет с вами благословение Темных глаз. Во имя Аллоды и Кампеста, темных глаз Абруха...

– Прошу, – сказал Галь, низко опуская голову.

Нобар сделал те же манипуляции, что с гномом, подходя к следующему из Черных роз.

Ведьмак тоже преклонил голову.

– Спасибо, паша, – сказал он, глядя ему в глаза. – Вы очень мудрый и внимательный собеседник. Надеюсь, Береника все еще жива...

– Хочу надеяться тоже, – уронил паша. – Ведь припасов в лабиринте под замком совсем нет. ее поместили туда, надеясь на голодную смерть или обезвоживание.

– Обезвоживание не грозит, – сказал ведьмак.

– Будет хлебать из канавы, – ляпнул гном. – Саки и помои. Что поделать, не помирать же.

– Очень надеюсь, – откашлялся паша, выправляя белую мантию. – Очень надеюсь, Нидльспам, что принцесса пересилит себя. В этом сомневаются мои подданные и вассалы, но я верю, что у нее хватит силы остаться в живых. Так или иначе, выбор у нее невелик.

– Будем надеяться, ваше высочество, – повернулся Баобдиль. – Так или иначе, миссия наша ясна. Я тут же начну приготовления.

– В добрый путь друзья. Наша беседа окончена. Теперь слово вашим клинкам.

Галь, повернувшись к паши, сидя на подушке, низко поклонился.

– Добрый гном, – сказал Врер.

– Айо!

– Этот кинжал...

– Чего?

– Он отравлен, – вымолвил Галь, указывая пальцем на клинок за поясом краснолюда. – Поэтому... лучше всего...

– А чтоб вас, – сплюнул Нидльспам, выхватывая кинжал и расстегивая пояс. – Черные розы, черные мимозы... Что б ваш Баб! Это ж мой лучший пояс! Тьфу!..

– Ты забыл снять кольчугу, – посоветовал ведьмак, усмехаясь. – Это облегчит твой вес. И два бочонка пива с тебя Вреру за то, что он тебя предупредил.

– Ваш тоже, – сказал Галь, глядя на ведьмака из-под маски.

Гном, наблюдая за вытягивающимся лицом ведьмака, харкнул в ладонь, стянул пояс и расхохотался.

– С тебя два бочонка пурпура, ведьмак, – язвительно крикнул он. – За то, чтобы ты меня напоил до отказа. Я не буду сопротивляться...

2

Она пришла. В темном мареве, из сотканной туманом пелены. Лучистая и подсвеченная изнутри. Вошла осторожно, тихо, бесшумно ступая, плывя по комнате, словно призрак, привидение, а единственным звуком, выдававшим ее движение, был шорох накидки, прикасавшейся к голому телу. Наклонилась, прикоснулась, трепеща ленточками кипенной тафты.

Ведмак наблюдал за ней из-под опущенных ресниц. Он не пошевелился, даже не дрогнул. Девушка подпорхнула ближе, сбросила накидку, медленно, нерешительно оперлась коленом о край ложа. Осторожно поднялась на постель, легла на него, обхватила бедрами. Опираясь на напряженные руки, скользнула по его лицу волосами. Волосы пахли ромашкой. Решительно и как бы нетерпеливо наклонилась, коснулась сочком его века, щеки, губ. Он улыбнулся, медленно, осторожно, нежно взял ее руки в свои. Она выпрямилась, ускользя от его пальцев, лучистая, подсвеченная и от этого нечеткая в туманном отблеске зари. Он пошевелился, но она решительным нажимом обеих рук остановила его и легкими, но настойчивыми движениями бедер добила ответа.

Он ответил. Она уже не избегала его ласк, откинула голову, встряхнула волосами. Ее кожа была холодной и поразительно гладкой. Глаза, которые он увидел, когда она приблизила свое лицо к его, были огромными и темными, как глаза русалки.

Покачиваясь, он утонул в ромашковом море, а оно взбурлило и зашумело, потеряв покой.

3

– Вставай, соня, – открывая дверь, сказал Баобдиль.

– Нет, Баобдиль. Я не один...

– Ты абсолютно один. Со вчерашнего дня до сегодняшней ночи ты был абсолютно один в своих покоях.

– Но... она была здесь.

– Кто? Как ее зовут?

– Не знаю...

– Приснится же такое, – хмыкнул алхимик, открывая ставни. Большое желтое пятно на черном полотне неба, заглядывало внутрь его комнаты, распространяя призрачное свечение.

– Но она была тут. Со мной... Она пришла на заре и разделила со мной мое ложе...

– Нет здесь никого. И паша не посылал ни к кому наложниц. Мы абсолютно одни в замке. Вставай, фантазер.

Ди, немного расстроенный и сбитый с толку, приподнялся на локте в призрачном свете луны, ища на помятой постели ее следы.

– Вставай, Ди. Нобар и черные розы уже собрались в кордегардии. Ждем только тебя и гнома. Нидльспам принял вчера на грудь больше положенного. Его будет мучить крепкое похмелье. Надо бы его тоже растолкать.

– Баобдиль, – глядя алхимику в глаза, сказал ведьмак. – Она была здесь. Это не сон. А теперь ее нет. Никто не посылал наложниц. Замок закрыт для посторонних...

– Призрак? – вскинул брови маг, почесывая толстый нос. – Здесь?

– Я не вру, – продолжая смотреть на него, опершись на локоть, проговорил дамбир. – Ты меня знаешь.

Баобдиль остановился, серьезно глядя на него.

– Я не специалист по таким делам, Ди. Но я разужнаю, могла ли одна из наложниц отлучиться из гарема Аль Хазреда. Придется приплатить евнуху, чтобы добиться правды. Но сомневаюсь, что это так. Я верю тебе. Возможно... Хотя нет. Аль Кувей, замок не пользуется дурной славой и здесь не было замечено ни одного призрака...

– Может, не все знают о нем.

– Нет, такое бы стало известно уже давно, – Баобдиль наклонился к стулу, снимая и переда-

вая ему куртку. – Я поспрашиваю в гареме. Но, судя по всему, это должно быть что-то дурное. Я верю тебе. Жаль, – напыжился маг, – жаль, что наш поход уже начинается с такого. И ты... был с нею? Весь день?

– Я был с нею, – надевая куртку, отозвался он, – всего пару часов. А потом заснул. Не знаю... не знаю, Баобдиль. Мне казалось все таким реальным. Хотя и не все... ее тело. Сложно объяснить. Мне казалось, что я ее давно знаю. Что-то очень знакомое... Может быть, мне показалось...

– Ладно. Вставай. Идем. Это очень странно. Не забудь меч. Мы отправляемся сразу. Как только пополним свои запасы и нас обеспечат провиантом. Скоро полночь. Луна уже высоко. Странная ночь... Мне тоже снилось что-то нехорошее. Не могу вспомнить...

– Но я бы не сказал, что со мной приключилось что-то дурное, – надевая нарукавник и прищелкивая кнопки воротника, перекинул через плечо ножны ведьмак. – Я бы сказал даже приятное.

– Но что-то есть, – прищурился алхимик. – О чем ты не сказал?

– Нет, – покачал головой Ди, затягивая пряжки ремней и проверяя как выходят мечи, притороченные к пояснице. – Это все. Мне показалась она очень знакомой. Такое ощущение, Баб, будто я знал ее всегда. Что-то... что-то очень знакомое. Очень давно... Ты думаешь это странно?

Баобдиль приложил руку к подбородку, хмурясь.

– Не думаю. Хотя не к добру это, хорошего тоже мало. Ну, готов? Идем.

4

Врер, развалившись на кресле с верблюжьими шкурами, наполнял кубок бискайским. Нобар, привычно сидя в стороне, отпил из бокала пурпура. Поставил кувшин на стол.

Сборы, имевшие место в обширной трапезной, шли неторопливо. Принесли провиант. Галь разделил между пятью из шести в группе, кроме Баобдила, припасы. Они составили: две головни рассольного сыра, полкило сыровяленого мяса и вязанный мешочек сухарей. Три бурдюка воды и жестяную коробку сушеных фиников. Только они и две хурмы, которые предполагалось съесть сразу, представляли основной десерт, расположенный в рюкзаках поверх остальной снеди. Бурдюки с водой решено было положить на дно, и только по две фляги, разместить на поясе. Еще, помимо склянок Баобдила с эликсиром бодрости, на поясах решено было разместить по два мешочка с живительным порошком, заживляющем раны и три склянки от Баобдила: с экстрактом шандона, живительной водой и тремя унциями

лунного порошка, хорошего при серьезных травмах и переломах конечностей.

Казалось, все было предусмотрено. Но кое-чего не хватало.

Нидльспам, в сверкающих доспехах, злой и ворчливый, завалился в залу в сопровождении сногшибательной рыжекудрой зарфхаанки.

– Ксизм, – поспешил ее представить Баобдиль. – Моя поверенная и прекрасный боец. Она будет как нельзя кстати в нашем деле. Ксимз отлично владеет саблями и варит сногшибательные эликсиры. Она мой протеже. Дар знахарства ей достался от бабки. Скажи что-нибудь, моя милая. Как тебе наша группа?

Зархаанка обвела взглядом больших карих глаз всех присутствующих, задержавшись на Нобаре.

– Жрец? – произнесла Ксизм. – А он что будет делать? Выискивать колодцы с водой под Кувей? Асха'капала. У вэй!

– Прошу тебя, милая, – подпархивая к ней, пролепетал Баобдиль, что с его весом было сделать практически невозможно. – Не стоит недооценивать сил темных глаз. Вдобавок его благословения имеют несравнимую силу для будущих схваток. Я сам убедился в этом, будучи в караване при одном из них.

– Кауч! Нихола аугх, у вей!

Баобдиль раскраснелся как помидор.

– Не ругайся, милая. Она просто чудо, правда, господи? Немного трудности с языком. Но она говорит на всеобщем.

Нобар, меланхолично наливая в бокал пурпура, осушил его и приторочил боевой молот себе на пояс.

– У него по-прежнему шифр, – сказал Баобдиль, – и он им распоряжается по своему усмотрению. Распоряжение первосвященника...

Нобар повязал синюю повязку на лоб и подросил шифр, прошептав заклинание. Осколок камешка величиной с большой золотой обол, повис над его макушкой, распространяя желтое сияние и двигаясь вместе с ним, над его головой.

Ксизм повела бровями, встряхивая рыжими косами.

– У вей, престо, престо кабал! Кабал аль хасур! У вей, ме престо!

– Она восхищена, – перевел Баобдиль, широко улыбаясь.

Сияние, исходящее от жреца, наполнило весь зал и в трапезной стало гораздо светлей.

– Она говорит, не понадобятся даже факелы, – добавил, улыбаясь алхимик.

– И то верно, – бросил со своего места Врер. – Не хотелось еще тащить на себе факелы.

– Ну парочку, все-таки надо взять, – заметил ведьмак, наполняя рюкзак. – Что нас ждет под замком, Баб? Кто-нибудь знает? Галь?

– Я знаю не больше твоего, ведьмак. – Черная роза приторочил на пояс кинжал.

В золотой инкрустации, он казался дорогой игрушкой нежелезным оружием. Но тем не менее был им. Ведьмак знал.

– Мы выходим под лабиринт во внутренних покоях Кувей, под самым нижним этажом, – сказал он. – Это на сто футов ниже уровня земли, под внутренней библиотекой.

Нидльспам, схватив со стола кувшин с пурпуром, опрокинул его одним махом, вытирая усы и бороду.

– Старый вход в подземелье, – повернув голову, сказал Врер. – Им до сих пор никто не пользовался, но он сохранился в хорошем качестве. Из библиотеки легко попасть на нижний уровень. Там и начнется наше путешествие.

– Операция обещает быть не из легких, – вздохнул Баобдиль. – Следует придерживаться карт. Ингимар, главный библиотекарь выдал мне то, что нашел на складах в их скриптории. Они поношены и стары, но вроде бы самые точные.

Нидльспам отрыгнул.

– Точнеханькие, – дотягиваясь до второго сосуда, сказал он.

Ксизм, опережая его, схватила со стола кувшин и жадно осушила его, бурно отрыгнула на весь зал, постукивая себе кулаком в грудь. Нидльспам, похлопал ее по цепной юбке. Ксизм широко разулыбалась ему.

– Еще по одному, дорогуша?

Зарфхаанка, покашливая в кулак, отрицательно покачала головой.

– И так не плохо.

– Потихонечко, Нидль, – окликнул его Галь. – Спуск уже скоро. Ровно в полночь мы войдем в лабиринт. Время. Очень важно...

– Да уж, – протянул гном, – зарфхаанской царевине уж надоело, видать, хлебать помой и отходы. Надоть проявить жалость.

5

На нижнем этаже под библиотекой было богато убрано красными коврами с рисунками желтого карпа. Попадались витиеватые рисунки и ручной орнамент. По-прежнему было много книжных полок и жаровен.

В маленьком зале с красным ковром, куда они вышли, стояла большая клепсидра.

– Это оно, – глядя в провал отъехавшей плиты, сказал Галь.

Нидльспам, выглядывая из-за юбки Ксизм, крикнул, таращась в черноту проема.

– Ну. Где там лампочка? – пропуская вперед жреца, скрипнул гном.

Нобар, пройдя к отворившемуся зеву лабиринта, остановился.

– Лучше будет взять факелы, – сказал монах.

– Все факелы у зарфхаанки, – повернулся Врер.

– Выдели-ка парочку, Кси.

Зарфхаанка взглянула на ведьмака, но промолчала, копаясь в сумке.

– У меня шкурный вопрос, – сверкая бахтерцом в свете зажженных факелов, прокрипел Нидльспам. – Кто идет первым?

– Лучше будет, если мы, – вмешался Галь.

– Тяжеловооруженные в первую очередь, – распорядился Баобдиль.

Ксимз, закидывая сумку за плечи, откинула рыжие косы, заплетая их в узел, и двинулась к входу. На ней уже сверкала, глухо отдавая ржавыми всполохами, выдавшая виды кираса. Вместо кожаных наручей, красовались стальные. Цепная юбка, поблескивая на ее рыжем пике и красно-рыжей рубашке, зашуршала, бряцая кольцами. Ксизм, высоко держа факел, ступила во тьму.

– Давай, Нидль, – подбодрил краснолюда ведьмак.

Гном что-то ворча себе под нос, плюнул на руки, растирая сардельки и достал из-за пояса топор.

За ним, мягко пружиня на кожаных сабо, скрылись Врер и Галь.

– Я иду в середине, – останавливая его, сказал Нобар. – Так будет больше света.

Ди, пропуская его вперед, задержался, глядя на клепсидру и пылающие красным полотном ковры в зале.

– Попытаемся держаться вместе, – шепнул Баобдиль. – Сколько путей, столько и карт. Но сомневаюсь, что им можно верить. Старые карты были украдены. Это копии.

– Обнадеживающе, Баб.

– Будем верить, – вздохнул алхимик, протираясь в узкий для него проход. – Грош двери, замку цена копейка...

– Хотелось бы знать, зачем Хиоспа похитила карты...

– Это же очевидно, Ди.

– Не думаю, что все так уж очевидно.

– Типун тебе на язык, – проталкиваясь вперед, бросил маг. – Потери есть?

Нидльспам заворчал шутке, глядя на улыбающуюся Ксизм.

– Ну и темень! Айо, будь проклята моя борода, – крикнул гном. – Что будем делать, если лампочка на твоей башке потухнет?

Нобар накинуд капюшон синей мантии, снимая с пояса молот. Шифр, искрясь над его головой, засверкал, разгораясь еще больше.

– И капает еще что-то, – поднимая голову, поймал огромную каплю прямо в бороду краснолюд. – Айо! Что это за дерьмо?

– Осадки.

– Да чем здесь... Чем здесь так воняет?! Айо!

– Канализация, – сказал из-под повязки Галь.

– Не ори так, Нидль, – шепнул ему на ухо ведьмак. – Здесь кроме нас риггеры, шестифутовые крысы и может быть еще кто-то...

– Айо! Само собой. Мой топор истосковался по крови, а руки чешутся. Я буду как мышь, ведьмак. Как хочется уже снести кому-нибудь бошку! Ада... я тих, тих, как кипарис. Ведьмак? Мы же уже скоро кому-нибудь несем бошку? А, ведьмак?

– Баб, – шепнул он, когда они остались с алхимиком наедине. – Что на счет моей просьбы? Ты узнал?

– Да, я поспрашивал, Ди. Никто из наложниц не покидал своих покоев, а в замке из женщин только кривая ключница и толстобрюхая прачка. Не думаешь ли ты, что они являлись тебе во сне?

– Это всегда обидно, да?

– Что?

– Думать о том, что кто-то превосходит тебя. В красоте особенно. Для кривой ключницы и толстой до безобразия прачки...

– Перестань, Ди. Ты можешь сейчас думать об этом?

– Всегда думаю о тех, кто несчастней меня.

– Забудь. У тебя добрая душа. Так что? Считаешь кто-то еще мог заявиться к тебе? Больше никого в замке из женщин нет. Посторонним вход воспрещен...

– Это плохо, Баб, плохо.

– Да уж, – не глядя на него, проговорил Баобдиль. – Думаешь, тебе нужна помощь?

– Пока не знаю.

– Возможно, потом будет поздно. Эх, жаль я не рассказал об этом визирю. Он бы проконсультировался у квалифицированных магов.

– В вашем городе сейчас только один...

– Истред? Он уехал, Ди. Какие-то срочные дела. К тому же прихватил с собой жричку. Говорят, что-то не поделил с советом. Да ты же все знаешь! Кому я рассказываю...

– Не знал. Он уехал? Так скоро...

– Да. Прихватил жричку. Говорят, с ребенком. На кой они ему? Или я чего-то не знаю?

– Или, Баб. Или...

– Что конкретно?

– Дела его. Не много, не мало.

– Ладно. Идем.

Они шли. Сквозь тьму, пригибаясь в низких проходах, чувствуя сырость и затхлость коридоров, слабый поток воздуха, несущий с собой одор гнили и мрази, спертый запах мочи. В нижних проходах, он стал непереносимей и тяжелей. Когда они выбрались на второй ярус, Баобдиль остановил группу, сверяясь с картами. Решено

было сделать привал. Первый за все долгие часы розысков и выискиваний.

Поиск в нижнем лабиринте не дал результатов. Спустя какое-то время они двинулись дальше, прочесывая все закоулки и ответвления главного хода. Результат оказался тоже неутешительным.

– Так я и знал! – хлопнул по карте маг.

– Что? – Галь повернулся, загораживая алхимика от крысы.

Шестифутовый мохнатый гигант, ползая по днищу имплювия, в затоке натекшей из труб воды, даже не повернул к ним морды.

– Ее здесь нет! – фыркнул Баобдиль. – Нет Береники. Придется спускаться под первые два яруса. Вглубь. Там еще три яруса. Лабиринт там обширней и опасней, чем первые верхние. Многое не нанесено на карту...

Ди, наблюдая за уплетающей брыкающегося леща, отфыркивающейся и показывающей черный нос из воды крысой, убрал руку от оголовка меча.

– Что будем делать?

– Нечего делать, – наконец сдался маг. – Пойдем вниз. Будем также прочесывать ходы. Врер будет разоружать ловушки. У него это прекрасно получалось до сих пор.

Черная роза потер напульсник левой руки. На нем был до сих пор отчетливо виден след от ожога кислотой.

– Ты будешь отмечать мелом главный ход, – вручая ведьмаку мел, прошуршал камзол маг. – Еще клубок на всякий случай, для тебя, моя милая.

Ксизм протянула руку в латах, беря когтями латной перчатки пестрый клубок шерстяной нити из рук Баобдила.

– Будешь дублировать все отметки. На всякий случай. Протянем нить по главному ходу лабиринта от начала до конца. Будем останавливаться на распутье и дожидаться пока поисковая партия из ведьмака, Галя и Врера, не проверит ответвления. Мне с вами как-то спокойнее. Нобар. Тоже можешь войти в поисковую группу по желанию.

– Да, – сказал ведьмак. – Нам с ним будет как-то спокойнее.

– Что ж решено. Нобар, ты как? Пойдешь с ними?

Монах меланхолично пожал плечами.

– Я так думаю – это “да”. Что ж, отправляемся немедленно. Ди, – сказал волшебник, когда они проходили в глубину темного лаза по одному, спускаясь по лестнице, ведущей в катакомбы. – Там внизу будь осторожнее. Я предупредил всех. Ты последний...

– А что, Баб? Что?..

– Скрипты и святыни. Но не это скверное. Они построены в честь старых богов. Поэтому

никогда не знаешь, чего от них ждать. Не знаешь, что сделает та или иная. Но пуше всего, что в недрах Кувей скрыта святыня Махарабхараты. Это основатель Нга'азиммара. Где-то глубоко в лабиринтах, если верить летописям лежит его вотчина и место покаяния. Святая святынь его брэнной жизни и великого наследия. Махарабхарата не славился безгрешной и непорочной жизнью. Поэтому святыня принадлежит темным богам. Это их сокровенное место. Будь осторожен. Скверно, если мы потревожим их покой. Они пребывали в нем долгие годы. Тысячелетия... Насколько я знаю темных старых богов, они были куда, как изошрены на вред и напасти. Всяк, кто встречал их святыни, сходил с ума либо трогался умом. Сейчас это особенно важно. И твой призрак обретаёт плоть. Если она часть всей этой головоломки, то дела плохи, Ди. Нам нужно быть как можно осторожнее...

– Скверные новости, Баб. Постараюсь не впутывать вас в...

– Не пори чушь! Мы уже впутаны. Были сразу, как только паши отдал приказ. Береника наверняка напугана и истощена от жажды. Бедная девочка.

Нобар поднял руку, останавливая группу. Тьма сгустилась, стояла непроницаемой стеной. Свет от его головы и двух факелов в руках Галя и Ксизм, распространялся не больше, чем на шесть футов.

– В чем дело?

– Дальше идти нельзя, – сказал монах.

– Что значит нельзя? – фыркнул Баобдиль. – Что это значит? Мы здесь для того, чтобы как раз идти. И пойдем, невзирая на препятствия и помехи!

– Нельзя, – медленно сказал Нобар, – с таким светом.

– Он прав, Баобдиль, – одернул мага Ди. – Мы не можем себе позволить даже увидеть лица друг друга, не говоря уже о дороге. Мне приходится пользоваться факелом Галя, чтобы сделать отметки на стенах...

– Чушь! Зажгите больше факелов.

– Трудно будет дышать. Здесь нет вентиляции, – поднимая голову, сказал Галь, ловя черной повязкой маслянистый свет факелов и капли стоков, конденсирующихся под потолком. – Что-то закупоривает весь воздух. Нет проветриваемых помещений. Все трудней дышать.

– Что ты предлагаешь?

– Не я здесь отдаю приказы.

– Что предлагаешь, Нобар?

Монах не ответил.

– Ди?

– Я думаю, меньше факелов больше магии.

– Но мои знания лежат вне способности творить свет, – признался Баобдиль. – Мне стыдно.

Я всегда пренебрегал этими заклетьями в угоду эликсиров и декоктов. Сказать по правде, я вообще не умею ничего, кроме алхимии, а эта наука весьма специфична в отличие от распространенной магии. Ты же знаешь, Ди... я могу только кинуть пару флэймов, чтобы они погорели какое-то время. Но это все, на что я способен...

– Я попытаюсь...

Ведьмак сложил пальцы знаком Хель, приготовившись произнести заклятье, но в этом уже не было нужды.

Нобар, стоя низко опустил капюшон над руками, которые невидимо производили какие-то пассы в широких складках рукавов, шептал заклинание в пол голоса. Почти неслышно. Его грудной шепот глухо отдавался в коридоре от мокрых стен, в катакомбах темного лаза.

Исходящий сиянием осколок над его головой задымился, источая кусочки сизого пламени и флер искорок, подернулся сизой дымкой, растворяясь в накрывшем синюю накидку жреца голубом тумане желтоватый свет, превратив его в сплошной нечеткий сизый комок.

Из пятна вокруг монаха, оскальзывая в лоскутках синего тумана, выскользнули сразу несколько сиреневых шаров, повисая над головами Галя и Врера. Ксизм вздрогнула, приседая и оборачиваясь вверх на повисший над ней сизоголубой сгусток сиреневого света. Так же причудливо курящийся и облизывающий ее волосы.

– Шлок так эшлал... элохим...

Нобар повернулся, беря с воздуха у себя над головой осколок шифра. Свечение постепенно покидало его накидку. Но теперь горел свет, хоть и сиренево-голубоватый. Было видно далеко стены лабиринта, искрящиеся влагой потеки, дитчи и трубы, сочащиеся водой.

Лабиринт теперь не казался таким мрачным и недружелюбным.

Ксимз, распутывая клубок, шла последней. Передней гном и Нобар, освещая своим сиренево-голубым шаром поверхность стен и пола. Баобдиль с ведьмаком шли в середине, неслышно переговариваясь. Врер, то и дело приседая над полом, прислушивался и присматривался. Время от времени, следя за тем, чтобы группа обходила тот или иной участок кладки, вооруженный ловушками. Галь, вынув из ножен сабли, следил за водой в затоках и тупиках серебрящейся под сиренево-голубым светом, словно стальная зыбь, – перекатывающаяся от выпрыгивающих время от времени на поверхность карпов и лещей, купающихся в душе из льющей из-под свода воды, в небольших родничках и водопадаках, шующих из приоткрытых ртов больших каменных глифов и отверстий дитчей. Неотрывно наблюдал за пенящейся и бурлящей водой.

– Я что-то вижу... Ведьмак.

– Что? Что там, Галь?

– Пока не могу точно сказать. Неотчетливо видно. Плохо... плохо видно. Нужно больше света.

– Что? Что там?

– Пока не видим, Баобдиль.

– Я пойду.

– Это опасно, Галь. Ты не пойдешь в одиночку.

– Я с вами. – Ксизм вынула из-за пояса булаву, сверкая латами.

– Будет больше света.

– Да, ведьмак. Пойдем втроем. Ксизм, идешь заключающей.

– Поняла.

– Я первым.

– Пойдем вместе, Галь. А-то у меня дурное предчувствие.

– Проход широкий, – поворачиваясь к нему, сказал черная роза. – Хватит места.

Они тронулись.

– Ты видишь что-нибудь?

– Пока смутно. Вижу фигуру... кажется, она стоит.

– Бросим факел.

– Давай, ведьмак! – выглянула из-за их спин Ксизм.

– Я бы не спешил на вашем месте. Кто бы он или она ни был, может испугаться. А потом лови его по лабиринтам. Мне лично не улыбается погоня по катакомбам. Эй!.. Эй, ты меня слышишь?

– Похоже он тебя не слышит...

– Мы не причиним тебе вреда... Слышишь?.. Если ты что-то свистнул, нам все равно... Эй! Да что ты, глухой что ли? Эй там?! Эй...

– Я бросаю...

– Давай!

Факел зашуршал по камню, подскакивая и переворачиваясь, разбрасывая снопы искр.

– У-у-у!

На них, выкатив глаза, как шары, смотрел подвешенный за шею труп. Уже порядком разложившийся. Из оголенной кости носа, свисали ленты зеленой слизи.

– Ох!.. Ну и воняет же!

– Ведьмак, дай шандон. Быстрее!

Шандон, предназначенный Баобдилем для того, чтобы не прели ноги в кирзе и сапогах, а для Нидльспама, чтобы еще и не пахли, был сильным парфюмерным средством.

Галь размахнувшись, разбил флакон прямо под ногами висельника. Поднялся сильный сладкий запах с привкусом апельсинов и пурпура, забывая прель и миазмы разлагающегося тела.

Ксизм прикрыла кончиками громоздкой латной перчатки носик.

– Что там? Что там у вас?

Подоспевший Баобдиль, первым прошмыгнул между Ксизм и ведьмаком.

– Нашли труп, Баб. Судя по отличительным знакам, один из солдат Хиоспы. Видимо, бедняга сопротивлялся или высказал несогласие с заключением Береники в лабиринт. А может еще что-то... Может добычу не поделили. Здесь, я смотрю, много урн. Врер выудил из такой одной целую уйму золота. Диадемы, кольца, перстни, колье, серьги... Полно.

– Мы не грабители...

– Я тоже ему так сказал, но он предпочел кое-что оставить себе. И я, признаться, тоже...

Ксизм, заинтересованно глядя в урну около покойника, выудила золотую диадемку, примеряя ее себе на кудри, повернула под ослепительной вспышкой магического светлячка.

– Ди, – Баобдиль показал Ксизм кулак. – Ну, что вы творите?..

– Так, – протянул Врер, – значит, побои из-за добычи можно исключить. Иди глянь, ведьмак. В урне полно добра. Как и во всех остальных.

– Можно. Тогда что?

– Может, и вправду, задушили из-за прекословия? – подал голос гном. – А что? Бывает... С этой курвой, Хиоспой еще не то бывает. Вот, видал я надясь, четыре года назад, как она...

– Будем так думать, – вмешался Баобдиль, поглядывая на тянущуюся из носа трупа слизь. – Гляди, Ди. Это необычно. Такой слизи быть недолжно. Видимо, его чем-то накачали, прежде чем повесить...

– Я с вашего позволения, глядеть на это не буду, – крикнул гном, отворачиваясь.

– Как странно, – поддевая палочкой выделения, промурлыкал Баобдиль. – Так не должно быть. Мне кажется, это мавризенская курара. После нее сильные отеки и выделения. После смерти.

– Да, – растирая в перчатках слизь, поднес к носу ведьмак. – Похоже на то...

– По пять оболочек ее можно приобрести на любом из макаламских рынков. Я думаю, она была завезена и в Зарфхаан.

– Возможно... возможно так и есть. Ух!.. Характерный запах, если не принимать во внимание трупный яд...

– Не будем задерживаться. Здесь полно работы для судмедэкспертов, а для нас главное, что он был отравлен... А вот и следы укуса. Мавризенская гадюка. Или это укол...

– Судя по ране, это не укус. Видимо он наткнулся на одну из ловушек.

– Будем знать, что они здесь есть. Врер?

– Я слышал.

– У нас есть первоклассный вор, – разулыбался Баобдиль. – Черные розы первоклассные воры и ассасины. Нам повезло с двумя из них.

– Мое почтение работать в такой партии, как эта, милсдарь Эфенди. Черные розы славятся своими ассасинами. Но в не меньшем почете у них и такие первоклассные авантюристы, как мой друг и компаньон.

Врер выпрямился, сияя в лучах пурпурно-голубых шаров над головами Галя и Ксизм. Его собственный, вращаясь словно миниатюрная планета с маленькими пузырьками-спутниками, источая сизое синие, заполыхал.

– Связи слабые, – сказал Нобар. – Скоро придется обновлять заклинания. На Черных розах это особенно отражается. У вас повышенная сопротивляемость магии на клеточном уровне. Мне нужно будет обновить ваши глобулы.

– Чего? – переспросила Ксизм.

– Шары, – пояснил Баобдиль. – Те что у вас над головой. Решено, Ди. Свет идет перед! Береника уже заждалась нас. Хоть кого-нибудь. Бедная девочка. Врер.

– Сию минуту, сир. Я уже начал. Отойдите все. Мне нужно время и пространство. Здесь я вижу две ловушки. Ведьмак, иди сюда. Будешь мне подавать инструменты. Готов?

– Да.

– Я начинаю...

6

Камера, куда они зашли после бесплодных поисков была шире и просторней прежних. В темноте не было видно стен и края комнаты. Зеленая стеклянная мозаика мелко блестела по ширине всего пола, где касался свет пурпурных шаров над головами черных роз и Ксизм. Поблескивали саркофаги из желтого камня, – изрезанные прихотливой монументальной крупной резьбой, блестели орнаментом и сотами желтого камня, как кракле на песке широкие грузные крышки, поднимался пар от воды в затоках и по ободку вокруг огромной стеллы, пюпитра из камня, разложенного в форме книги.

Была и сама книга на одной створке. Тяжелый дубовый фолиант из дощечек и промасленной кожи. Буквы на фронтисписе и внутри книги почти стерлись. Многое прочесть было невозможно. Но том хорошо сохранился. Блестел и переливался металлическими застежками.

– Махабхарата, – шепнул Баобдиль, водя носом-картошкой прямо внутри открытого фолианта. – Мы нашли...

– Нашли? Что мы нашли, Баб?

– Нашли его усыпальницу...

– Клянусь Воротами Скорби, – прошептал Галь, – мне здесь не нравится...

– Хреновое место, – буркнул гном, почесывая топором бригантину под кольчугой. – Ты как считаешь, дорогуша.

Ксизм, шевеля бровями, медленно и расчетливо кивнула, молча изучая большие каменные плиты с письменами на стене, которую удалось обнаружить за саркофагом в центре, немного отпряла, продолжая читать.

Язык был зарфхаанским, но старым, с древним наречием.

Гном, звучно обтесывая края поблескивающего в полумгле топора о бригантину, валандался без дела, наконец остановившись рядом с ней и задрав голову. Стелла, казалось, прилепленная к широкому гранитному квадрату, держалось намертво. Ксизм повела факелом, приблизив лицо к плите, свет коснулся соседней, выделяя из тьмы еще множество. Ведьмак насчитал целых девять подобных. Одна в одну. Только с разными письменами.

Баобдиль, все еще стоял, склонившись над книгой, изучая те крохи ее содержания, что оставило время.

– Что там, Кси?

– Здесь, – отпрядая от стеллы, прошептала зарфхаанка, – здесь... какое-то богохульство. Поношение всех известных старых богов. Во славу какого-то Е... Йеметта. И что-то о кризалисе – месте, колыбели будущего Бога...

– Тишина завораживает, – сказал Галь.

– И литии старым темным богам, – Ксизм придвинула лицо ближе к соседней плите, водя факелом над впечатанными в камень буквами, – крючками и загогуликами причудливого зарфхаанского письма. – Я думаю, не к добру. Здесь еще написано о Тьме. Будто это не зло, а потустороннее существо. И так будет сказано, – цитируя письмена, проговорила вслух Ксизм, читая скрижали, – я вышел из ниоткуда, и иду в никуда. Путь мой – путь всех смертных. По ту сторону только холод и мрак... Я буду купаться в лучах солнца и затмевать лучших из вас. Мое величие безмерно, как свет и холод вселенной. Я... тот, кто пришел с той стороны. Поклонитесь мне и плюньте на своих богов, окропите их кровью и выделениями вашими... Дальше хуже. Баракка мала! У вей! Сплошная непотребщина! Я не стану этого читать...

– Нужно, Кси. Мы должны знать с чем столкнулись. И чем больше мы узнаем, тем лучше.

– Язык очень сложный. Встречаются непонятные мне выражения.

– Давай, детка, – подбодрил ее краснолюд, щерясь из-за шлема.

Ксизм прикрыла половину надписей ладонью в латной перчатке, водя скрюченными, подогнутыми вовнутрь ногтями, словно стальными птичьими когтями по скрижали.

– Тьма есть не Тьма... а по ту сторону, что лежит... холод и мрак, – прошептала зарфхаанка. – И ты, что увидел Тьму, знай, что ты видишь

не Зло, но Мир. Он таков, потому что ты – ничтожен, а он... велик!

– Ну, детка. Читай! Что там еще за бес, что за тьма?

– Нидль...

– Я с этой Тьмой на раз! Р-р-раз, – махнул топором гном. В холодном пурпурном свете блеснула кромка.

– Спам!..

– Я вижу еще большую Тьму, – прочла Ксизм. – Ищу еще большей Тьмы. Молох гог Драмала. Ответь мне. Ответь... Нет! Нельзя! Нельзя дальше читать. Это заклинание...

– Что ж. Итак много. Галь, Нидль. Как вы?

– Я бы предпочел, – прошептал черная роза, – побыстрее отсюда убраться.

– Заметано! – Краснолюд шлепнул обухом топора по кольчуге. – Я только за!

– Не ори, Нидль. Ты мне обещал быть мышкой.

– Ойя! Как мышка ору.

– Зажгите жаровни, – распорядился Баобдиль, все еще стоя над книгой и вода низко опущенным носом в очках по страницам. – Больше света не повредит.

Шар над головой Ксизм и Врера, подернулся сизой дымкой и растаял. Стало значительно темней.

Свет от жаровен исправил ситуацию, но не слишком.

– Все еще мало света, – бурчал алхимик, перелистывая дощечки фолианта. – Здесь написаны интересные вещи, Ди... так-так, так... это интересно... О-о-очень интересно. Глава о Махабахрате и захоронении. Это летописи погребения. Я сейчас остановился на... Что это? Что за черт?! Куда подевался свет? Что вы там, баранки гнете? Ведьмак? – не поднимая носа из книги, пробубнил Баобдиль, подгалкивая сарделькой очки. – Ксизм, девочка моя, дай больше света. Кси...

Баобдиль выронил из рук ампулу с шандоном, оборачиваясь назад.

Мрак, глубокий, непроницаемый, мелко дрожа, клубился прямо перед его носом.

– Ди-и-и... Ди, что это?

– Не знаю, Баб. Лучше не двигайся.

– Я не двигаюсь... А надо?

– Лучше нет. Пока мы не пойдем...

– К оружию!..

– Что?

Врер выхватил саблю, сверкая кинжалом:

– Мы окружены, ведьмак! К оружию! К оружию!

Из мелко подрагивающего и низко клубящегося по полу мрака, из тьмы, мокро и влажно выпало щупальце. Потом другое. Как колбаса. Извиваясь и дрожа в двадцати шагах вынырнули из тьмы сразу десятки.

– Оттиги!

Галь, выхватив сабли, уже сошелся с одним из них. Теснясь к стене, опрокинул жаровню. Ведьмак резко и гладко обрубил первое щупальце. Оттиг, не давая ему отрубить второе, ухватил его за горло. Ди, теряя клинок, выхватил два поменьше, испещряя щупальце мелкими ударами. Превратившись в лохмотья, оно так же, как и предыдущее шлепнулось на пол.

Гном, орудуя топором, не давал сразу двум подойти с тыла. Одному из них удалось схватить его за ногу, что явилось потерей еще одной конечности. Топор гнома описал дугу, врезаюсь в мозаику пола. Прокатился звонкий гул. Стекла, дребезжа, сыпанули в стороны. Нидльспам, изловчившись, отрубил еще одно. Галь, прижатый к стене, начал таять! Таять на глазах. Его фигура вдруг размылась и стала нечеткой. Медальон ведьмака дернулся, задрожал. Ди взмахнул клинком, сшибая в запале сразу две конечности, поменьше и одно шишковидное щупальце на тонкой ножке, которое как огромное весло висело над круглым торосом оттига, непонятно для чего приспособленное. Галь, втиснутый в стену, исчезая на мгновение, яркой вспышкой появился над телом антропода, сзади, нанося один, но смертельный удар кинжалом. Маска на лице черной розы шевельнулась, поднимаясь и волнуясь в такт молниеносному движению, приоткрыла на мгновение его лицо.

Ксизм, со всего напора, колотила своего оттига булавой, что не приносило ему особых неудобств. Зашнурованная с ног до головы стрекательными щупальцами, взмахнула руками, теряя равновесие и накренилась, поддаваясь силе, с которой оттиг влек ее к своей разинутой пасти. Одно из щупалец побольше обвилось вокруг ее левой ноги, поднимая вверх. Нидльспам, куврыкаясь, подпрыгнул у самой пасти чудовища, рассеча ему щупальце. Оно все еще извиваясь и дрожа, колотилось на плитке пола. Ведьмак, погрузив меч по рукоятку в тело, мерзко и дурно шлепающее по камню, вынул его рывком, отражая выпад второго. Оттиг, вздрагивая и судорожно вспучивая скользкий белый живот, как кальмар, расплылся в луже дурно пахнущей на текшей из-под него белой жижи.

Ксизм вскрикнула.

Гном, в кураже, крикнул в ответ. Рассекая второе щупальце, перехватил топор обеими руками. Оттиг, хватая и поднимая за ноги Ксизм, выстрелил четвертым в гнома. Хватая сопротивляющегося краснолюда за ногу, поволок к себе.

Ведьмак, в три прыжка оказавшись рядом, отсек щупальце, оросившее его градом белой мразной жижи и хлопающее по полу, поволок за ноги Ксизм. Глотка оттига, наполовину про-

глотившая зарфхаанку, отпрыгнула Ксизм наружу. Ди, выкручивая щупальце, намотанное на гарду, резанул наискось, не целясь, высвободив клинок, ударил. Лезвие вошло без сопротивления.

Оттиг, барахтаясь и шлепая обрубками щупалец, повалился на спину, суча меленькими ножками и культей отростка на стрекательных железах. Расплылся как проколотый пузырь, поникнув сразу двумя веслоподобными отростками на тонких прутиках в жирном пузыреобразном теле, шлепнулся, поднялся снова и снова обрушился, вздрогнув и замерев.

Нидльспам отирал лицо Ксизм, заляпанное слезью и слюной антопода. Глевкая, белая жижа полностью облепила ее волосы, превратив в сосульки и прилепив к спине и плечам. На лице и голове, была сплошная пленка. Гном разорвал ее не без усилий, давай ей вздохнуть. Ксизм спазматически вздрогнула, хватая ртом воздух. Нидльспам разулыбался, похлопывая ее по спине.

– Вот так, детка.

– Где Нобар?

– Жрец? Не знаю. Не видел. Айо! Здесь их еще полно, ведьмак. Позаботься о малышке! А я трону еще пару бошек! Мой топор истосковался по орочей крови! Айо!

– Оно исчезло! Исчезло, Ди, – налетев на него, повалил Баобдиль.

– Что, Баб?

– То... та чернота. Тот Мрак. Его больше нет! Я свободен! Прости... А что стряслось. А откуда все... это? Это же... О, Боги, девочка моя! Как ты?

Ксизм кашлянула, кивая головой.

– Ведьмак. Помогите гному. Вы спасли мне жизнь.

– Потом, Кси. Все потом! Баб, будь здесь! А где...

Нобар, пятясь в своей синей махровой накидке, как огромная напыжившаяся птица, отступал шаг за шагом перед клубящимся комком черного дыма.

Мрак, сгущаясь все сильнее и сильнее, становился глубже и гуще, его большой клубок, перед которым отступал жрец, разрастался в размерах с геометрической прогрессией, невероятно быстро. И в один момент, все, – саркофаги, сражающиеся, дергающиеся тела оттигов, хватающие за конечности своими параподями и щупальцами, весь свет от жаровен, сами жаровни и вся комната, погрузились в непроницаемый густой мрак. Вспышка белого, до боли яркого света пронзила толщу тьмы, осветив все вокруг.

Она приближалась. Плавная и медлительная, мягкая и стройная. Тонкие узкие ручки и лицо искажало пространство, делало их нечеткими и подсвеченными изнутри.

Она шла.

Нобар стиснул ярко сверкающий шифр, отходя, пятясь в такт ее приближающихся шагов.

Она плыла. Тонкая и колышущаяся, подсвеченная изнутри, и от этого света нечеткая. Ведьмак стоял. Подняв меч, не знаю, не ведая, что будет делать, не в силах пошевелиться. Завороженный тем, что видит.

Она приблизилась.

Коснулась его лба.

Мириады, миллионы звезд. Развешенные в крошечной темноте, как причудливые светлячки в золотой, красной пыли.

Она смотрела. Смотрела на него, вглубь, своими темными глубокими ширококорсапахнутыми глазами. Словно знала, ведала, понимала, что он. Кто он. Что он видит.

– Как красиво!..

Баобдиль отполз, спотыкаясь, к Ксизм. Зарфхаанка, оцепенев, мелко подрагивала. Тряслась. Баобдиль обнял ее, не в силах ничем помочь. Прижал, крепко прихватив ее как медведь, облапив за спину. Трясся вместе с нею.

Миллионы, мириады миров, падающих в пустоту. Во Мрак. Миллионы, триллионы миров, неспешно плывущих во тьме. Тысячи тысяч звезд, пылающих золотой пылью. Червленной, как само пламя, поднимаясь тонкими лентами, распускалось огромным рыжим цветком. Плывущие в бесконечной глухой пустоте, приближающиеся к умирающей звезде.

– Ш-ш-шивальва, – шевельнулись бескровные губки.

Лицо изменилось, на него сверху пролился свет.

Она стояла.

Красивая. Улыбающаяся. От ромашкового видения, которым она была ночью, не осталось и следа. Теперь она сияла. Сияла во тьме, как призрак, видение. Но во плоти.

Нобар стиснул шифр, приближая руку к лицу. Его губы зашевелились. Из кончиков пальцев, которые сжимали шифр, заструился темный дым. Кольцами взвиваясь и чадя над его кистью, опутал всю руку. Черный дым, клубящийся от его руки, кольцами и мелкой бязью поднимался от части его лица, внизу у подбородка, заволок часть лба и наголо стриженную голову, собранный в крохотный пучок волос на макушке.

– Ведьмак! – Нидльспам разрубая опутавшее его за пояс щупальце, крикнул, взрываясь ревом.

Она стояла.

Касаясь его лба своими пальчиками. Над ним.

– Отходим! Отходим, едрит вашу!

– Нет! бьемся до конца.

– Чертей вам. Их не перебить всех! Прут и прут. Клянусь вашим сраной крепостью, я подожду тут! У меня уже не хватает сил держать

топор! Смотрите, что за дерьмо! Оно охмурило ведьмака. А он стоит как дурак и лыбится. Отходим!

– Нет! – кринул Нобар.

– Смотрите на него! Сам-то в драку не лезет. Смотрите, что за дерьмо. Везде эта мгла. Не видать уже ни черта. Я с трудом вижу свою бороду! Бо барад! Ку сум бар-р-ра! А что у нас? Два колдуна и ведьмак! Он не может даже шевельнуться. Убейте ее! Уберите ее от него! Клянусь бородой Дамнира, она ответит мне за это!

Нет притяжения, нет ничего. Тысячи тысяч миров неспешно падают в пустоту. Но это самое увлекательное путешествие. Самая горькая пилюля и самое унылое путешествие для тебя...

Молох гог Драмала, Повелитель Крыс, услышь меня. Услышь Тьму. Я ищу еще большей тьмы. Империя печали ждет тебя. Крикни еще раз, чтобы заполнить легион стона. Для тебя это самая горькая пилюля и самое унылое путешествие.

Звезды. Вспышка.

Ведьмак, стоя, нет упав на колени, стиснув зубы, дрожит.

Нидльспам, подлетев к возвышающейся над ним фигурке, не знал, не понимал, что делать. Но очень хотел. Ударил топором. Раз, другой. Впустую. Призрак не уходил, стоял трепеща ленточками кипенной тафты. Низко склонившись над обезображенным судорогой лицом ведьмака, разинул ротик.

Нидльспам, закрыл уши, вжал ладоши, катаясь по полу. По зале пронесся гул, шепот. И крик. Он стоял в тишине, ввинчивался в уши.

Миры, путешествующие по холоду, во мраке, в пустоте...

Но у каждого мира есть солнце. Многие из них погашены. Так будет и с вашим. Когда-то... ведьмак. Когда-то... но не сейчас. Не сейчас...

Она стояла, смотрела, как будто он знает, знает слова, те, что должен сказать, знает ответ, знает, что она хотела сказать, о чем не сказала.

– А Шивальва, – это был его голос. – Умирающая звезда...

Боль. Сильная, пронизывающая до костей, в костях, ломающая суставы, выворачивающая хрящи.

Тысячи, мириады звезд.

Снова боль.

– Ведьмак! Очнись! Очнись! – Нидльспам, пытаясь утихомирить его судороги, кричал ему в лицо. Но он уже не слышал, не слушал его. – Ди...

– ...очнись, – спокойно сказал Баобдиль. Его толстое лицо всплыло из небытия, оформилось из режущего глаза света. Нос картошкой пошевелился, раздувая широкие ноздри. Баобдиль улыбнулся над самым его лицом. Немного натя-

нуто. – Ди... Все хорошо? Лежи. Лежи, ведьмак. Пока твои ноги тебя не слушаются...

– Ноги... п... почему... не чувствую ног...

– Знаю, знаю. Все хорошо. Это временный паралич.

– А плохие... новости?

– Тебе удалось избежать анафилактического шока. Это хорошие новости, неправда ли? – похлопал его по жилету маг. – Нет смысла копаться в прошлом. Прошлого не вернуть. Цивилизации уходят, уходят великие культуры. Наше дело – жить. Кстати, мы нашли Беренику. Она немного поранена и хромает, но это не фатально. Береника, девочка моя, подойди. Скажи ведьмаку спасибо. Если бы не он, нас всех бы поглотил Мрак. У тебя получилось, Ди... Ты справился...

– Но я... но я ничего не...

Береника, ковыляя к нему из дальнего угла, где ее отпаивал эликсирами Врер и Галь, оскальзываясь и спотыкаясь, приблизилась к нему. Наклонилась. Ее светлые кудри, сосульками свисающие с расчехренного комка волос, коснулись его щек. Мокрые и влажные, как улитки.

– Спасибо, ведьмак. – Береника наклонилась ниже, в исчезающих лучах белого света, настолько белого, что казалось режет в глазах. И это последнее, что он видел.

7

Сиреневые кусты сирени, волнуясь в зеленой листве, плавно покачивались под ветром. И хотя было прохладно, теплый надушенный воздух, прогретый солнцем до полудня, носил в тени дворика мягкий саван лета. Кутал листья жасмина, слив и яблонь, густую серую тень от замковых стен.

Вдалеке мягко горело желтым, мягким светом заходящее солнце. И хотя его плавный неназойливый свет, казалось такой же прохладный, заливая северный фронтон замка, он совершенно ему не претил. Даже нравился. Нравилось солнце. Нравился сам закат.

Потопленные солнцем лиловые свечи сирени, мягко покачиваясь под ветром, тихо и безмятежно шелестели листьями. Уголок густой сочной травы, расстеленной ковром, на котором они стояли, ополаскивал мягкий свет прохладного солнца. Летний день пестрел зеленью в этом крохотном оазисе замкнутого замкового двора.

Нидльспам своими сардельками расшнуровывал корсет белой рубахи.

– Айо! Чайка бы сейчас!

Ксизм не ответила.

Ведьмак думал о том же. После затхлых темных подземелий Кувей, свежий ветер летнего

вечера, казался спасительной блажью и торжеством, праздником, которого так не хватало за все время их пребывания в Нга'азиммаре.

Аль Хазред, по обыкновению одетый в белые одеяния и Береника, в белой холщовой рубашке, подпоясанной корсетом с перебинтованной рубкой и ногой на леггинсах для конной езды, вышли из входа во дворик.

– Опять будет языком трепаться, – буркнул гном. – Мне бы сейчас два бочонка пива и мешок золота в придачу за все, что было...

За Береникой и Аль Хазредом как по мановению волшебной палочки, выплыли пажи, неся в руках сумки и кошель с золотом. У некоторых в руках был чай. Они чинно уложили добро перед каждым, кто стоял во дворе. Врер и Галь даже не взглянули на щедро набитые богатством сумки. Смотрели на Аль Хазреда и Беренику.

– Я тут же распоряджусь, чтобы Хиоспу передали суду, – сказала инфанта, грея руки о чашку. – А заодно и весь дом Аль Хассади. Мне поперек горла их потворство в политике неверным. А заодно и принца аль Хассади. Он мудака! Пейте, друзья. Пейте чай. После этих катакомб, свежий ветер на пользу. А с ветра так хочется пить чая.

– Айо! – крикнул гном, беря большую чашку с чаем из рук паж.

– Тебе я вижу тоже досталось не мало, Нидль.

– С ветру, – подшутила улыбающаяся Ксизм.

– Ойя!

Аль Хазред развел руки большого белого одеяния, как парус надувшегося под ветром.

– Наши друзья из Баб-эль-Мандеб, я вижу, удовлетворены.

– Да, ваше превосходительство. Моя королева, – Галь преклонил голову, поворачиваясь к инфанте.

Береника поспешила возложить на туго натянутую, небольшую чалму на его голове золотой венок.

– Благодарю, королева.

Инфанта сияла. Ее мышастого цвета блеклые волосы, теперь это было очевидно, плохо отмылись от нечистот и грязи. Над королевой предстала грандиозная работа пажам и матронам.

Береника взяла с вальспаровой подушечки еще одну диадему, подходя к ведьмаку.

Ди покачал головой.

– Не собираюсь отказываться от подарка, ваше высочество, но думаю кое-кто здесь достоин его больше...

Береника, весело наблюдая за его глазами, повернулась к зарфхаанке, ловко водружая вкекц на ее кудри. Ксизм, опомнившись в самый последний момент, протянула латную перчатку, трогая

птичьими когтями хрупкую золотую диадему, разулыбалась.

– Пейте чай, друзья, – сказала Береника. – В такой день и после того, что было, он согреет вас своим теплом. Хотите с мятой?

Нидльспам хотел.

Береника сама положила ему веточки зеленых махровых листьев в чай, размешав золотой ложечкой и вручила с царского подноса крендель.

– А фто, не флохо, – наяривая крендель, промурлыкал с набитым ртом гном. – Надо бы еще меду и фафлафы побольше!.. Пахлавы.

– Пахлаву для доблестного гнома! – хлопнула в ладоши Береника.

– Чай хорош. Хорош чаек! Ой-йя!

– Тебе бы только пузо набить, Нидль, – весело посетовал Баобдиль. – Благодарим ваше высочество. Чай прекрасен... в смысле хорош.

– Хорош чаек, – смахивая с бороды крошки, расхохотался гном.

– Да, – Баобдиль принял из рук Береники расшитый золотом кошель и сумки зелий.

Пажи, неся по двое большие коробки на жердях, поставили ковчеги на поляну.

– Это еще пол фунта липового чая и целая аптечка зелий, для тебя добрый хольд, – сказала Береника.

– Что такое “хольд”, – буркнул, наслаждаясь булкой Нидльспам.

– Потомок от смешанного брака гнома и человека, – шепнул ведьмак. – Кси, как тебе, чувствовать корону?

Зарфхаанка улыбалась, ничего не говоря.

Шатались свечки сирени на тонких прутиках, шелковые листья драцен и яблонь шевелились под ветром. Красило в желтый свет на закате солнце. Его блики отражались в стекле фронтонов и башенок замка, плясали на крышах и медных шпилях. Горели за горизонтом.

– Мудрые говорят, – вымолвил паша, – что тот, кто знает секрет бытия, умен и славен. Многие умы пытались решить их загадки. Но порой бывает, что загадки таковы потому, что мудрые в силу своей пошутили, оставив как украшения и безделушки. В них вся соль и весь юмор. Их юмор. Не понятный пытливым умам. Так выпьем же за то, чтобы в наших умах всегда было место украшениям...

– И хлуям, – вздевая кубок, опростал его гном.

– Что такое «хлуи»? – немного подождав, спросил тайком Аль Хазред.

Гном, растягивая удовольствие, потер бороду, требуя долить в кубок побольше пурпура.

– Шуткам, – сказал Нидельспам. – На нашем... Гномьем.

Олег СКРЫННИК

Родился в 1952 году в г. Кувандык (Оренбургская обл.). Живет в Оренбурге. Инженер-строитель. Закончил Оренбургский политехнический институт, работал преподавателем Оренбургского государственного университета. Первое стихотворение опубликовал в 1966 году в городской газете «Медногорский рабочий». Публиковался в областной молодежной газете «Комсомольское племя», в журналах «Молодая гвардия», «Союз писателей», «Российский колокол» и др. Автор свыше 15 книг стихов и прозы. Победитель 7-го фестиваля творчества инвалидов «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке» в номинации «Слово творит чудеса» (г. Оренбург, 2014). Победитель конкурса короткого рассказа «На пути к гармонии» (г. Гомель, Белоруссия, 2018). Закончил Курсы литературного мастерства А.В. Воронцова.

ТРИПТИХ

1

Скупая
Земля сухая
В подпалинах,
Как шкурка суслика.
Волнами дальние горы.
Чахлые тополя.
Зато какие —
О, мама! —
Знаешь, какие просторы!
Только небо
От края до края!
Столько неба
Дома у нас не бывает.
Глаз не хватает.
В башку не влезает!
Словно шар, изнутри распирает.
Руки раскинуть —
Эге-ге-ге-ей!
До свиданья, Земля!

Вверх и прямо.
И снова вверх.

— Ма-ма-а-а!..

За дверью железной смех.
В решетку дежурный сержант:
— Мамочку вспомнил,
Товарищ курсант?
Вот тебе мамка
В виде фанерной лопаты...

С черного неба белая манка
Сыплет и сыплет за ворот сырого бушлата.
Кирпич.
Забор.
Гауптвахты двор,
Весь состоящий из снежных гор.
Белые горы и там и тут
В черной ночи бесконечно растут.
По ним разбежаться...
Эх, если б смог!
Но вязнет в сугробе кирзОВый сапог.
«Надо же, как я промок!»

Снег валит и валит.
Не спится Вале.
«К поверке успел — не успел?»
Вроде хороший,
Да больно уж смел!
Ни парней не боится,

Задира!
 Ни крысы,
 Ни командира.
 Говорят, смелых любит удача...
 Так-то так.
 Ну, а если вот выйдет задача —
 К черту в зубы,
 Таранить танк...
 Сам ведь напросится первый, дурак.

Давит в ребро пружинной
 Старенькая кровать...
 Поздно.
 Надо бы спать:
 Вечером снова ждать...

Но от такого мужчины
 Сладко детей рожать.

«Господи!
 Что же такое
 Я себе говорю!
 Жизнь без минуты покоя
 Детям своим подарю?»

Едкой холодной слезинкой
 По переносице — страх.

Хлесткие льдинки-крупинки
 Путаются
 в фонарях.

* * *

Степь, в тюльпанах от края до края,
 Позолотела.
 МиГ-15, играя,
 След оставляет белый.
 Ладонью прикрывшись, мальчишки
 Смотрят вверх:
 — Красота!
 А командир на вышке
 Гневно орет:
 — Куда?!
 А из прозрачной кабины,
 Словно на карте, здесь
 Мира видать половину...

Вот бы увидеть весь!

Словно цветную лошадку,
 Шар земной оседлать...

Голос с земли:
 — На посадку!!!

Ой.
 Ну, зачем так орать.

Хрипло начальник дышит.
 Парня, того гляди, съест:
 — Кто разрешал тебе выше?
 Вновь захотел под арест?
 Изю всех сил старается
 Всыпать ему «по первое...»
 Глядь!
 А курсант — улыбается!
 Может,
 Он, правда, без нервов?
 Чувствуя, как не хватает
 Для «распекания» слов,
 Подумал: «Ох, наломает
 Этот, гляди, еще дров!»
 И, сморщив шутиливо нос:
 — Ты в космос хотел или как?
 Услышал встречный вопрос:
 — А что?
 Чем я хуже собак?

2

Из журнала классного —
 Гони «коль»!
 Поскорее двойки исправляем:
 На носу веселые каникулы.
 Вот уж в «клею» и «чижик» поиграем!

Шагаем в школу
 Сквозь лужи вброд.
 Вода под солнышком искрится.
 И видим: взрослый,
 Большой народ
 Чего-то нынче веселится.
 Идут, смеются,
 «Ура!» кричат.
 Чего случилось с вами, люди?
 Чего шумите,
 Как детский сад?
 У вас каникул ведь не будет.

Переобулись в кеды,
 Зашли в весенний класс.
 — Ребяточки! С победой
 Я поздравляю вас!
 Учительница белый
 В руках сломала мел
 И — в крик — не утерпела!
 — Наш!
 В космос полетел!
 И рты пораскрывала
 Мгновенно детвора...

А школа уж кричала:
 — Ура!

— Урраа!!
— Ура-а-а-а!

— По радио сказали,
Пока вы в школу шли,
Что лейтенант Гаранин
Слетал вокруг Земли...

Тут с «камчатки» Валерка Бухарин —
Ох, и тип!

Ему лишь бы перечить! —
Прокричал:
— А я слышал: «Гагарин»!
— Хочешь дурь свою увековечить?
— Ты с утра прополаскивал уши? —
На мальчишку противного гневно
«Сорвались» пионерские души...

— Продолжайте, Любовь Алексеевна!

— Всю Землю облетел он
И приземлиться смог.
Вот так!
А наше дело —
Начать скорей урок.

В тот день —
Тепло как летом...

Покинули мы парты.

«Заправлены в планшеты
Космические карты» --
Неслось во всех квартирах,
Лилось со всех столбов.
И каждый жаждал мира.
И каждый был готов
Хоть нынче
На скафандр сменить свою тужурку.
Осваивать планеты,
Строить города.
На всю страну разнесся крик:
— Вот это Юрка!..

Вот это да!..

В гагаринской улыбке — лодочкою губы.
И стало по земле нам радостно ходить.
Конечно, не дадим мы им в обиду Кубу!
Конечно, с каждым днем все лучше будем жить!

3

Какие-то ватные ноги...
Надо
Обязательно выше!

Что-то кричит Серегин...
Не слышу.
Какая-то круговерть,
Мельтешение карт.
Неужели смерть?..

Март.

Пахучая хвоя.
Лужицы талой воды...
Уйти от беды!
Нас ведь двое.
И все с собою:
Опыт, характер.
Машина. —
Как тот МиГ-15,
С которым всегда удавалось подняться
И удержаться.
Который не любит, как девка, ломаться —
Мужчина!
Которому можно верить, --
Многokrатно проверенный в деле...

Неужели смерть?
Неужели?

Надо тянуть.
Изо всех сил тянуть на себя. —
Нельзя обмануть
Тех, кто любит и ждет тебя...

Эхо над домами.
Тишина.

Генерал Каманин:
«Вся страна
Плачет вместе с нами.
Только понимать
Надо, что не может летчик не летать».

Эх, генерал!
Да кто б возражал...

Кто понимал?
Кто увидал
Сквозь слезы и нервы,
Сквозь тяжесть в груди,
Что наш номер первый —
И тут впереди.
Что близится скорый
Мучительный час.
Что Прага с укором
Взирает на нас.
Собой попирая
Зачавшийся день,
Из гор наползает

Усатая тень.
Хохочет над нами
В аду Вельзевул.
Торгует гробами
С начинкой Кабул.
Трещат автоматы
И ночью, и днем...

И мирный наш атом прополз в каждый дом.

И, словно астероиды, который год подряд
Обломки нашей Родины нам в голову летят.

* * *

На себя!
Но все ближе земля.
Какой замечательный лес!
Совсем не те жалкие,

Чахлые тополя,
Что растут, где впервые коснулся руля.
Лес
Вверх и вправо полез...
Не пускать!
Руками, ногами,
Зубами держать!
Ну, куда же ты!..

...мать!

Нас так просто не взять.
Еще чуть напрягусь.
Изогнусь...
Есть!
Прямо!..

...Я вернусь,
мама.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Родилась в 1960 году, коренная орловчанка. Доктор филологических наук, профессор, историк литературы, продолжатель традиций православного литературоведения, член Союза писателей России (Москва). Автор четырех монографий и свыше 500 опубликованных в России и за рубежом научных и художественно-публицистических работ о творчестве классиков мировой литературы.

За книгу «Христианский мир И.С. Тургенева» (издательство «Зерна-Слово», 2015) удостоена Золотого Диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь».

Удостоена награды «Бронзовый Витязь» на VII Международном Славянском Литературном форуме «Золотой Витязь» (октябрь, 2016) за статьи – исследования творчества Ф.М. Достоевского.

Лауреат премии журнала «Зарубежные записки» за 2014 год в номинации «Эссе. Литературная критика».

Лауреат премии журнала «Наш современник» за 2018 год в номинации «Литературная критика. Литературоведение».

Лауреат Всероссийской литературной премии

«Левша» имени Н.С. Лескова за 2020 год в номинации «Литературоведение. Литературная критика». Член Диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям «Русская литература», «Зарубежная литература» Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

Работы опубликованы во многих научно-популярных, общественно-литературных журналах.

ВРЕМЯ НАДЕЖД: Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Великий русский писатель-христианин Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881), отбывавшая каторгу и ссылку как «политический преступник» за участие в социалистическом кружке Петрашевского, в письмах к брату Михаилу выражал горячее желание продолжать литературное и публицистическое творчество. Так, в январе 1856 года Достоевский писал: «Я хочу писать и печатать. Более чем когда-нибудь я знаю, что я недаром вышел на эту дорогу и что я недаром буду бременить собою землю»¹; «я буду хлопотать о позволении печатать. Может быть,

я успею написать очень скоро одну статью о России, патриотическую» (15, 117).

Михаил Михайлович Достоевский (1820–1864) – беллетрист, поэт, переводчик, литературный критик – решил издавать журнал, в котором беспрепятственно мог бы публиковать свои произведения его брат – к тому времени уже хорошо известный в России писатель (роман в письмах «Бедные люди» (1845), повести «Двойник», «Белые ночи», «Неточка Незванова» и др.).

Именно М.М. Достоевский стал организатором, издателем и главным редактором журналов «Время»

(1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865). «Мысль его состояла в том, что нужен свежий литературный орган, независимый от обязательных журнальных преданий, вполне самостоятельный, чуждый партий, чуждый застарелых, преемственных и почти бессознательных антипатий, не поклоняющийся авторитетам и совершенно беспристрастный. С другой стороны, необходимо обращение к народности, к началам народным и возбуждение оторвавшегося от почвы общества к изучению народа нашего и к уверованию в правду основных начал его жизни» (11, 361), – так впоследствии Ф.М. Достоевский характеризовал в общих чертах программу журналов, открытых старшим братом.

После его смерти в статье «**Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском**» («Эпоха», 1864, № 6) писатель высоко оценил деятельность брата именно как издателя и редактора: «Всегда буквально заваленный работою по изданию, он сам писал в журнале мало; всего было только несколько статей его, в отделении критики. Те, которые упрекают редакторов в том, что они мало пишут и, стало быть, как бы пользуются чужими трудами, не понимают, что говорят. Если редактор действительно занимается сам своим журналом, то дух, цель, направление издания – всё исходит от него. Он мало-помалу неприметно окружает себя постоянными, согласными в убеждениях сотрудниками. Он, часто неприметно для самих сотрудников, наводит их на мысль писать именно о том, что надо журналу. От редактора исходит единство и целостность журнала» (11, 363–364).

М.М. Достоевский работал с полной самоотдачей: «Наблюдательность и вдумчивость в жизненные явления во многом обеспечивали его от ошибок и придавали всегдашнюю трезвость взгляду его. Он горячо, с страстным участием следил за движением современной общественной жизни и, сколько я помню, почти всегда составлял себе о нём точное мнение. Он был знаток европейских языков и литератур, много читал и всегда умел угадать то, что надо читателю и чем наиболее интересуется русский читатель в данный момент. Состав книжек журнала, выбор статей, выбор вопросов, о которых именно теперь нужно бы говорить и о чём журналу надо дать своё мнение. <...> Он лучше готов был выдать книгу совершенно без того или другого отдела, если на тот раз не имел, чем заместить его, чем наполнять журнал чем-нибудь и как-нибудь» (11, 362–365). Самоотверженный труд по изданию журналов – буквально до последнего вздоха – стал настоящим самопожертвованием главного редактора: «доктора предупреждали его об опасности; но он не хотел, несмотря на их приказания, перестать работать. Он занимался даже накануне смерти» (11, 365).

Журналы братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» – «с жаждой идеала и с потребностью нравственного убеждения» (11, 362) – были организованы и издавались в тот исторический период, когда Россия переживала подъём общественной жизни после кре-

стьянской реформы 1861 года – отмены крепостного права – и связанных с ней других реформ. В этих условиях происходило бурное развитие отечественной журналистики. В ней отражался мощный всплеск политических, социально-экономических, культурно-эстетических, иных позиций и мнений в их переплетении и полемическом заострении.

Настроения и волнения, идейно-эмоциональный накал той кипучей эпохи ярко выразились в воспоминаниях П.Н. Ткачёва, который, будучи 18-летним студентом, был заключён в Кронштадтскую крепость за участие в студенческих волнениях 1861 года, и впервые выступил в печати на страницах журнала «Время» в 1862 году. Это был «самый разгар того, всем памятного, так бурно начавшегося, так много надежд и иллюзий возбудившего и так внезапно и неожиданно прекратившегося периода нашего “общественного возрождения”, периода, когда каждый живой человек восчувствовал непреодолимую потребность как можно скорее “высказаться”, как можно скорее поделиться с своими ближними запасом мыслей и чувств, накопившихся в глубоких тайниках его души в тяжёлые, бесконечные дни его “обязательного молчания”»².

Русской журналистике верилось в неограниченность её собственных сил и возможностей по дальнейшему преобразованию жизни России. М.М. Достоевский «желал непрерывного усовершенствования журнала и верил в успех» (11, 365). Единомышленник братьев Достоевских, православный философ-почвенник, публицист и литературный критик журналов «Время» и «Эпоха» Н.Н. Страхов писал: «Это было именно время надежд и порываний. Все умы были в таком возбуждённом состоянии, всё пришло в такое брожение, что, по-видимому, могли совершиться самые невероятные вещи. Чувство действительности потерялось; казалось, чего мы захотим, то и сделаем»³.

Основательно забытые либо неизвестные страницы периодики того времени, той эпохи перекликаются с событиями сегодняшними и могли бы стать не просто любопытными, но весьма поучительными материалами в непростой ситуации эпохи нынешней.

Журнал «Время» был официально разрешён как «литературный и политический». Общая демократическая направленность издания выражала прежде всего дух горячего сочувствия простому народу, страдающему от угнетения, бесправия, вопиющего социального расслоения и неравенства в царской России.

Реформа 1861 года во многом носила грабительский характер, не облегчала жизнь крестьян, но окончательно их разоряла. Об этом с горькой иронией писал поэт Фёдор Берг в стихотворении «**Зайка**» («Время», 1862, № 12):

*Нынче мужички-то хорошо живут.
Нынче мужичкам-то волюшку дают.
Волюшку-свободу, волю-вольную,
Что на все иди четыре стороны...*

Русская жизнь после отмены крепостного права рисовалась совсем не в идиллических красках. Так, полон тоски заунывный тон, пессимистический смысл стихотворения Алексея Плещеева «Родное» («Время», 1862, № 8):

*Свесилась уныло
Над оврагом ива,
И всё дно оврага
Поросло крапивой.*

*В стороне могила
Сиротеет в поле:
Кто-то сам покончил
С горемычной долей!*

*Вон вдали чернеют,
Словно пни, избушки;
Не из той ли был он
Бедной дереvuшки?*

*Там, чай, труд да горе,
Горе без исхода...
И кругом такая
Скудная природа!*

*Рытвины да кочки,
Даль полей немая;
И летит над ними
С криком галок стая...*

*Надрывает сердце
Этот вид знакомый...
Грустно на чужбине,
Тяжело и дома!*

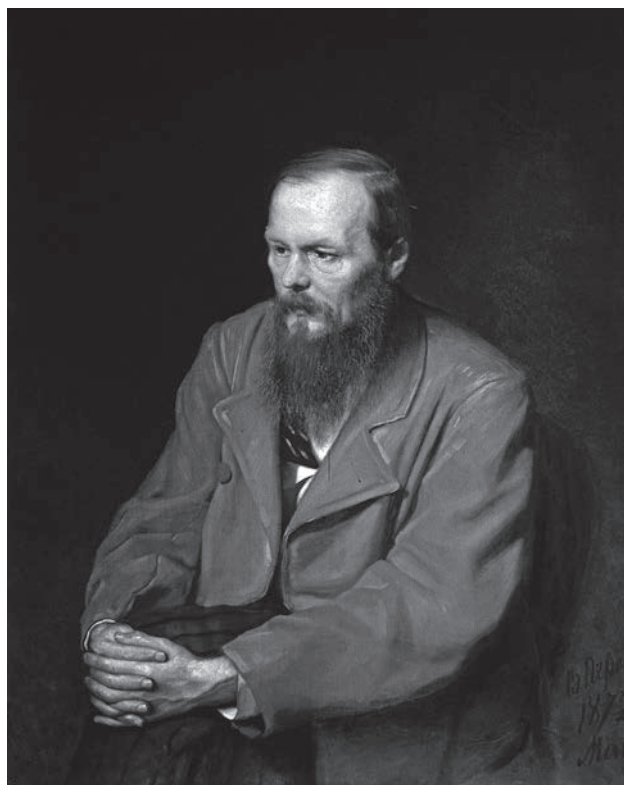
Поэтическим откликом на жизнь царской России явилось стихотворение Ф. Берга «В поле» («Время», 1862, № 9), которое поэт опубликовал с посвящением «Ф.М. Достоевскому». Кольцевая композиция этого произведения представляет собой горячую молитву о лучшей доле для истерзанной русской земли:

*Дай тебе Боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Как эти сёла, как эти поля
Крепко сроднились со мною...
<...>*

*Дай тебе Боже, родная земля,
Мудрых вождей и великих,
Чтобы не слышали эти поля
Криков проклятия диких,*

*Чтоб не лилась неповинная кровь,
Слёз неутешных не лилось –
Чтоб вековечно святая любовь
В грешных сердцах воцарилась!*

В журналах братьев Достоевских помещались также зарубежные политические обозрения. В 1861–

Василий Перов. Портрет Ф.М. Достоевского

1862 годах главное место в них занимала Италия, её борьба за независимость и объединение раздробленной страны. В особом фокусе внимания был лидер национально-освободительного движения Джузеппе Гарибальди, его незаурядная личность и роль в освобождении Италии от иноземного владычества. Подробно освещая «итальянский вопрос», «Время» в своём первом номере извещало о победоносном походе Гарибальди на север Италии: «Вся Европа следила за этим шествием с самым напряженным любопытством <...> И деловой человек, и государственный муж, и простой работник, и поэт – в то время принимались за своё дело не иначе как с мыслью: что-то делает Гарибальди? что он потом станет делать?» (3, 566).

Героический образ Гарибальди как символ восстания, протеста против угнетения нашёл своеобразное воплощение в творчестве Достоевского. В том же первом номере «Времени» писатель поместил фельетон «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861). Его герой – бедный, забытый, мелкий чиновник: «Ни протеста, ни голоса в нём никогда не бывало <...> Ходил мой чудак сгорбившись, смотрел в землю <...> наверное, на Невском никогда не являлось существа покорнее и безответнее <...> Дома у него была старая тётка, родившаяся с зубной болью и подвязанной щекой, и ворчунья жена, с шестерыми детьми. И когда все дома просили хлеба, рубашек и обуви, он сидел себе в уголку у печки, не отвечал ни слова, писал казённые бумаги или упорно молчал, опустил глаза в землю и что-то прищёптывая, как будто замаливал у Господа свои прегрешения» (3, 487).

Но покорное терпение внезапно закончилось совершенно неожиданным образом: «когда слёзы, попреки и терзанья дошли наконец до последней степени, бедняк вдруг поднял голову и <...> проговорил так странно, что его отвезли в сумасшедший дом. И могло же войти ему в голову, что он – Гарибальди!» (3, 488). Непозволительное в полицейско-бюрократической России «вольномыслие», которое всегда теплилось в душе «маленького человека» и которого сам же он пугался, вырвалось на поверхность в виде безумной идеи, «что он-то и есть Гарибальди, флибустьер и нарушитель естественного порядка вещей» (3, 488).

Так, в помешательстве на имени итальянского предводителя народного освободительного движения обнаружился глубоко затаённый протест русского человека против несправедливости, мечта об избавлении от социального гнёта и притеснений.

Ещё одна остроактуальная тема международных обозрений в журнале «Время» – война северных и южных штатов Америки за освобождение чернокожих невольников. В России эта тема воспринималась как жгуче злободневная, поскольку очевидным было сопоставление с подготовкой и проведением крестьянской реформы, призванной освободить народ от крепостнического рабства.

В то же время политические обозрения «Времени» справедливо вскрывали не только бессмысленную жестокость, но и своекорыстную сущность американской войны: «В Северной Америке резня продолжается с изумительным зверством и полнейшей бесполезностью... И вся эта ужасающая бойня людская, где каждый месяц у обеих воюющих сторон выбывает из строя по несколько десятков тысяч человек, убитых и раненых в двух-трёх сражениях, происходит из-за таможенных сборов, из-за денег, из-за барышей... Велика сила ваша, о барыши»⁴.

Меркантильные денежные интересы – основная пружина социально-политической жизни Франции, которая также была неизменной темой международных обозрений в журналах «Время» и «Эпоха»: «нынешнее поколение французов служит исключительно денежным интересам и дальше денег и помимо денег ничего не видит и видеть не хочет и, что всего плачевнее, кажется, потеряло способность видеть»⁵.

«Время» указывало на убожество «общественно-политической жизни во Франции и её замены торже-

ственно пышной риторикой речей, восхваляющих режим. <...> При помощи цензуры и полиции проводится систематический обман бедных граждан, которым внушается вера в великолепное политическое и экономическое положение страны, в её процветание, могущество и военные успехи. Между тем весь этот шум и декларации построены на сплошном обмане. <...> Итак, от принципов 1789 года ничего не осталось, забыты идеи революции 1848 года, конституция 1852 года поглощена диктатурой императора. У депутатов парламента, путём хитро организованных через префектов выборов, полицейского вмешательства и цензуры зажат рот, сенат полностью состоит из тех, кому выгоден существующий режим. Печать выражает лишь официальную точку зрения, общественное мнение задавлено цензурой и развернутой сетью шпионажа. <...> Огромны государственные долги, зато гремит военная слава, воздвигается триумфальная арка, идёт перестройка Парижа. Никто не выражает желаний, намерений, надежд»⁶. «Пока вы сохраняете эти порядки, откажитесь от чести управлять народом свободным. <...> всё молчит и не выступает наружу, благодаря заведённому порядку... Центр политики заключается в голове императора, он не даёт никому отчета, и французы ничего не знают, что их ожидает»⁷, – писал политический обозреватель журнала «Время» А. Разин.

Тему жизни Франции, которая явно отреклась от своих революционных идеалов *Liberté, égalité, fraternité* – свободы, равенства, братства, также подробно освещал Достоевский на основе личных наблюдений от своей заграничной поездки по странам Европы в очерках **«Зимние заметки о летних впечатлениях»** («Время», 1863, № 2–3). Писатель задавался вопросом: «Что такое *liberte*? Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать всё что угодно в пределах закона. Когда можно делать всё что угодно? Когда имеешь миллион. Даёт ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно» (4, 427). Но и до поры благоденствующий миллионер-буржуа «за благоденствие своё платит ужасно и всего боится, именно потому, что всего достиг. Когда всего достигаешь, тяжело становится всё потерять» (4, 432).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Достоевский Ф.М. Собр. соч. и писем: В 15 т. – Л.: Наука, 1988–1996. – Т. 15. – С. 111–112. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

²Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. – М., 1940. – С. 223–224.

³Страхов Н.Н. Воспоминания о Ф.М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. – СПб., 1883. – С. 195–196.

⁴Цит. по: Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». – М.: Наука, 1972. – С. 161.

⁵Там же. – С. 168.

⁶Там же. – С. 166–168.

⁷Там же. – С. 167–168.

Алексей УДАЛКИН

«Родился в городе Рузаевка, учился в РПТ (Рузаевский политехнический техникум). Сейчас работаю на железной дороге и параллельно учусь заочно на филфаке в МГУ. Публиковался на сайте стихи.ру».

МЕТЕТ МЕТЕЛЬ

СОНЕТ

Смотрю я в окна ледяные:
Мороз рисует мне узор,
Невольно ослепляя взор,
Скрывает образы немые.
И мысли талые, шальные...
Былой любви нелепый вздор,
Погасший, чувственный костер!
Я вспоминаю дни иные...

И словно призрак в мыслях ты:
Твой силуэт, шаги, черты,
Волос прекрасное сплетенье!

Весна былое унесет.
Так жизнь идет, минуя все,
От жарких чувств оставив тленья...

МЕТЕТ МЕТЕЛЬ

Метет метель и воеет вьюга,
Повсюду слышен треск печей.
Сквозь пустоту и мрак ночей,
Пойду бродить, надев дерюгу.

Метет метель и воеет вьюга,
Вдали, весь снегом облеплен,
Устало машет старый клен,
Как будто ищет себе друга.

Метет метель и воеет вьюга,
Еще не скоро до весны...
Лишь каждый день я вижу сны,
Вдыхая теплый запах юга.

ИСПОВЕДЬ

Вот и жизнь проходит безвозвратно,
Тают годы, сгорают дни.
Не вернуть их отнюдь обратно,
Навсегда упорхнули они.

Ну и что же ты в жизни увидел?
Расскажи в двух словах, не томи.
Может быть, ты кого-то обидел?
Я не враг тебе, это пойми.

Повидал городов я немало,
Много стран облетел и не раз,
Но со временем душу прижало,
Захотелось российских прикрас.

И влюблен был когда-то, не скрою,
Все моменты я в сердце храню.
А теперь вот могилу сам рою
И ушедшие годы браню.

Да, ты прав, в жизни были обиды,
Зачастую я был виноват.

Часто женщин делил я на виды
И в ответ получал громкий мат.

Эх, звучали же в юности оды!
Без сомнения, светлые дни.
Как же жаль вас, ушедшие годы,
Превращенные в серые пни.

УВЯДШАЯ ЛЮБОВЬ

Не печалься, родная моя, успокойся.
Жизнь несется своим чередом.
Все бывшее — прошло. Вечерами — не бойся:
От тоски он укроет твой дом.

Между нами та нить уж давно прогорела,
И разбитую вазу не склеить слезой,
Да и сердце внутри свою ноту отпело,
Как и тот виноградник с засохшей лозой.

Да, мы были когда-то, как две половины,
Но сегодня другого ты ждешь у крыльца.
И теперь между нами несутся лавины,
И мне кажется, что им не будет конца.

ГЛУШЬ ЛЕСНАЯ

Глушь лесная, осенние дали,
Где-то скрежет опавшей листвы...
Эти дни, словно годы, мы ждали,
Проходя бесконечные рвы.

Глушь лесная, заросшие тропы
С одиночеством, полным идей.
Ощущаю себя мизантропом
В этом обществе гиблых людей.

Глушь лесная, осенние грезы,
Одиноко стоят тополя,
Впереди межсезонные слезы,
Занесенные снегом поля.

ХЕЙТЕР

Золотая осень, ворох листьев в куче,
Солнце светит ярко, улетели тучи.
По лесу гуляя, веет теплый ветер.
Из окна напротив наблюдает хейтер.

Променяв природу, сидя на диване,
Краем глаза смотрит фильмы на экране.
Временами встанет, ходит по балкону,
Матеря прохожих своего района.

Курит и бросает пепел на дорогу.
Дворник причитает, он устал, ей богу:
Подметает утром, вечером — вздыхает.
Ну а хейтер сверху беспробудно хает.

Так проходят годы, не звенит в кармане.
Водка заполняет пустоту в стакане.
А в округе осень листьями порхает.
Жизнь проходит мимо. Хейтер умирает.

«ВОЛШЕБНИЦА ПО ИМЕНИ ЕЖИМИЛА»

Читаем продолжение приключенческой истории про семейство ежей: «Ежимила – принцесса Листвянки» (автор – Елена Шилова). Семья главной героини обосновывается на новом месте; Ежимила идёт в школу вместе со своим другом – перевоспитанным бандитом Волкашкой.

Здорово, что следующая книга серии от издательства «ЧЕТЫРЕ» действительно *продолжает* историю. Почти сразу всплывает поступок господина Бобрентия, который в первой части взял медальон с фотографией бабушки в качестве платы за переправу ежей на безопасный берег реки. Автору удалось достоверно описать и новую ситуацию, а именно конфликт с господином Медведуром. Получилось классическое столкновение крепостных с ленивым, зажиточным помещиком! Елена Шилова не оставляет «подвисших хвостов», поэтому общая сюжетная линия получается стройная, выверенная и хорошо схлопывается. Спойлер: справедливость торжествует.

Я впервые встречаю автора, который так естественно, играючи вплетает социальную повестку

в полотно детской истории. Звериные проблемы не отличить от взрослых.

«Школа это или балаган?» – вопрошает заголовок главы, отзываясь эхом в головах у родителей, измученных школьными чатами. Автор мечтает о школе-утопии с «добрыми и воспитанными, умными и скромными» учителями. Читатель мечтает о том же, вместе с автором.

А вот проблемы госпожи Мышаси: **«Всех детишек приняли в школу, а её близнецов даже на порог не пустили! Справляться с ними самой никакой мочи больше нет! Они у неё то иголки утащат, то нитки перекусают – совсем ей шить не дают. Так недолго и без работы остаться».**

Знакомо, не так ли?

Следующая цитата – прекрасный повод для дискуссии всей семьёй за вечерним чаем: **«У хозяйки лесной аптеки не было детей, но она всё равно пришла. Просто ей нравилось любоваться на других малышей. А своих ласка не заводила, потому что слишком много хлопот».**

пот с ними. Так, во всяком случае, она всем говорила».

Книга Елены Шиловой учит детей жизни в обществе – в самом широком смысле слова. Тут и семья, и друзья, и школа, и соседи, и сообщество в целом – улица, деревня. Как хорошо себя вести, как плохо? Как эффективно разрешать конфликты?

Интересно раскрыты вопросы воспитания. Во-первых, дети, которых нужно заинтересовать, чтобы они сами старались стать лучше. Во-вторых, взрослые, в частности новые жители Листвянки. Поддадутся ли они перевоспитанию?

«Волшебница по имени Ежимила» не обличает общественное устройство, но указывает на его несовершенство. Каждую главу можно разбирать отдельно и обсуждать с детьми. Подобные книги мягко, но настойчиво готовят детей к жизни в не-

совершенном мире, подсказывают модель поведения: как общаться с представителями власти, наглыми богачами, странными соседями... и не терять надежду на то, что все мы меняемся в лучшую сторону.

Желаем автору новых историй и больших тиражей!

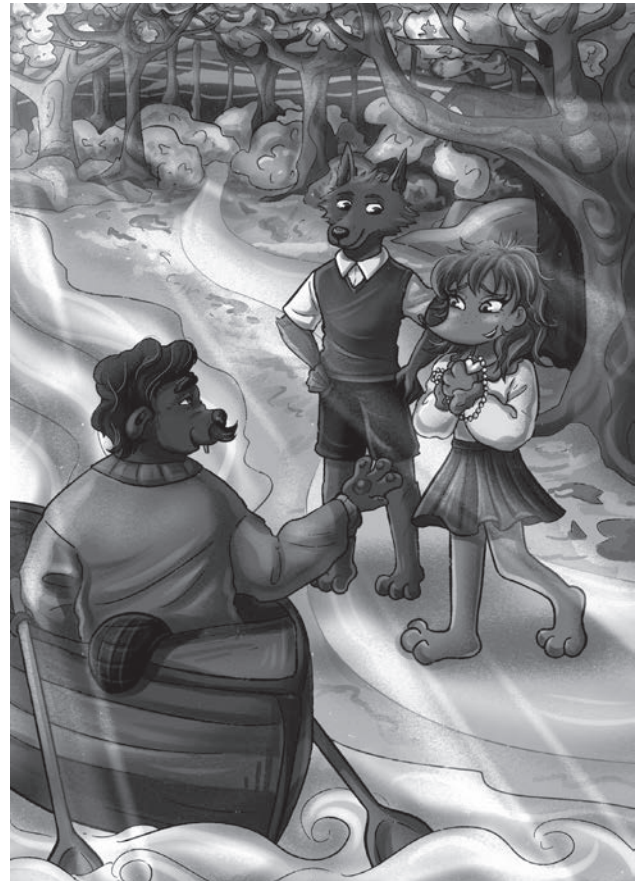
МАРИ МОСКВА, литературный критик, автор телеграм-канала «Из порта в порт». Рецензия подготовлена при поддержке Союза детских и юношеских писателей.

* * *

Когда свою главную героиню автор нарекает волшебницей, кажется, что на каждой странице книги читателя ждут таинственные превращения, магические заклинания и всемогущая колдовская атрибутика. Однако у Ежимилы, девочки-ежонка, нет ни волшебной палочки, ни способностей к перевоплощению. Зато у нее

есть свой, особый и неповторимый, дар – доброе и отзывчивое сердце. И оно действительно умеет творить чудеса.

Вспомнить хотя бы, как Ежимила вместе со своим лучшим другом помогает учительнице навести в классе порядок, как лечит от простуды Волкашку, как возвращает в семью бабушкин ме-

дальон или как вынимает медвежонку занозу, несмотря на то, что медведи причинили ежам столько неприятностей.

В детском сердце нет зависти, детское мировоззрение не строится на взрослых поведенческих стереотипах, когда за зло принято мстить, когда с помощью денег можно решить вопрос в свою пользу, а с помощью кулаков – доказать свою правду.

«...Медведь тебя подери! Деньги забрал, а дом хороший не дал! – ещё больше разбушевался медведь и начал его [Волколюба] колотить».

Детский мир сильно отличается от мира взрослых – и это прекрасно удается показать автору. Все сюжетные линии выстроены таким образом, чтобы логично подвести читателя к мыслям о том, что искренность, трудолюбие и щедрость способны перевесить леность, корысть, гордыню и жадность, что полет фантазии, который и делает детские поступки непосредственными, помогает решению многих сложных вопросов.

Недаром сам Волкашка сознается, что благодаря Ежимиле перестал быть хулиганом, а вера девочки-ежонка в его силы (история, когда Волкашка спасает тонущих выдру и енотика) делают его чемпионом в глазах зверей. И пусть родителям Волкашки не нравится дружба сына с

Ежимилой (уж очень разное у детей воспитание), сложно поспорить с тем, что поведение девочки-ежонка – отличный пример для подражания. А это значит, что книга займет достойное место в семейной библиотеке и поможет взрослым говорить с детьми о том, как правильно строить взаимоотношения с людьми, что в жизни действительно ценно.

Усиливают эффект от прочтения и иллюстрации Тарины Коковой – нет сомнения, что они привлекут внимание ребенка к чудесной и глубокой книге Елены Шиловой.

Кстати, «Волшебница по имени Ежимила» – это уже вторая книга Елены Шиловой о девочке-ежонке, вышедшая в издательстве «ЧЕТЫРЕ» и, думается, не последняя. А первая называется «Ежимила – принцесса Листвянки». Следите за публикациями – продолжение следует.

**ВАЛЕНТИНА
ЮРЧЕНКО,**
литературный критик.
Рецензия подготовлена при поддержке
Союза детских и юношеских писателей.

Вячеслав КОЛОСОВ

«Родился в 1967 году в г. Березники (Пермская обл.). Пишу с детства, публиковался в детских журналах и в поэтических сборниках. Номинант литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя» (2020), номинант национальной литературной премии «Поэт года 2018», «Дебют», «Поэт года 2019», финалист VI Международного литературного конкурса «Серебряный голубь России 2020», финалист конкурса «Поэтическая радуга-весна 2022», Гран-при Международного литературного фестиваля, посвященного Дню Победы (2020, Москва). Автор четырех поэтических книг.»

ОСЕННЕЕ ДЕТСТВО

ОСЕННЕЕ ДЕТСТВО

Салют из листьев запускали вверх,
Охотками из ручек-катапульт,
Кружился с нами в танце детский смех,
Как будто с неба падал жалто-красный пух,
Летели облака над головой
И под ногами разлетались в высь,
Пастозно осень мазала листвою,
Заправски окуная кисть.

ПУТЬ К ЗВЕЗДЕ

Вот так! В полоте серых дней,
Проходит жизнь твоя-моя,
И что бы взмыть к звезде своей,
Мы шпорим в кровь своих коней,
И пуги рвем, летя в пике,
То турболентность бытия,
Лишь тлен идей, разбитых чувств
И кучи грязного тряпья.

МОСКВА — ВАНЮКИ

Будем ярко жить без хлопот,
Хочешь, будем колесить по свету,
Только ветер, да голубой небосвод
Встречи дня всегда на рассвете?

Мы придумаем вместе маршрут,
И отыщем на карте места,
Где нас точно с тобою не ждут,
И не знают наверняка,

Что наша планета Земля
На шар голубой похожа,
Что на ней живут ты и я
И семь миллиардов тоже!

Или просто раскрутим глобус
И воткнем наугад флажки,
И поедет наш автобус
Рейсом Москва — Ванюки.

БУДЕМ ЖИТЬ!

Я обласкан, любим, но не теми,
И в жизни твоей не герой,
Зашли и вышли в разные двери,
Лишь тень устало плетается за мной.

Заляпаны буднями окна,
Светло от идей лишь в мозгу,
На праздники только б не сдохнуть,
В сочельник лучше помру.

Испугались? А вот не дождалесь,
Просто напала хандра,

Шутке моей улыбнитесь,
Будем жить, пока будет мечта!

Вместе на века
Между нами даль
Между нами боль
Между нами гарь
Под глазами соль

Между нами вода
Между нами любовь
Между нами небо
Под ногами кровь.

Теперь мы облаком,
Улетаем в даль.
Больше нету между,
Нет и нас, а жаль...

ИКАР

Тщлтность желанья выпорхнуть мыслью,
Страх наказанья полта над высью,
В небо летящий с глазами наивными,
Он разобьется о скалы гранитные.

Нет, искра не утасла со временем,
Будит она одно племя за племенем,
Жажда познанья мечтою заветною,
К звездам нас манит ликами светлыми.

МГНОВЕНИЯ

Упаду я с зарлю в рожь,
Чтобы небо смотрело в глаза,
Чтоб по телу пробежала дрожь!
Были вместе, а вместе нельзя...

Ожидаем мгновенья встречи,
Угольками тлея в разлуке,
Закрыться от боли нечем,
Выкручиваем ночью руки.

Распластавшись в небе звездой,
Забываем о буднях и боли,
В невесомости, над землей,
Мы летаем, летаем на воле.

Всл проходит, пройдат и любовь
Не забудутся краткие встречи,
Будет сердце вздрагивать вновь,
Когда солнце ложится на плечи.

МИРАЖ

Исчезли пикты и венеда,
Расцвет и смерть эпохи бронзы,
Герои жили для победы,
Чтоб золотом сиять на солнце!

Всему виною след кометы,
Был знак, предсказанный жрецами,
И на века зависли беды,
Над домом и над головами.

Вулканы и землетрясенья,
Как наказания за алчность,
За войны и грехопадения,
Людскому роду в назидание.

История вся перед нами,
В земной спирали повторится.
И люд, взомнив себя богами,
В мираж в пустыне превратится.

ТЕНИ

Наброски неброски.
В них главное тени,
На фоне их золото
Кажется ярче!
В них теплится жизнь,
Согревая моменты,
На время тебя
Отправляя обратно.
К знакомым местам,
К дорогим тебе людям,
Которых не вычеркнуть -
Держит их память.
И главное помнить,
А то мы забудем,
И тени исчезнут
Тогда безвозвратно!

СУДЬБА

Не та дорога,
Не те и мысли,
Рука не Бога
Веда по жизни.
Ты тлен из тлена,
Хоть всл осмыслил,
Не встал с колена,
Не видел жизни.

НЕТЛЕНКА

Память вечна,
Пока идем млечным,
Через врата путем.
Пока в курганах,
В морях, океанах
Томится история,
Прошлых времен.
Песчинками кварца,
Скитаясь по свету,
В дороге без конца,
Рожаем шедевры,
Постигнув секреты,
Руками Творца.

Желтая луна
Один стою я у окна,
Окурком пальцы жгу,
И только желтая луна,
Но, впрочем, я вам лгу.

Зарницы звезд еще видны,
И редкий ряд домов,
Глазницы старых чердаков,
Но разве мне они нужны?

Тоска моя по светлым дням,
По светлым дням в ночи
Я теми днями отдыхал,
Тебя в те дни любил.

Один стою я у окна,
Один остался я,
И только желтая луна,
И где-то ты одна.

ПАРА

Отшумел делами
Суматошный день,
В тишине со мною,
Только я и тень,
Вместе по бульвару,
Листьями шурша,
Мы гуляем парой
В парке не спеша.
В позолоте листья
Украшают путь,
Тихо и спокойно
Можно отдохнуть,
Дочитать на лавке
Томик от Дюма
Позвонить Мишане,
Обсудить дела.

Вечереет, зябко,
Мы идём домой,
Мои тени рядом,
Вместе под Луной.

ОГОНЕК

Я вдруг увидел огонек
Среди других огней.
Горел не ярко, одинок
И не имел друзей.

К нему я смело подошел
И ощутил тепло.
Тепло и сердцу горячо
Мне от его огней.

Взошла луна и наверху
Мерцали огоньки,
А на земле, в холодном мху
Блестели светлячки.

Но все же ярче и сильней
Горели два огня.
Один, который я нашел,
Другой внутри меня.

Нет ответа
Надо мной беззвучная
Пропасть из миров,
Где предтечи мысли,
Странники из снов.

От мириад звезд,
За миллионы лет,
Свет дойдет до нас,
От солнц, которых нет.

Не дожидаться вновь
Мне парад планет,
И на мой вопрос
Не придет ответ.

ПАРУСНИК

В просторах безбрежных
На волнах, уставший,
Качался мой парусник
Виды видавший,

И скалы и штурмы
Ему не помеха,
Он ищет причал
Ему не до смеха.

СТРОФЫ

И в буйстве стихии
Уже нет упоения -
Оставил на дне
Свои сожаления.

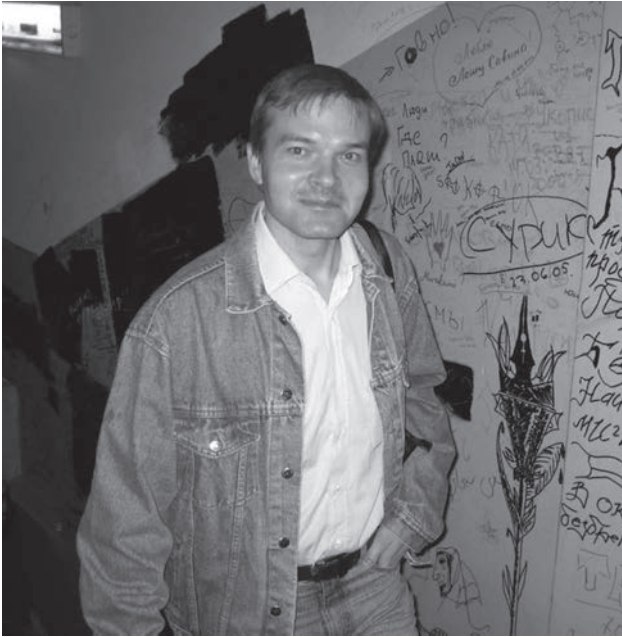
Он грезит ночами,
Лишенный покоя,
Что нет ничего
Лучше ветра и моря.

Не замерзай
Не костеней от холода сердцем,
Не прячь лицо от мороза,
Пусть открыты будут все дверцы,
Это смена времени года,
Не замрзнешь одна, не в пустыне,
Всегда будет время согреться,

С друзьями, за чаем горячим,
В прикуску с остреньким перцем.

РАЗЛУКА

Разлука — это боль,
Слетели на ноль
Наши чувства в крик,
Всл в дребезги, миг
Растянулся на век.
Вроде жил человек...
Словно ветки хруст,
Надломился куст
Милых роз в сентябре,
В посеревшем дне...
Отчаяние и боль
Теперь будут со мной...

Владимир БУЕВ

Родился в Красноярске в 1966 году, живёт в Москве. Имеет три высших образования: журналистское (МГУ), социологическое (РГСУ) и финансово-экономическое (РАГС при президенте РФ). Много лет является президентом Национального института системных исследований проблем предпринимательства и группы компаний НИСИПП. Руководил многочисленными научно-исследовательскими и консалтинговыми проектами в сфере экономики и предпринимательства. В роли пародиста и под своим именем выступает впервые. Ранее под псевдонимом писал ироническую и сатирическую прозу на темы Древнего Рима.

АНТВЕРПЕН

В прошлом номере журнала я рассказал о своём путешествии по городам Бельгии: Брюссель, Гент, Брюгге, Динан. Но за скобками остался Антверпен, город в бельгийской Фландрии, раскинувшийся на обоих берегах реки Шельды. Какая несправедливость в отношении одного из самых известных и красивых городов не только Бельгии, но и Европы!

Исправляюсь и восполняю пробел.

Помню, что уже ближе к концу путешествия по бельгийскому королевству в один из поздних вечеров мы с женой, готовясь ко сну, восторженные попутно долго обсуждали (язык ведь без костей), куда бы ещё скататься: в Антверпен, Льеж или в какой другой город. Иногда заглядывали в электронные справочники, чтобы определить расстояния и количество времени, за которое «тудэма-сюдэма» можно обернуться.

Остановились на первом варианте по двум или трём мотивам, но ни одного из них в точности сейчас не вспомню. Если же порефлексировать, то можно примерно восстановить логику движения общесемейной мысли.

Во-первых, скорей всего в наших головах Антверпен был больше других «раскручен» как город-бренд (в этом месте передаю горячий привет моему

другу Андрею Шаромову, защитившему на журфаке МГУ кандидатскую диссертацию на тему брендов и брендинга). Забавно, что в сером веществе мозга ещё со школы в связке с Антверпеном живёт «брат-близнец» Роттердам, город в Нидерландах (два сапога пара? двое из ларца одинаковых с лица?) – наверное, из школьного курса истории по части центров мировой водной торговли. Порты того и другого городов входят в перечень крупнейших на планете. А в Европе порт Антверпена и поныне является вторым по величине после роттердамского. В общем, связка. Друг подле друга. Чем не два сапога или не двое из ларца? Два брата-акробата. Вот откуда эта «раскрутка» в сером веществе мозга (по крайней мере, моего).

Во-вторых... нет, вовсе не гладиолус, а Центральный железнодорожный вокзал (Antwerpen Centraal прежде был известен как Middenstation). Да-да, вокзал! «Вокзал для двоих»¹: меня и супруги. Возможно, он и был второй причиной нашего выбора в пользу Антверпена.

До поездки в Антверпен мы с женой читались текстов об истории этого вокзала и насмотрелись его профессионально отснятых фотоизображений. Поэтому, приняв решение, знали, куда, зачем и на чём едем. Из Брюсселя до места назначения прокатились на комфортабельном высокоскоростном экспрессе. Всего-то 50 км от столицы (у нас дача от

¹Невольная ассоциация/аллюзия к известному советскому фильму режиссёра Эльдара Рязанова.

подъезда в два с лишним раза дальше). Вжик – и на месте! Раз – и в дамки!

Итак, железнодорожный вокзал – особый бренд Антверпена, мем и даже, не побоюсь этого многозначного (или многозначительного) слова, паттерн. Как пишут в источниках, он один из самых красивых в мире. Оказывается, среди вокзалов устраиваются своего рода «спортивные» соревнования, кто... вернее, который из них прекрасней. Так и лезут в голову ассоциативные строчки Пушкина из «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях»: дескать, «ты прекрасна, спору нет, но...»

И тут выскакивает оно – то самое «но»: кто ж милее и белее? Антверпенский вокзал в 2009 году в некоем «конкурсе», проведённом журналистами журнала Newsweek, занял даже не второе (как Царица из пушкинской сказки), а – увы! – всего лишь четвёртое место. Дескать, в случае вокзалов не одна «царевна всё ж милее, всё ж румяней и белее...», но, кроме неё, впереди есть ещё и пара других фаворитов. Называть их не буду – в этом тексте и контексте делать это не резон.

...И тем не менее антверпенский вокзал – красавец!

* * *

Строительство вокзала в городе началось в самом конце XIX века, и через три года был запущен дебаркадер. Стало возможным, пусть и с сильными ограничениями, перемещаться в другие города. Само здание вокзала было построено и открыто чуть позже – в начале XX века.

Но уже через полвека, как пишут, вокзал пришёл если не в полную негодность, то в упадок и стал разрушаться. Камни из стен и с потолка начали вываливаться и падать вниз на всё, что рядом и плохо лежало, и на всех, кто имел несчастье мимо пробежать (к счастью, никого не задело). Хорошо также, что падали не несущие конструкции, а декоративные «прибамбасы», иначе нас сейчас (то бишь тогда) тут бы не стояло. Поэтому часть декора демонтировали, кое-что кое-как закрепили (как сказали бы у нас, «на соплях»). Видимо, делу это особо не помогло. Разрушение продолжилось: и декора, и не декора.

Поскольку ж/д ветка в Антверпене была тупиковой (после прибытия сюда никуда больше не вела, только в обратный путь), то в чьих-то чиновных мозгах созрел «гениальный» план: вокзал «закатать в

С чего начинается Антверпен

асфальт», а железную дорогу каким-то образом спрямить. Дискутировали. Судили-рядили.

В итоге для вокзала всё сложилось удачно. И слава Богу! Ведь нынче реально красавец! А когда его признали памятником архитектуры, то и сносить стало нельзя. Закон в Бельгии есть закон, а не то, что у нас называется дышлом (у бельгийцев таких поговорок нет). Теперь онный следовало реконструировать. Это стало ещё более ясным, когда в конце прошлого века от карниза здания оторвался и рухнул вниз камень в несколько сот килограмм. Не несколько кг, Карл, и даже не их десятков, а сот кг! Карл, ты изумлён? И такое творилось не где-нибудь, а на севере старой Европы почти в наше время!.. Вовсю гнивала Европа (улыбающийся смайлик).

Удивительное дело – глыба никого не зацепила. Не то, что не убила – даже не поранила! Можно сказать, мягкой оказалась посадка.

Однако засуетились, забегали те ответственные граждане, кому положено. Жареный петух как-никак в голову клюнул.

Двадцать с лишним лет назад вокзал принялись реконструировать – наконец-то мозги дозрели, руки дошли, а денежки резко появились. Не дозрели бы, не дошли и не появились бы – мы бы с женой его в этом веке не обзревала бы, а, возможно, и в Антверпен не приехали бы – можно (в шутку) сказать, сделано всё нам и другим туристам на радость. Радуемся.

Так появился новый двухпутный тоннель, связывающий вокзал... ну, пусть условно «с внешним миром» (улыбающийся смайлик). В целом вокзал и ветка перестали быть тупиковыми: повели экспрессы «тудэма-судэма» и насквозь.

В 2009 году реставрация достигла финиша, весь внешний и внутренний декор (экстерьер и интерьер), который прежде поизносился, подновившись, вернулся на свои места. Всё несущее тоже укрепилось. Значит, в том месте мозги были, из того места руки росли, и именно на то, что нужно, были потрачены бюджетные деньги!

И вот через девять лет после завершения реставрационной эпопеи сюда зарулили мы с женой, чтобы... «принять работы», одобрительно покивать головами, поцокать языками. Подумать при этом: «Вот могут же, когда хотят!» Почему-то тут аллюзия не ко времени и не к месту: «Всё могут короли и судьбы всей земли вершат они порой...»

...Ж/д пути на вокзале расположены на трёх уровнях. Не сразу разберёшься, куда идти, но, если читать табло и смотреть на указатели, то не так уж и сложно даже нам, людям немолодым. Да и, как известно, язык (ломаный и «полунулевой» английский) до Киева доведёт! Даже немецкий здесь иногда в помощь и в радость: Антверпен – град большой и космополитичный, поэтому и для немецкоязычных граждан надписи имеются. В ходу. Хотя, говорят, немцев

в Бельгии (как и в Голландии) после двух мировых войн недолюбивают.

На одном из уровней дебаркадера железнодорожных путей нет, зато есть базар-вокзал. В смысле: кафешки, магазины и, если зрительная память мне не изменяет, всякие игровые автоматы. Прогуляться опять же можно, как... «по Бродвею ходят люди-ротозеи... здесь денег стоит даже чистая вода...» – аллюзия из прошлой жизни, пусть и опять не совсем к месту.

...Теперь гляньте сами на самодельные снимки вокзала (внутри и снаружи).

О! снимки-самоделки. Образ...

* * *

Вокзал связан подземными переходами со станциями линий полуметро-полутрамвая. Но чего нам без толку под землёй кататься. Вот ещё! Нам поверху побродить-поглазеть – самое оно! Для того мы с супругой ближе к финишу нашего путешествия сюда и выбрались.

Неподалёку от ж/д вокзала находится Музей алмазов и бриллиантов.

Все читатели этого опуса наверняка знают или хотя бы краем уха слышали, что Антверпен – мировой алмазный центр. Не добычи, конечно, а обработки и, главное, торговли. То есть стоит он, паразит этакий, на конечных точках создания добавленных стоимостей (соответственно, и все сливки с отрасли снимает, купоны стрижёт, в шампанском с ананасами купается). По подсчётам, через Антверпен год от года проходит процентов 80% мирового алмазного потока – и так уже пять веков подряд.

Алмазы – основная статья доходов городского бюджета и одна из ключевых для бюджета всей Бельгии. Вынь этот стержень – нищета наступит; апокалипсис; конец света. Девять десятых трудоспособного населения города так или иначе связаны с алмазной индустрией или напрямую в ней заняты. Как пишут, здесь «самая большая концентрация ювелирных компаний и магазинов на квадратный километр площади в мире». Именно в Антверпене находится Высший бриллиантовый совет Бельгии (HRD Antwerp). Совет не только советует, но и решения принимает. Это наша ГосДума только штампует готовые решения, а тут простой совет дела делает.

Осознав необходимость «культуры в драгоценностях», власти подсутились и музей организовали. Правда, мозгами тормозили и думали долго, ибо открыли его относительно недавно – в 1988 году.

Мы внутри музея не были, к сожалению. Прочитал только, что в экспозиции есть какие-то удивительные бриллиантовые джинсы (нигде не нашёл, надевал их кто-нибудь на свои ягодички или они изначально созданы исключительно как музейный экспонат). Ещё есть «копии драгоценностей британских королей, включая один из самых известных алмазов

во всем мире» – некий чистейший «Кохинор». Тут же хранятся бриллианты, которыми украшали себя Софи Лорен и Мэрилин Монро (эти дамы, видимо, брали просто поносить). Кстати, самих Софи Лорен и Мэрилин Монро кто-нибудь (особенно из молодёжи) ещё помнит? Ох, красавицы были, поверьте сластолюбивому старику! Пальчики оближешь!

...В общем, могу показать только здание музея снаружи. Машины вокруг ездят, люди по своим делам и безо всяких дел ходят. Бездельники! Вот бы их всех Беломорканал строить отправить или ДнепроГЭС!

Взирайте себе на здоровье, оздоравливайтесь, вдохновляйтесь. Представляйте экспозицию и экспонаты. Иногда образы вещей вообразить приятней, чем посмотреть материальные вещи наяву.

...Итак, снимок музея снаружи.

С площади Астрид мы с женой и пошли гулять по «большой улице». Другой улицы, внушающей серьёзное доверие, перед вокзалом не было. Или мы другой не доверились.

Большая улица – она же центральная пешеходная улица Антверпена. Раньше (совсем давно) была проезжей. Зовётся Меир. И прежде так же звалась – даже тогда, когда не была пешеходной. Соединяет вокзал, на который мы прибыли, с Ратушей. До Ратуши мы ещё дойдём, поэтому пока её лишь помянём (тихим добрым или нейтральным словом).

Улица Меир довольно старая – её возраст измеряется не одним столетием, не то что какими-то там хилыми десятками лет. Архитектура вокруг – пальчики оближешь! Роскошь ордеров в том числе.

Тут же угнездился Королевский дворец в стиле французского рококо, где, по источникам, когда-то останавливались такие исторические фигуры как французский император Наполеон Бонапарт и английская королева Виктория. Понятно, что останавливались не одновременно и не вместе (если кто не знает, то они не муж и жена), а по отдельности и в разные эпохи. Кстати, Наполеон на этой улице вроде как и особняк себе присмотрел. Не отобрал, а приобрёл незадолго до вторжения его полчищ в Россию, которая всё его воинство погубила, а его самого – обесславил и «сослала» сначала на остров Эльба, а затем на остров Святой Елены.

Вот сидел бы дома император-«узурпатор» и «лет до ста расти без старости» (в кавычках – кусочки творчества Маяковского, если кто забыл или вообще не был в курсе). И не обломал бы зубов о матушку-Россию.

...Австрийский дворец на Меир – тоже рококо.

На этой же улице находится здание Биржи и самый первый в Европе почти стометровый небоскрёб (три метра в высоту до полной сотни не дотянул). Небоскрёб построен на месте, которое после разрушений Первой мировой было пустынным. Заполняли

пустоты, а не сносили то, что имелось целым. Главным требованием при строительстве высотки было: чтобы она не конкурировала с Собором Богоматери, не отвлекала внимание на себя, не «забывала ногами» старину (об этом Соборе речь впереди). За образец были взяты небоскрёбы Нью-Йорка и Чикаго. Раньше это был просто высотный дом, а теперь – м-да... достопримечательность. Охраняемый памятник архитектуры. Но нас он не впечатлил. Взгляд не задержался. Тьфу на небоскрёб! Его не снимал, поэтому и не показываю.

...Плюс на большой улице – всякие разные красивые старинные дома-особняки. Но для смеха покажу и новоделы (улыбка). Я же говорил, что пальчики оближешь, а вы мне не верили! Верить, конечно, никому нельзя, но мне – можно (широко улыбающийся смайлик). Это если кто помнит советский многосерийный фильм «Семнадцать мгновений весны» режиссёра Татьяны Лиозновой. Аллюзия – это не иллюзия.

...Улица, само собой, дорогая и торговая: бутики-мутики, магазины разного рода, художественные и прочие галереи, сувенирные салоны. Все они, как правило, размещены на первых этажах домов. Между домами на широком пешеходном пространстве торгового нет: ни лавок, ни лотков, ни разных прочих будок. Исключительно для пешеходов – этим (то бишь, нам и нам подобным) есть, где разгуляться и пешком расходиться.

Все путеводители «пугают» ценами товаров на Меир, ибо и аренда тут чуть ли не самая дорогая в Европе, и чуваки бродят богатые и супербогатые распальцованные, чуть ли не русские олигархи с пачками денег... на карточных счетах (за исключением разве что нас, обычных туристов среднего или даже ниже среднего достатка). Любой «фактор» и «нюанс» загоняется в конечную розничную цену.

Мы дороговизны не заметили, ибо ничего не покупали. Нет, вру, купили пару мелочей, но об этом чуть позже, потерпите. Всеми своё время – всему свой черёд.

И главное – на Меир и вообще в Антверпене очень чисто. С какого-то момента (когда Москву после долгих лет бардака стали буквально вылизывать) чистота воспринимается как нечто должное, как само собой разумеющееся. А вот в Европе чистота городских улиц стала даже удивлять. Особенно после грязных Парижа, Эдинбурга да и Брюсселя. Наиболее грязным среди всех мест, где мы бывали, нам показался Париж – настоящая помойка среди окружающего архитектурного великолепия; глаза вниз лучше не опускать, а смотреть сугубо перед собой, по сторонам и вверх на шпили чудо-Соборов.

...В общем, иди себе по Антверпену и любуйся. Вот мы с женой просто идём по улице с названием Меир, дышим полной грудью, глазеем по сторонам на роскошь архитектуры и архитектурных ордеров, на старые дворцы, на новоделы (они, конечно, сма-

зывают впечатление от картинок), на памятники и на верхушки домов-особняков. Иногда и на небо заглядываемся. Любуемся.

...Вдохновляйся и живи настоящим, ибо будущего нет.

Помните такие устоявшиеся выражения: «фламандская художественная школа» или «школа фламандских мастеров»?

Фламандская живопись, фламандские художники, фламандские мастера – это своего рода высшая проба, знак качества, бренд (тут повторный, но не менее горячий привет моему другу Андрею Шаромову)! В Антверпене довольно много памятников в честь художников и вообще всяких-разных творческих личностей, сеятелей разумного, доброго, вечного.

А вот и первый памятник на Меир, попавшийся на нашем пути (или на который я обратил внимание, сделав фотоснимок). Памятник представителю фламандской живописной школы Дэвиду Тенирсу. В источниках пишут, что это был очень яркий и известный художник XVII века (вся фламандская школа оттуда). Дескать, ровно такой же, как, к примеру, Питер Пауль Рубенс или Антонис ван Дейк. Мол, «писал картины на религиозные темы, жанровые сцены, сцены деревенской жизни, интерьеры, портреты, пейзажи». Мастер на все руки от скуки!

Вот же незадача! Век живи – век учи! Рубенса и ван Дейка знаю (а творчество Рубенса даже люблю), их работы видел, хоть на память не так уж много картин смогу вспомнить и мысленно воспроизвести их образы в сером веществе своего мозга. А вот о Дэвиде Тенирсе, тутошнем основателе Академии изящных искусств, похоже, никогда не слышал. Но вот теперь просветился и осветлился (после путешествия): и о самом Тенирсе кое-что начитал, и репродукции его картин пересмотрел. При случае, дай Бог, увижу и оригиналы, а может, уже и видел, да запаматовал.

Памятник, кстати, отображает такой момент: Тенирс уже получил от испанского монарха и сейчас держит в руках документ, разрешающий открыть в Антверпене Академию искусств. Тогда без высочайшего соизволения сделать это было нельзя – тут же загремел бы в каталажку как еретик и государственный изменник. Впрочем, разве сейчас не так (по крайней мере... «у нас на раёне»)?

...Ремонт обеих сторон этой части улицы попал, однако, в кадр и смазывает её красоту и всю художественную торжественность момента – жизнь есть жизнь: вечно какую-нибудь подлянку подстроит.

А вот по ходу движения и второй памятник. В этот раз Антонису ван Дейку (жил в первой половине XVII века), искусному мастеру портрета и живописи на религиозные мотивы. Этого дядьку я знаю.

Не лично, конечно. Мы с ним, так сказать, «вместе не служили», а потому знакомы лишь заочно. Причём, знакомство это только с одной стороны. С моей, разумеется. Ван Дейк со мной уже никогда не познакомится, даже заочно и виртуально, по известным всем причинам – люди столько не живут.

Все живописцы в ту далеко отстоящую от нас эпоху обыгрывали религиозные христианские плюс античные мифологические темы. Время и мода. И культура! Этот мастер не отставал от конкурентов и соратников по кисти.

Памятник XIX века. С момента своего сотворения стоял то там, то сям – где только ни стоял! – переставляли неживое изваяние с места на место, его о том не спрашивая.

Но нынче именно тут ему самое место. Вот прямо тут, где мы его и обнаружили (см. ниже). Не было бы именно и прямо тут, мы бы его и не увидели, как бы ни тщились и как бы ни протирали глаза, озираясь по сторонам. А коли видим, то тут ему и самое место. Спасибо планировщикам – побаловали нас, российских туристов.

В скобках замечу, повторяясь: хоть памятников в Антверпене немало, пусть и не пруд пруди, установлены они, в основном, людям творческим. С трудом в это верится, однако пишут, что ставить изваяния политикам в Антверпене категорически запрещено, за исключением скульптуры в честь... русского императора Петра I, который, как известно, побывал здесь под видом простого матроса и память о себе оставил долгую, богатую, на века. Но до скульптуры родного царя мы как-то не добрались и её не осмотрели. Было бы странным, если бы не добрались, но осмотрели.

...На этой части улицы ремонта нет – и смотрится она поприличней.

А сверху «облака – белогривые лошадки». Мчатся без оглядки.

Рождества да и вообще зимы в Антверпене пока нигде не чувствуется: даже ёлки везде «посыпаны» искусственным снегом (как и в Брюсселе). Рождество ощутилось нами только в специализированном магазине. Чуть не написал: в торговом центре. Хоть это, несомненно, центр и, несомненно, торговый, но почему-то в моём представлении устойчивое сочетание «торговый центр» означает нечто если не грандиозное, то большое. И не одним этажом ограниченное. На худой конец двумя. Эх, русские пространства и просторы, эх, Русь, птица-тройка, куда несёшься ты? – так и лезет подобное в голову – вот откуда аллюзия и удаль молодецкая: «летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства» (улыбающийся смайлик)!

...Антверпенский же магазин, торгующий новогодним и рождественским «реквизитом» ни на грандиоз-

ное, ни даже на большое (из моих представлений и фантазий) не тянул. Некий шоп средних размеров, но сказочно оформленный. Креативно. И дорого-богато (хотя, может, как раз это и есть на самом деле дешёво). Блестит весь, переливается всеми цветами радуги. Мелодии играют соответственные – вот-вот то ли Санта Клаус выскочит, то ли... машущие крыльшками феи воспарят к потолку над серыми буднями. Или чинно-благородно прошествует русский Дед Мороз со своей волшебной палкой, вернее, посохом и внучкой Снегурочкой (улыбающийся смайлик).

Сразу рождественское настроение пробуждается.

Отсюда мы увезём домой два декоративных светильника/фонарика (если я правильно понимаю, это интерпретация «классического сноуболла»). То ли бронза, то ли её имитация. Скорей всего *под* бронзу. Если таки имитация, то со следами «состаренности». Внутри фонариков – ёлка и снеговик. Картины «оживают», когда слегка встряхиваешь фонарь и включаешь подсветку (работает на батарейках). Или в обратной последовательности: включаешь подсветку, а потом встряхиваешь фонарик. В общем-то, и встряхивать не надо – просто включил свет, и через какое-то время картинка сама оживает. Блестки струятся сиянием, обволакивая «с ног до головы» снеговика и зелёную «лесную красавицу» (а заодно и твоё воображение). Сказка, одним словом!

Самое удивительное, что светильники не китайского производства (если, конечно, этикетки нас как потребителей в заблуждение не вводили). Почему «самое удивительное»? Потому что в Европе всё подобное – тоже давно китайское, как и в России. На большинстве товаров в этом и других бельгийских шопках честно значится: *Made in China*. Но на этих двух светильниках было *Made in Belgium*.

В наших московских магазинах и в маркетплейсах таких фонариков сейчас полно. Почти на 100% всё китайское. Вот пишу эти строки, и терзают (продолжают терзать) меня смутные сомнения – может, и у нас с женой оказались не бельгийские, а восточных друзей? Однако хочется остаться в радужной иллюзии, что у нас светильники таки европейско-бельгийского производства.

...Пять лет прошло – живы фонарики, работают. «Пашут», как папы Карлы. Батарейки пару раз пришлось поменять – копейки. Впрочем, много трудиться фонарикам не приходится – только на новогодне-рождественские (и по католическому, и по православному канону) праздники, которые у нас на даче часто растягиваются до начала весны.

Вот это место (какой-то проулок, откуда сделан фотокадр) мы с женой увидели случайно. Смутно вспоминается, что на несколько метров ненароком свернули в сторону от столбовой дороги и – вот оно это вот всё (потом на главный шлях вернулись).

Уже готовя заметки о путешествии по Бельгии, глядя на этот снимок и роясь в глубинах инета, я долго пытался понять, что же такое Rubenianum/Рубенианум (внутри здания мы не заглядывали). Сначала была гипотеза – мол, это Дом Рубенса Rubens House/Rubenshuis, куда мы тоже не заходили (о чём сожалеем). Потом понял – нет, не он! Гипотеза рухнула. Развеелась, что называется, как дым. Разумеется, это дом (кто бы спорил!), но другой. Как Федот, который, конечно, и Федот, да не тот.

Рубенианум же – то ли библиотека, то ли научно-исследовательский институт фламандского искусства XVI и XVII веков (это искусство изучать ещё столетиями – и не изучить «до дней последних донца»). То ли оба «в одном флаконе», что было бы вполне логичным. В общем, если снова окажусь «на том же месте в тот же час», непременно разберусь и своим читателям по всей форме доложу.

Это мы с женой тоже свернули куда-то в сторону от «столбовой дороги», чтобы полюбоваться. Напомню, что столбовая дорога (шлях) зовётся у нас улицей Меир. И является пешеходной.

Издали церковь показалась красивой – вот и пошли на неё (куда глаза поглядели). Впрочем, святилище и вблизи ничего себе внешне выглядит. Достоинно. Умеренно и аккуратно (помните про два достоинства у некоего Молчалина?) Кажется, что-то протестантское. А что касается, протестантское оно или нет, то (пишу по памяти) на этот факт (если правильно помню) нам на месте указал навигатор.

За площадью Веермаркт есть готическая брабантского стиля церковь имени святого апостола Якова/Sint-Jacobskerk (речь на самом деле об Иакове в нашем написании и звучании). Строился этот храм почти 200 лет (с конца XV по середину XVII века). Многие христианские святилища в Европе возводились веками – стройки длились порой и по пять-восемь столетий. Вот тут сразу всплыло наше с женой путешествие по Чехии: к примеру, изумительной красоты храм Святого Вита в Праге возводился почти шестьсот лет – с XIV по XX столетие.

Так что в данном антверпенском случае это не такой уж великий «долгострой». Что такое 200 лет! Тьфу – и подошвой размазать! Одно мгновение! В крайнем случае, два (столетия).

Церковь примечательна, прежде всего, тем, что здесь в одном из склепов-часовен с названием Кунсткапелла гнездится гробница с прахом самого Рубенса. Живописец, заглядывая в близкое и далёкое будущее и осмысливая в нём себя любимого, для собственной усыпальницы написал образ Богородицы. А образ святого Георгия на изображении – вроде как портрет самого Рубенса. Так сказать, себя увековечил. Хоть и не в самом Христе, но всё же, всё же, всё же...

На алтарях – картины, тоже писанные рукой великого мастера. Например, известная «Дева Мария и святые». В общем, здесь рубенсовский дух, здесь Рубенсом пахнет, хотя не только он, но и многие представители местной знати мечтали быть тут захороненными. Кстати, не просто мечтали, но реально похоронены, их мечты сбылись, но их дух тут не витает! Они просто заплатили свою цену под видом благотворительных взносов или добровольных пожертвований на благие цели (не взятку же дали, ей-Богу!) Какой же после этого дух? Только рубенсовский. Он-то творил вечность.

Ещё церковь интересна почти вавилонской легендой (точнее, легендой, сопоставимой с мифом о Вавилонской башне). Задумывался храм как самый большой готический в мире (метров 150 в высоту). Ан нет! Увы, не вышло, кишка оказалась тонка. Вероятней всего просто не хватило денег – жизнь в таких случаях банальна и предсказуема до безобразия. Но коли эта высотка, в отличие от Вавилонской башни, так и не рухнула, то и легенда о ней сопоставима с вавилонской легендой не прямой параллелью, а мелким пунктиром.

Интерьер, за исключением, витражей, в церкви сохранился со времён XVII-XVIII веков. Вроде революционные французы в эпоху Великой Французской хотели на церковное добро покуситься, но пастор пал перед безбожниками на колени, дал взятку и уверил их, что церковь всячески приветствуют свет, исходящий из революционного Парижа, и вообще выступают за всё хорошее, что несёт миру «Марсельеза».

А вот витражи храма были утрачены во время Второй мировой. Немцы тут побывали, однако, кроме как на витражах, их оккупация на святилище не отразилась и ничего внутри него и снаружи не повредила.

Очень понравилось это место (или, как модно стало говорить, эта локация) – душевная камерная площадь, хоть народу тут немало тусуется. Словно внутренний дворик старинного учебного заведения (может, так и есть?) Также какой-то «закуток» по ходу движения по Меир.

Когда писал заметки и проглядывал снимки, вспомнилось тогдашнее чувство «приятности» и даже «душевного оргазма». Долго рылся в инете в поисках, что же это. Пришёл к выводу, что площадь Hendrik Conscienceplein и вход в библиотеку (или в некое заведение, связанное с книгами – типа книжного магазина), хотя до конца так и остался не уверен.

Потом кое-что отыскал-таки в бельгийских источниках.

На площади – памятник фламандскому писателю Хендрику Консьянсу, написавшему исторический роман «Лев Фландрии» – некий аналог романа «Айвенго» Вальтера Скотта. В какой-то мере местное подражание. Роман повествует о событиях лета 1302

года, когда возле города Куртре фламандские рыцари в так называемой битве шпор разгромили армию французского короля Филиппа IV Красивого. Откуда такое название боя? После победы фламандцы собрали с погибших знатных врагов 700 пар золотых шпор и в назидание потомкам вывесили их в одном из своих готических храмов (других храмов тогда и не было).

Русскому читателю название книги (как и имя самого автора), конечно, вряд ли что-либо скажет. Для бельгийца (особенно фламандца, говорящего по-голландски) говорит о многом. По сути Хендрик Консьянс – основатель национальной бельгийской литературы. Писателя прозвали «человеком, научившим свой народ читать». Вроде бы даже Александр Дюма хвалил и продвигал во Франции книги Консьянса.

...Всё-таки это внутренний, но сейчас открытый всем ветрам и посетителям дворик публичной библиотеки.

А вот опять церковь. Опять в честь святого. Но уже не апостола, а в честь некоего смертного священника Карла Борромео – был в истории такой малозначительный (и мало кому известный) архиепископ. Этот храм, кажется, и запечатлел имя Борромео в истории – стоило лишь один раз назвать так вечные камни, сложенные вертикально в виде культового христианского сооружения.

Постройка первой половины XVII века. Стиль – барокко. Раньше храм являлся иезуитским (и был посвящен основателю ордена иезуитов Игнатию Лойоле), но после роспуска ордена стал просто приходским: приходи и молись себе на здоровье, сколько влезет.

Рубенс свою руку гения к церкви тоже приложил. Впрочем, гениальный живописец ко многому в этом городе всего себя прилагал, не только руку.

Краткость – сестра таланта, ибо больше особо сказать о храме мне тут нечего.

Добрались! Так, кажется, это называется.

Вот, наконец, и самый крутой готический храм в Антверпене и, видимо, во всей Бельгии. Собор Богоматери (Onze-Lieve-Vrouwekathedraal). Кафедральный. Заложен почти ровно посерединке XIV века (раньше тут стояла маленькая часовенка Божьей Матери, возведённая в IX веке, после неё – большая романская церковь).

Имя кочевало с одного святилища на другое.

С одной стороны, строительство Собора (который нынче тоже весь из себя раритет) на месте снённого раритета завершено в первой половине XVI века, а с другой – вроде как и не закончено до сих пор. Вот как хотите, так это и понимайте. На всякий случай, однако, поясню: изначально храм не был до-

строен в задуманном виде, а нынче ему опять требуется реставрация.

Собор Богоматери – символ города. У него – самая высокая башня в стране, поэтому, как пишут, он виден с любой точки Антверпена (не королевства же, хоть оно по размерам и небольшое). Не помню, увидели ли мы храм непосредственно с вокзала. Но когда шли по Меир, периодически обращали на его верхотуру своё драгоценное внимание. Взгляд тормозился и, останавливаясь, замирал. И млел. Как без этого.

В разные века храм много страдал. То пожар, то понос, то золотуха, то вперемежку, то по половинке, то по четвертинке. То ещё и времена иконоборчества (протестантского «иконаборчества» – Восьмидесятилетняя война в XVI столетии), то период Великой Французской революции, будь она неладна. Французские революционеры его сильно пограбили и хотели даже снести с лица земли. Но Бог миловал. Вернее, Наполеон (тоже своего рода Верховное существо той эпохи). Именно «узурпатор» запретил снос.

В общем, Собор разрушался и людьми, и временем, а затем реставрировался не раз и не два (в XIX столетии, например, в нём новые хоры появились). Во второй половине XX века реновация вообще длилась почти 30 лет. Вот уже снова 30 лет после её окончания минуло, и она опять требуется. Суетиться надо, господа бельгийские и антверпенские чиновники, а не ждать у моря погоды! Выделяйте деньги – достраивайте!

Внутри храма, как в Антверпене повсюду, – тоже картины ума, руки и кисти Рубенса: к примеру, «Возрождение Креста» и «Снятие с креста». Не только его, есть там и полотна живописцев помельче, о «некоторых из которых» (художниках) я как дилетант раньше и слыхом не слыхивал. Но Рубенса – основные. Его постоянно и упоминаю. Он – как спасительная или спасательная соломинка в бушующем океане фламандской живописи.

О чём нынче жалею, так это о том, что не довелось увидеть готическую скульптуру Мадонны с младенцем XIV века. Пишут, что скромная и невысокая (что называется, метр с кепкой). Она как раз стоит внутри Собора её имени. Считается святыней Антверпена, ибо одна из немногих сохранилась в периоды всяких бедствий, разрух и разграблений. Прежде местом обитания этой статуи была какая-то небольшая часовня, но в Собор её перенесли во второй половине XIX века. Есть поверье: пока скульптура «жива», под сенью всемогущего Бога жив и Антверпен. Верующие, как им и положено, верят и на неё молятся – на то они и верующие.

Как теперь догадался мой читатель, всё это хозяйство входит в список ЮНЕСКО. Я об этом смекнул изначально (даже когда не знал в точности), но гипотез до поры до времени не выдавал, как будто это тайны Полишинеля. Тайны Полишинеля положено хранить, как зеницу ока.

* * *

Большая площадь. Она же Гроте-Маркт.

Помните «аналоги» в Брюсселе и Генте? Если не помните, значит, первую часть моих заметок о путешествии вы не читали. А если не читали, самое время сделать это здесь и сейчас (но! конечно, дочитав эту, вторую, часть до конца).

Конечно же, такие «Гроте-Маркты» есть практически в каждом более-менее приличном городе и каждой веси Бельгии и Европы. В XIII веке площадь эта на римский манер звалась Форумом, а когда Антверпен официально стал городом (в империи, но в более поздней; не древнеримской), получила название Большой. На антверпенской, как и на подобных площадях Бельгии (тогда Нидерландов), во времена оны не только шла бойкая торговля и заключались сделки, но и вершилась судьба окрестных территорий.

На площадь мы попали, с одной стороны, в удачное время, но, с другой, не совсем удачное. Площадь перед праздниками была загромождена торговыми палатками (близилось Рождество). Как будто ещё и ремонт где-то неподалёку вершился (на снимках видны краны). Архитектурные красоты немного терялись в избыточном антураже и их было неудобно снимать на видео- и фото-. Однако даже в таком виде площадь нас впечатлила. Она, собственно говоря, вся целиком и есть главная достопримечательность Антверпена, сочетающая в своей архитектуре и фламандскую готику, и итальянский Ренессанс. Так сказать, жемчужина архитектуры XVI века (не я сказал).

Как я уже упоминал, на Грот-Маркт одной из своих сторон выходит также Собор Богоматери (Мадонны, Девы Марии, как хотите называйте). Не фасадом – фасад выходит (вспоминаете?) на площадь Перчаточного рынка (Handschoenmarkt).

В центре площади – фонтан второй половины XIX века со скульптурой Сильвия Брабо/Брабона. Это имя не скульптора, а героя статуи. Она поставлена в честь некоего легендарного или мифического римского воина, который поймал нехорошего персонажа, отрубил ему руку и... в таком виде и оказался отлитым в бронзе (не граните!).

Надо сказать, что рука – это не просто рука, а того, кого надо рука!

Жил да был жадный и свирепый великан Дрюон Антигон, построивший себе замок на том месте, где сейчас стоит Антверпен. Антигон незаконным образом понуждал платить налоги все торговые корабли, шедшие по Шельде с товаром. Если кто-то возражал и отказывался платить, безжалостный, но прагматичный великан без долгих разговоров рубил тому руку и бросал в Шельду.

Но тут, как и полагается в таких случаях, на арену явился герой. Римлянин Брабон из Тонгерена, сразился с разбойником, тоже отрубил ему руку (а заодно и голову) и тоже швырнул в реку. Дескать, бу-

меранг, да и вообще любое зло, возвращают их авторам. А статуя, как я уже сказал, изображает героя Брабона в движении – в момент, когда он бросает часть тела злодея в реку и открывает тем самым свободный проход по Шельде. История умалчивает, что получил в качестве награды Брабон, но можно предположить, что он тоже был прагматиком и внакладе не остался, пусть уже и без последующего кровопролития.

Вот «hand werpen» в переводе с басурманского и означает «бросить руку». Всё ясно теперь? То бишь Антверпен. Вот откуда название города.

...Подножие фонтана было загорожено сборно-разборными конструкциями, целиком мы его не увидели, но его середку и верхушку с Брабоном – во всей своей красе. Насколько успел понять, чаши у фонтана нет – вода стекает по камням и уходит в недра земли по трубам.

...Ратуша Стадхаус. «Студентка», «комсомолка», «спортсменка», наконец, она просто «красавица». А всего-то хотел сказать, что Ратуша – красавица, остальное вагонами прицепилось. Аллюзия, будь она неладна, не всем понятная. Молодёжь – она так и совсем не поймёт.

Ратуша построена в середине XVI века. Фламандский ренессанс, реновированный в XIX столетии. Старейшее или одно из старейших зданий эпохи Возрождения. Гляньте-ка, если рассмотрите, какие чудесные орнаменты!

...Одну из сторон площади занимают дома гильдий XVI-XVII веков. Разумеется, всё вокруг не раз уже реставрировалось и заново восстанавливалось, ибо не раз попадало под горячую руку революций, контрреволюций и контрибуций. Так, во времена так называемой «испанской ярости» (Spraanse furie, вспоминаете железного герцога Альбу, иже с ним, до и после него?) площадь вместе со зданиями на ней была покоцана, её охватили пожары.

Впрочем, если чисто конкретно, то Альба в данном случае не при делах. Просто однажды испанским солдатам задержали жалование, а они возьми да и устроили испанский бунт, бессмысленный и беспощадный. Перебили много горожан (несколько тысяч), сожгли сотни домов, поизнасиловали всё, что двигалось, и всех, кто попался под руку, словом, покуролесили. Потом всё это прежде готическое хозяйство восстанавливалось с переделкой в стиль Ренессанса – мир-то вокруг обновлялся. А затем (в XIX и даже в XX веках) дома гильдий были реконструированы с установкой статуй на их крыши. Чтобы стало, дескать, как раньше: помните про «вернуть всё взад», как «при отцах и дедах»?

Лишь небольшая часть зданий сохранилась в своём первоначальном (или почти первоначальном) виде. Даже номера их известны. Но в любом случае все красавцы да и только! Все равны, как на подбор. Дядьки Черномора рядом с ними нет. Сами по себе, без начальника. Беглый непрофессиональный

взгляд туриста не отличит новодел от сохранившегося оригинала.

Впрочем, есть «дядька» – Ратуша! Или памятник Брабону – чем не «дядька»? Или...

Вот есть, например, на площади один дом, построенный при испанцах или ими самими (конец XVI века). Раньше принадлежал гильдии арбалетчиков. Много позже был украшен статуей Георгия Победоносца с копьём, занесённым над Змеем (видимо, искусителем, но я чуть не написал: Горынычем). В общем, над Змеем-злодеем. Скульптор, соорудивший изваяние Георгия и фонтан Брабона – один и тот же. Скажете после всего этого, что он не наш? Не православный? Поулыбаемся вместе – пропаганда кого хочешь куда хочешь нынче приклеит и заведёт (как язык – до Киева), как угодно преподнесёт и кого хочешь в чём хочешь убедит.

...Вон сколько всего, что можно принять за «дядьку Черномора».

* * *

Когда идёшь и глазеешь по сторонам, то на месте не сразу и понимаешь, что забрёл уже на другую площадь – треугольную площадь Перчаточного рынка (Handschoenmarkt). Как раз на неё обращён фасад Кафедрального собора Антверпена и, соответственно, отсюда главный вход в храм. По смутным воспоминаниям, Большая площадь с Handschoenmarkt как будто смыкаются. На месте я, кажется, не сразу одну от другой отличил, да и вообще их не разграничивал. И сейчас в таком же мысленном раздрае.

На Handschoenmarkt мы оказались, кажется, раньше, чем на Большой. Уже точно и не вспомню, да, впрочем, и не важно. Важно, что оказались.

Тут тоже есть своя фигура Брабона, но не она на Handschoenmarkt главная.

Главное тут – это милый памятник нищему мальчику-сироте по имени Нелло и его верному псу Патрашу: ребёнок с доброй улыбкой и закрытыми глазами лежит, прижавшись к собаке. Оба персонажа – сугубо книжные. Автор романа «Фландрийский пёс» – Мария Луиза де ла Раме, писавшая под псевдонимом Уида. Книга никогда в полном объёме на русском не публиковалась, но пересказов, очень подробных в интернете полно. Источники сообщают, что книга очень тёплая, лиричная и слезливая. Мальчик, девочка, собака. Романтическая детская любовь. Верность. Происки злых взрослых (особенно отца девочки). В общем, трудное босоное детство, чугунные игрушки. Конец книги очень печален – голодный мальчик ночью в Рождество в пургу вместе с собакой добирается до Собора Богоматери, видит то, на что давно мечтал взглянуть хоть мельком (картину Рубенса), без сил укладывается на холодный пол, рядом с ним – верный Патраш; а утром ребёнка и пса находят мёртвыми – замёрзли. Нет повести печальнее на свете, чем повесть о ребёнке и собаке. Нет, не так. Грустней не хватит сочинить силёнки,

чем повесть о собаке с пацанёнком. Вот так! Или так: печальней на планете нет книжонки, чем повесть о собаке и ребёнке.

...По-настоящему знаменитой книга Уиды стала почему-то в восточных и юго-восточных странах. В Азии: Японии, Южной Корее и Малайзии. Нет пророка в отечестве своём? Посему даже первый памятник Нелло и Патрашу на площади Перчаточного рынка был установлен на деньги японской компании Toyota. Потом слава романа вернулась в Бельгию. Несколько лет назад появилась вот эта скульптура. Это уже дело рук местного творца. Дело мастера, как известно, боится. Особенно фламандского.

Милая хитроватая улыбка пса делает его похожим на лисицу. Разве нет?

* * *

Наконец вышли к берегу Шельды. С набережной Собор тоже виден.

На Чёртовом колесе (колесо обозрения) мы не полезли.

На террасе набережной – античные мотивы. Статуя Богини Минервы в плаще, шлеме и со щитом. Голова на высокой тонкой шейке – того и гляди надломится. Ан нет! Посажена на века!

Сюжет не просто абстрактно античный, но конкретно древнеримский. Минерва – римская Богиня мудрости и... войны. При этом она «многостаночница»: ещё «покровительница ремесленников, писателей, актёров, поэтов, художников, учителей, учащихся и врачей». Потом Минерва, правда, эллинизировалась и в позднем Риме, где Греция уже была составной частью огромной мировой империи, стала ассоциироваться с Афиной Палладой.

Монумент установлен в середине XX века. То есть относительно свежий. Над шедевром (или «шедевром») потрудился итальянский скульптор. Фламандца не нашли или своего не захотели?

* * *

Дальше мы с супругой просто идём вдоль набережной.

Какой-то базар-вокзал вокруг, вернее, бойкий предрождественский торг. На прилавках – всякие мелочи, безделушки. Мы с женой давно поняли: купишь что-нибудь на таких развалах, а потом, вернувшись домой, долго размышляешь, к чему это сделал?

Поэтому в поездки давно ничего домой не покупаем (кроме хорошего местного вина, если таковое есть).

...Где-то тут, мы, кажется, и глинтвейна глотнули.

* * *

Замок Стен, Burg Steen (Стен – название, а не родительный падеж русского слова «стена») мы увидели только в таком вот «разобранном» и непотребном виде.

Цитадель XIII столетия, но в XVI веке в период испанского/имперского владычества она, обветшав, была перестроена под требования своей эпохи.

В стародавние времена здесь и тюрьма бывала, причём, не постоянно а периодически: то тюрьма, то нечто иное полайтовой. В недавние – это вроде музей археологии и мореплавания. Что тут будет дальше, Бог весть, а мы с женой не весть. Или уже что-то есть (ведь с момента нашего путешествия четыре года минуло).

Высматривали с женой памятник Длинному Вапперу, Lange Wapper (персонаж местного фольклора). Раньше он, согласно путеводителям, точно стоял где-то тут. Все глаза проглядели. Но скульптура была, видимо, сокрыта сплошным строительным забором (или вообще на время восстановительных работ перенесена куда-то в другое место).

Ваппер – фигура мистическая. Не любит пьяниц, жестоко наказывает женщин, бросающих детей. Казалось бы, дядька сугубо положительный, отстаивающий традиционные христианские (но нынче как бы уже и не совсем европейские) ценности. Ан нет! Он ещё и «шутник», сводящий с ума, а потом и в могилу женихов, польстившихся на одну и ту же невесту. За один раз обманул и отправил на тот свет четверых парней, причём, все четверо невольно и последовательно послужили причиной смерти друг друга – вспоминаете костяшки домино, стоящие одна подле другой? и тут вдруг первая костяшка начала падать на соседнюю...

Ещё Длинный Ваппер... охотник за душами людей, включая новорождённых. Чёрт лысый ему товарищ после такого! И сам он тоже чёрт лысый – вот он кто!

Нам Чёрт в образе Длинного Ваппера (ни собственной персоной, ни в виде скульптуры) не попался и никак не повредил – видимо, над нами незримо витала Пресвятая Дева (она-то и есть единственное «средство защиты» от негодника – только её он, дьявол, боится). Кстати, раньше горожане повсюду на перекрёстках устанавливали изображение Мадонны – до сих пор много где сохранилось, но мы их, кажется, не заметили. Тем антверпенцы, видимо, и спасаются...

* * *

Собор святого апостола Павла, Sint-Pauluskerk – в нескольких шагах от реки.

Собственно говоря, мы и продолжаем шагать по набережной Шельды. Теперь никуда не сворачиваем, идём себе и идём.

В этом районе прежде жили моряки: оно и понятно – чтоб до работы не часами добираться. Дескать, встал, умылся – и за рыболовную сеть обеими руками (не за удочку же! рыба требовалась на продажу в промышленных объёмах).

Сейчас район наверняка жуть какой дорогой (хотя не обязательно пафосный – пафоса тут я не

увидел). Про «дороговизну» – не констатация, а гипотеза.

А вот и католический храм на Веemarkт (Veemarkt). Внешний вид – брабантская (или брабантская?) готика. Плюс немного барокко.

В «недра» церкви мы не попали – она была закрыта. Просто рядом стояли, а потом мимо прошли. Но я знаю, что там внутри – картины ведущих художников Антверпена: Питера Пауля Рубенса, Энтони ван Дейка и Якоба Йорданса (о нём дальше напишу) и ещё куча всего – прекрасного и интересного.

У Собора богатейшая история «жизни». Изначально он был... вернее, не он был, а тут неподалёку стояла небольшая церквушка доминиканцев, названная в честь покровителя их ордена – как раз святого Павла (XIII век). Из-за постоянных наводнений и подтоплений в XVI веке на участке повыше построили другой храм (старую «рухлядь» снесли), но имя осталось – перекочевало вместе с доминиканцами на новодел своей эпохи.

Доминиканцы тут потом и монастырь основали. Стали вращаться корнями, расширяться, «размножаться». Но вот колесо истории сделало очередной крутой оборот – вместе с новой эпохой пришли протестанты (кальвинисты) и всё опошлили: доминиканцев изгнали, монастырь пограбили и закрыли. Всё в храме переделали под свой канон, на свой вкус и лад (трансепты и алтарь вообще были снесены за ненадобностью). И стал католический Собор «упрощённой» протестантской молельней.

Но тут с огнём и мечом вернулись испанцы, а вместе с ними и католики-доминиканцы, принявшие возвращать «всё взад». Кто ж не любит кисельные берега и молочные реки прошлого и собственной юности! Короче, стали восстанавливать Собор и монастырь. Во второй половине XVII века реконструкция была завершена. Но тут возник пожар, из-за которого пострадали своды нефа и часть западного фасада. Капитальный ремонт. Без него не обошлось. Вершина башни приобрела стиль барокко – время, как ни сопротивляйся, опять и снова продиктовало свои условия, вкусы и антураж. Жизнь не стоит на месте – берёт своё. Технологии (в том числе нано-) развиваются – Чубайс тому свидетель, и пока не то, что не подсудимый, но даже не обвиняемый (улыбка).

В первой половине XVIII века у Собора появилась собственная так называемая Голгофа – скульптурная композиция из 63 статуй в человеческий рост с девятью барельефами. Не нано- (опять улыбка).

Когда в Антверпен как оккупанты пришли французы (Великая Французская революция), то понятное дело, все монастыри католиков-доминиканцев

без лишних дискуссий были закрыты (дескать, реакционеры, «опиум для народа», хоть такого фразеологизма тогда ещё и не знали). Церковь как обычный товар, как недвижимое имущество была выставлена на торги, но... купил её доминиканский приор и тем самым спас многие её «внутренности» от поругания и разорения.

...И вот в самом начале XIX века всё это хозяйство оказалось в руках городского совета. Короче, стало муниципальной собственностью. А сам Собор – приходской церковью. Но на этом его перипетии не закончились. Все помнят, что территория, бывшая некогда единой, стала двумя разными государствами: Бельгией и Нидерландами (Голландией)? И так-то с гулькин нос, так нет же – надо ещё дальше поделиться! Так вот, ближе к середине XIX столетия голландцы пожелали быть насильно милыми, пошли войной на Антверпен и стали его обстреливать из артиллерии. Собор пострадал – были утрачены витражи XVII века. И не только они. Снова капремонт. Интерьер церкви сильно или почти полностью изменился.

И, наконец, пожар 1968 года (автору этих строк было тогда 2 года, то есть я уже жил – радость-то какая!) Сгорела крыша (верхушка башни в стиле барокко перестала существовать), были повреждены своды и внутренности. Монастырь превратился в руины. Опять реновация.

Такая вот долгая и удивительная история святыни.

Внутри храма мы не были, он вроде открыт для обзора только в тёплое время года (с 1 апреля по 30 октября), хотя в Бельгии по нашим меркам холодного времени и нет совсем. Мы были зимой. Но уверяю вас (ибо прочитал в верных источниках¹), что внутри – море культурных ценностей, в том числе и оригиналы Рубенса: *«В глубине храма потрясающий алтарь Розенкранцалтарь. Рядом находятся пятнадцать мистерий Розенкранца. Это живописные полотна одиннадцати антверпенских мастеров школы Рубенса. Среди них есть работы Йорданса², ван Дейка и самого Рубенса».*

...Ещё внутри Собора есть орган XVII века. Орган – не орган, если что. Пишут, что его звучание – лучшее в Европе. Может, насчёт «лучшего» и привирают. Ибо, во-первых, «лучшее» подразумевает в том числе «единственное», а, во-вторых, это дело вкуса; но то, что «одно из лучших» – наверняка (тут и меня смутные сомнения не терзают)!

...Напоследок буквально несколько слов о двух картинах, которые мы с женой в Антверпене не видели (причём, не увидели бы их в любом случае, хоть проникнув внутрь храма, хоть нет). И на примере этих полотен – печальная «повесть» о том, как пе-

¹Тут вспоминается следующая фраза из романа Марка Алданова «Бегство»: «...Я знаю из верного источника [...], – сказала желтолицая Глафира Генриховна, которая всё знала из верного источника...»

²О том, что такой Йорданс, – чуть позже.

реходили из рук в руки так называемые культурные ценности в периоды смут и войн. Как грабили белым днём (человек с ружьём и мечом – он на грабежи горазд, напрочь забывая о личной нравственности и общественной морали).

Сюжет первый. В XVII веке в главном алтаре Собора висела картина Рубенса «Видение святого Доминика». Вместе с другими полотнами она была украдена Наполеоном во время французской оккупации Антверпена и увезена в Париж. Картины (в том числе рубенсовская) были переданы двум региональным музеям «лягушатников». Вот там до сих пор и находятся, хотя ещё на Венском конгрессе 1814-1815 годов было договорено вернуть их законным владельцам.

Сюжет второй. В XVII же веке в Антверпен привезли картину Караваджо «Мадонна с Розарием» – она была подарена храму святого Павла. Но в следующем столетии (ещё до Наполеона) это полотно успел «прихватизировать» в свою коллекцию австрийский император Иосиф II. И сегодня картина висит в одном из венских музеев.

Так вот и присваивали чужое культурное добро.

* * *

А вот на берегу реки Шельды и тот самый... нет, опять не Мюнхгаузен, а Якоб или Джейкоб Йорданс, Jacob Jordaens, о котором я выше упоминал, но обещал рассказать о нём чуть позже.

И вот он, Йорданс! Не живой, конечно, но собственной персоной в виде памятника.

Как и Рубенс с ван Дейком, этот – тоже живописец. Представитель фламандского барокко XVII века.

Ученик Рубенса (к каким-то своим работам Рубенс его даже привлекал в качестве, как сказали бы сейчас, субподрядчика работ: дескать, тут подрисуй-подкрась; а здесь, так и быть, сделай «под ключ»). Ещё пишут, что на живопись Йорданса сильно повлиял великий Караваджо.

После смерти Рубенса и ван Дейка Йорданс стал самым модным художником города. Будучи протестантом, он ничуть не стеснялся получать заказы от католиков, в том числе от английского короля Карла I (а католики в свою очередь несколько не стеснялись

эти заказы протестанту давать – «брендовым» был еретик).

Не чурался Йорданс писать не только вечные картины, но и «картоны для гобеленов» (аллюзия из детства: «картина, корзина, картонка и маленькая собачонка»).

Особенности его реализма (тут лучше сказать не своими словами, а цитатой из верных источников): «пристрастие к полнокровным крестьянским и бюргерским типам, крепким тяжеловесным фигурам и сочным деталям, предпочтение бытовому жанру и жанровой трактовке религиозных и мифологических тем, энергичная и сильная плотная живопись с преобладанием звучных тёплых тонов». Уф! Пафосно, но уж как есть. Цитата – она и в Африке цитата, ничего не поделаешь.

Йорданс имел множество официальных учеников, зарегистрированных в Гильдии св. Луки. Тоже официоз.

Умер от инфекции в один день со своей дочерью. Что у них была за болезнь – и поныне загадка. «Тайна сия велика есть». От момента начала хвори до смерти прошли сутки. Озноб, головокружение, головные и мышечно-суставные боли, лихорадка, обильный пот – и уход в мир иной.

...Скульптура установлена во второй половине XIX века.

* * *

Каким путём мы возвращались обратно к вокзалу, я совсем не помню (каким-то образом «дотелепались», как говаривала некогда в студенчестве одна моя знакомая) – как будто кто-то мокрой тряпочкой провёл по школьной доске и вытер весь мел без остатка.

Возможно, тем же самым, что шли к Шельде и вдоль неё, потому и не запомнилось.

Всё возвратилось на круги своя – откуда ушли, туда и пришли.

И ещё, кажется, на каком-то этапе у меня разрядилось средство труда и отдыха (или средства труда во время отдыха) – мобильник, потому после кадра с памятником Йордансу снимков в этот день я больше не делал (и в архиве таковых нет).

Антверпенский вокзал

На улице Меур

Везде идет ремонт

Замок Стен в лесах

Рубенианум

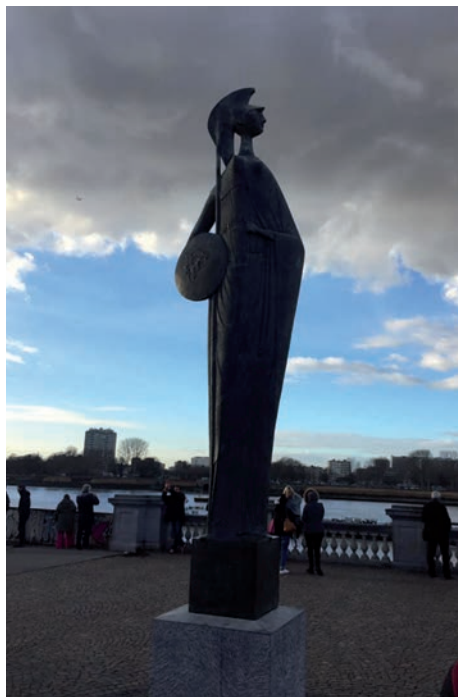
Церковь Карло Борromeо

Памятник Йордансу

Минерва

Нелло и Патраш

Памятник Тенирсу

Собор Богоматери

Площадь Консьянса

Фонтан на Гроде-Маркт

Памятник ван Дейку

Площадь Гроде-Маркт

Рождественские распродажи

Церковь апостола Якоба

Собор апостола Павла

Ратуша

На улице Антверпена

Церковь в стороне от «столбовой дороги»

Старый причал

Музей алмазов

«Чувство надвигающейся катастрофы не оставляло меня с момента его появления в нашей квартире. Откуда он взялся, как нашёл меня?»

– Рома, он не похож на сумасшедшего, – возразила мне Сашенька. – И он так уверенно говорил о вашем знакомстве.

– Сумасшедшие не всегда похожи на сумасшедших, – я покачал головой. – Ты так доверчива...

– Хорошо, пусть он сумасшедший! Но откуда тогда он знает о том, что ты решил недавно полностью изменить свою жизнь? Откуда он знает, что мы переехали? Рома, может, ты хочешь мне что-то рассказать?»

Ну что я мог ей рассказать? Я ещё крепче обнял мою Сашеньку, мою любовь, моего златокудрого ангела с голубыми глазами. Разве мог я рассказать женщине, которую безумно любил, о том, что я сделал всё, чтобы найти её и вернуть своё счастье? Разве мог я ей рассказать, что безвозвратно потерял её в том, своём мире, из которого пришёл?..»

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ НИНЫ ЛЕВИНОЙ «ВО ИМЯ ЛЮБВИ»

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В книгу прозы Виктора Мишкина вошли практически все его прозаические произведения: как законченные, так и незавершенные. За исключением романа «Все деньги мира», который вышел отдельной книгой несколько лет назад и представляет собой самое большое прозаическое произведение Мишкина.

